

УКРАЇНСЬКИЙ
ІНСТИТУТ
НАЦІОНАЛЬНОЇ
ПАМ'ЯТІ

УСНА ІСТОРІЯ РОСІЙСЬКО-УКРАЇНСЬКОЇ ВІЙНИ

2014–2018

ВИПУСК 4

**УСНА ІСТОРІЯ
РОСІЙСЬКО-УКРАЇНСЬКОЇ
ВІЙНИ
(2014-2018 РОКИ)**

Випуск 4

УКРАЇНСЬКИЙ ІНСТИТУТ НАЦІОНАЛЬНОЇ ПАМ'ЯТІ
ЗАПОРІЗЬКИЙ НАЦІОНАЛЬНИЙ УНІВЕРСИТЕТ
Історичний факультет
ЗАПОРІЗЬКА ОБЛАСНА ДЕРЖАВНА АДМІНІСТРАЦІЯ
Департамент культури, туризму, національностей та релігій
ІНСТИТУТ УКРАЇНСЬКОЇ АРХЕОГРАФІЇ
ТА ДЖЕРЕЛОЗНАВСТВА
ІМ. М. С. ГРУШЕВСЬКОГО НАН УКРАЇНИ
Запорізьке відділення

УСНА ІСТОРІЯ РОСІЙСЬКО-УКРАЇНСЬКОЇ ВІЙНИ (2014-2018 РОКИ)

Випуск 4

К.І.С.
Київ
2018

УДК: 94(477 + 470 + 571)«2014/2018»

ББК: ТЗ(4Укр)64

У75

Рекомендовано до друку рішенням
Вченої ради Запорізького національного університету
(протокол №11 від 17.05.2018 р.)

Редакційна колегія серії:

к.і.н. Владислав Мороко, к.і.н. Сергій Білівненко, к.і.н. Вале-
рій Мороко, к.і.н. Олексій Штейнле, Михайло Павленко

У 75 Усна історія російсько-української війни (2014-2018 роки) /
за ред. В. В. Мороко. — Випуск 4. — Київ : К.І.С., 2018. —
384 с., іл.

ISBN 978-617-684-215-6

Книга спогадів містить інтерв'ю військовослужбовців, які воювали у складі українських добровольчих формувань. Розкриваються обставини виникнення батальйонів «Донбас», «Айдар», полку «Азов», Добровольчого українського корпусу «Правий сектор», батальйонів територіальної оборони. Висвітлюються питання мотивації добровольців, особливості їх бойового досвіду та оцінка сучасної російсько-української війни. Інтерв'ю доповнені фотографіями із зони бойових дій.

Для дослідників, студентів та усіх, хто цікавиться перебігом військового конфлікту на Донбасі. Російською та українською мовами.

УДК: 94(477 + 470 + 571)«2014/2018»

ББК: ТЗ(4Укр)64

© Український інститут національної пам'яті, 2018.

© Запорізький національний університет, 2018.

© Запорізька обласна державна адміністрація, 2018.

© Ольга Сало, дизайн, 2016.

ISBN 978-617-684-215-6

Я не шкодую, що пройшов цей шлях. Спробую своїми словами пояснити. Зараз народ намагається провести люстрацію. Депутата хватають, кидають в урну, кажуть, що в АТО його відправлять. Це позиція ізначально неправильна, бо в АТО не можна таких людей відправлять. Це не виправна колонія. Для мене люди, які туди йдуть, вони мають якусь привілеگیю. Це честь. Просто там існує можливість за свободу України віддати найдорожче – власне життя. І люди, які йдуть туди добровільно, – це дуже, дуже велика честь і дуже велика їм шана.

*Володимир, солдат батальйону
«Донбас» та полку «Азов»*

ЗМІСТ

Добровольчий рух у протидії російській агресії (2014-2018 роки)	9
Військові терміни в тексті	17
Святослав-Андрій (батальйон «Донбас»).....	29
Максим (полк «Азов»)	67
Володимир (полк «Азов»).....	135
Юлія (Українська добровольча армія)	152
Олексій (Добровольчий Український Корпус «Правий Сектор»)	210
Володимир (батальйон «Донбас» і полк «Азов»)	248
Тимур (батальйон «Донбас»).....	284
Датвіа (батальйон «Айдар»)	318
Руслан (23-ий батальйон територіальної оборони «Хортиця»)	332
Олександр (23-ий батальйон територіальної оборони «Хортиця»)	340
Антон (батальйон «Донбас»)	355
Географічний покажчик.....	376

ДОБРОВОЛЬЧИЙ РУХ У ПРОТИДІЇ РОСІЙСЬКІЙ АГРЕСІЇ (2014-2018 РОКИ)

«У Збройних силах України є тільки тактика і бойовий дух. Ми привели всі збройні сили в ступінь бойової готовності у відповідності до плану навчань. Але статистика невтішна»¹, — описував ситуацію в українській армії виконуючий обов'язки міністра оборони Ігор Тенюх 11 березня 2014 року. Його думки про неспроможність протистояти нападів Росії поділяли тоді більшість можновладців у керівництві післяреволюційної України та військових експертів.

Дійсно, через низку причин на початку 2014 року Збройні сили України перебували у глибокому занепаді. Процес розграбування військового майна протягом 1990-х — 2010-х призвів до технічного «знекровлення» армійських підрозділів. Запаси радянської зброї та амуніції активно продавалися закордон, збагачуючи керівництво країни та генеральську верхівку. Як наслідок, ЗСУ втратили ядерну зброю, більшу частину авіації та флоту, оперативно-тактич-

¹ Тенюх пояснив, чому армія не дає відсіч російським окупантам. — Режим доступу: <https://www.pravda.com.ua/news/7018353/11/03/2014/>

них ракетних комплексів, значну частину бронетехніки та артилерійського озброєння². Потужний військово-промисловий комплекс працював не на модернізацію власної армії, а на експорт, приносячи дивіденди фактичним кураторам галузі. Як свідчить аналітика Верховної Ради України, оборонні витрати 2000-х років не покривали поточні потреби ЗСУ³. Говорити про закупівлі нових, більш сучасних, зразків військової техніки не доводилося.

Занепад технічний супроводжувався кадровим голодом. Низький рівень заробітних плат та втрата престижу військових спеціальностей спричинили відтік кваліфікованих фахівців до інших галузей або закордон. У дослідженні Центра Разумкова 1999 р. наводилися шокуючі дані про мотивацію командирського корпусу. Згідно з ними, 57% офіцерів та прапорщиків вважали свій настрій близьким до депресії та апатії. Причинами цього називалися матеріальне становище, стан справ у ЗСУ та ставлення в суспільстві до армії. 60% опитаних не бачили перспектив на військовій службі⁴.

Становище в українській армії на початок 2014 року було добре відомо російській верхівці. Вона розраховувала, що за допомогою погроз силою та місцевих сепаратистів їй вдасться анексувати Автономну Республіку Крим та поставити під контроль

² Аргат О. Утрачена армія здобутої держави. — Режим доступу: <http://www.istpravda.com.ua/articles/74241/23/02/2012/>

³ Гусев Ю. Аналіз видатків сектору оборони в Україні: -2006 2016 роки / Офіс з фінансового та економічного аналізу у Верховній Раді України. К., 2017. С. 20-22.

⁴ Національна безпека і оборона. 2000. №1. С.10-11.

області Півдня та Сходу України. Першим етапом втілення цього плану стало захоплення Кримського півострова Росією наприкінці лютого — у березні 2014 року. Наступний етап — розпалювання війни на Сході України — стартував 12 квітня 2014 року, коли група російських диверсантів під керівництвом Ігоря Гірка заховила м. Слов'янськ та кілька навколишніх населених пунктів. Станом на травень 2014 року їм вдалося встановити контроль над більшою частиною Донецької та Луганської областей. Усе це відбувалося на фоні паралічу або відвертого колабораціонізму місцевих органів влади та правоохоронних органів. Ключовим фактором стрімкого наступу бойовиків стало переконання про нездатність ЗСУ та інших силових структур чинити опір. Згодом члени терористичного угруповання «ДНР» неодноразово підкреслювали: «...скільки було розмов про те, що в українській армії один танк і той іржавий!»⁵.

Однак на заваді планам російського агресора стало громадянське суспільство України. В умовах цілковитої розгубленості державних структур народився потужний добровольчий рух. Він став органічним продовженням проявів самоорганізації українських громадян під час Євромайдану. Уже з перших днів російської агресії значна частина активних учасників Революції Гідності відправилися до армії. Як згадував один із представників цієї хвилі В'ячеслав Зайцев, військкомати на той момент не були готові до такого ентузіазму і кілька

⁵ Див., наприклад, <https://www.youtube.com/watch?v=L2f8WIDaPTU>

разів відправляли добровольців додому. «Хотілося служити, хотілося чимось допомогти Батьківщині, бо якісь військові навички я маю, я маю і я їх пам'ятав тоді, — згадував десантник. — На жаль, відправляли додому, і лише з третього або четвертого разу я попав у місто Миколаїв, 79-у аеромобільну бригаду»⁶. На той момент окремих військових підрозділів з громадян, що самостійно виявили бажання захищати Україну, не існувало. Тож більшість з добровольців «першої хвилі» пішли на службу до регулярних військових формувань.

Меланхолійний підхід до завдань оборони, розповсюдженість російської агентури та корупція викликали значну недовіру до державних структур. Як наслідок, серед активної частини українського суспільства був величезний попит на створення власне добровольчих формувань. 5 травня 2014 року Рада Майдану видала наказ «Про основні завдання Самооборони Майдану в умовах російської агресії»⁷. У ньому оголошувалася мобілізація до Самооборони та визначалися основні формати утворення «добробатів». Передбачалося чотири основні варіанти для створення військових підрозділів нового типу:

- у складі Національної гвардії України;
- спецпідрозділи з охорони громадського порядку при МВС України;

⁶ Усна історія російсько-української війни (2014-2015 роки) / Ред. кол. серії: В. Мороко, Р. Молдавський, С. Білівненко, О. Штейнле, В. Лініков, М. Волобуєв, М. Павленко. Вип.1. К.: К.І.С., 2015. С. 25.

⁷ Самооборона допомагатиме МВС і створить резервні батальйони. — Режим доступу: <https://www.pravda.com.ua/news/2014/05/6/7024516>

- батальйони територіальної оборони при Збройних силах України;
- інші збройні формування.

Саме такими шляхами відбувалася легалізація вже стихійно створених та формування нових добровольчих підрозділів. Запропонована Радою Майдану класифікація широко розповсюдилася у дослідженнях сучасної російсько-української війни і стала загальноновживаною⁸.

У підпорядкуванні Нацгвардії найбільш крупними підрозділами стали окремий загін спеціального призначення «Азов», 1-й батальйон оперативного призначення резервістів імені Кульчицького та батальйон «Донбас», у подальшому переформатований у «Донбас-Україна».

Безпосередньо у структурі МВС України виникли загони патрульної поліції особливого призначення. Під час розпаду бойових дій у зоні Антитерористичної операції несли службу батальйони «Дніпро-1», «Миротворець», «Січ», «Полтава», «Чернігів» та інші. Станом на вересень 2014 року було сформовано 34 спецпідрозділи на добровольчій основі⁹, які

⁸ Гуральська А. Добровольчі батальйони. Виникнення, діяльність, суперечності. Звіт. — Режим доступу: <http://ua.odfoundation.eu/a/6444,zvit-dobrovolchi-batalyonivivniknennya-diyalnist-superechnosti>; Булах А., Сеньків Г., Теперик Д. Первые на передовой: отражение военной агрессии России против Украины / International Centre for Defence and Security. Таллинн, 2017. 42 с., Бутусов Ю. Добровольчі батальйони: структура, страхи, проблеми бойового застосування. Дзеркало тижня. 2014. 29 серпня.

⁹ Арсен Аваков: Мир нужен, но не любой ценой. — Режим доступу: [https:// focus.ua/country/316552/](https://focus.ua/country/316552/)

після реформи 2015 року перейшли до складу Національної поліції України.

Як частини Збройних сил України у 2014 році відбувалося становлення батальйонів територіальної оборони. На них покладалися завдання з охорони державних об'єктів та забезпечення правопорядку в регіонах, у яких вони формувалися. Але в реаліях російсько-української війни завдання територіальної оборони відійшли на другий план, а самі підрозділи були направлені в зону бойових дій. Найбільш відомими з «тербатів» стали 13-й «Чернігів-1», 21-й «Сармат», 23-й «Хортиця», 24-й «Айдар», 25-й «Київська Русь», 37-й «Запоріжжя», 39-й «Дніпро-2», 40-й «Кривбас» тощо. Наприкінці 2014 року батальйони територіальної оборони були перетворені на мотопіхотні та передані до складу регулярних частин ЗСУ. Також робилися спроби формувати на добровольчій основі окремі лінійні частини української армії. До них належали 3-й аеромобільний батальйон «Фенікс» у складі 79-ої аеромобільної бригади та 46-й окремий батальйон спеціального призначення «Донбас-Україна».

Частина добровольців опинилася поза визнаними державою структурами. Найбільш значним з таких формувань став Добровольчий український корпус «Правий сектор». Офіційною датою його створення стало 17 липня 2014 року — видання перших наказів командування¹⁰. У грудні 2015 року від корпусу відкололася Українська добровольча армія на чолі

¹⁰ Наказ №1 по Добровольчому українському корпусу «Правий сектор». — Режим доступу: <https://pravyysektor.info/duk-ps/nakazy/2014/nakaz-no1>

з Дмитром Ярошем. Також без офіційного державного статусу воювали на Донбасі штурмова рота «Карпатська Січ» (до травня 2015 року), батальйон ОУН (до квітня 2015 року), Грузинський національний легіон (до лютого 2016 року) тощо. Діяльність нелегалізованих «добробатів» — одна з найменш вивчених сторінок сучасної російсько-української війни.

Такий поділ є певною мірою умовним і показує форми взаємовідносин добровольчого руху та держави. Протягом війни окремі підрозділи неодноразово змінювали приналежність, що не мало вирішального впливу на їхні бойові якості.

Добровольчий рух радикально вплинув на перебіг російсько-української війни. Він став авангардом спротиву агресору та дозволив у найбільш критичній ситуації 2014 року виграти час для розгортання оборони. У своїй боротьбі з окупантами та місцевими колаборантами добровольці часто йшли попереду державних структур.

Четвертий випуск серії «Усна історія російсько-української війни (2014-2018 роки)» намагається охопити усі складові добровольчого руху. «Азовці» Максим та Володимир у своїх спогадах детально змалювали підготовку та фронтові будні полку «Азов», зокрема його роль у боротьбі навколо Маріуполя. «Донбасівці» Святослав-Андрій та Тимур поділилися інформацією про героїчний шлях батальйону «Донбас» першого формування — від весни 2014 року до Іловайської трагедії. Солдат Датвіа висвітлює роль у російсько-українській війні

батальйону «Айдар», створеного під егідою Збройних сил України. Рядовому Володимиру довелося побувати як у складі батальйону «Донбас», так і полку «Азов» під час найгарячіших етапів протистояння на східному фронті. Олексій та Юлія розповіли про особливості війни у складі Добровольчого українського корпусу «Правий Сектор», невизнаного державними структурами. Полковник Руслан Михайлович та рядовий Олександр розказав про виникнення та бойовий досвід 23-го батальйону територіальної оборони.

Червоною ниткою крізь усі спогади проходить питання про те, що змушує звичайну людину поставити на паузу своє життя і ризикувати найціннішим? Для добровольців такою силою стала віра в Україну та її майбутнє, а також почуття відповідальності. «Хто, як не ми?», — задає питання один із героїв книги. У цьому моменті ховається ключова роль добровольчого руху в історії сучасної війни. У вирі хаосу та зневіри добровольці знайшли в собі сили взяти до рук зброю і захищати власну країну. Це в корені зламало плани російської верхівки, яка розраховувала на тотальний параліч державних структур. Добровольці дали країні шанс на майбутнє. З величезною надією ми поділяємо їхню віру в Україну та усвідомлюємо власну відповідальність за наш спільний дім.

Голова редакційної колегії серії,
кандидат історичних наук Владислав Мороко

ВІЙСЬКОВІ ТЕРМІНИ В ТЕКСТІ

«Азов» — добровольчий полк (до 17 жовтня 2014 р. — батальйон) Національної гвардії України, створений 5 травня 2014 р. на підставі рішення Міністерства внутрішніх справ. Наразі базується у м. Маріуполь Донецької області.

«Айдар» — 24-й батальйон територіальної оборони у травні 2014 р. У вересні 2014 р. переформатований у 24-й окремий штурмовий батальйон. З листопаду 2015 р. — у складі 10-ї окремої гірсько-штурмової бригади ЗСУ.

«Аратта» — 8-й окремий батальйон Української добровольчої армії. Базується в с. Юр'ївка під м. Маріуполь Донецької обл.

«Близнюки» — військовий полігон поблизу м. Запоріжжя.

«Восьмидесятка» (80-мм міномет, 2Б14) — радянський 82-мм міномет. Прийнятий на озброєння в 1983 р. Дальність ураження — від 85 м до 4 км.

«Град» (БМ-21) — реактивна система залпового вогню калібра 122 мм. Випускається з 1960 р. Дальність ураження — 5-40 км.

«Гюрза» (самозарядний пістолет Сердюкова) — бронейний пістолет російського виробництва. Випускається з 1996 р. Дальність ураження — 100 м.

«**Джавелін**» (FGM-148 Javelin) — переносний протитанковий ракетний комплекс третього покоління. Прийнятий на озброєння армії США в 1996 р. Дальність стрільби — 2,5 км.

«**Джміль**» (рос. «Шмель») — реактивний вогнемет одноразового застосування. На озброєнні радянської армії з 1988 р. Максимальна дальність ураження — 1 км.

«**Дніпро-1**» — добровольчий полк поліції особливого призначення, створений у квітні 2014 р. Базується у м. Дніпро.

«**Дніпро-2**» — 39-й батальйон територіальної оборони, створений з мешканців Дніпропетровської обл. у травні 2014 р. У листопаді 2014 р. переформатований у 39-й окремий мотопіхотний батальйон.

«**Донбас**» — добровольчий батальйон спеціального призначення у складі 18-го полку оперативного призначення Національної гвардії України. Створений у травні 2014 р.

«**Запоріжжя**» — 37-й батальйон територіальної оборони, створений з мешканців Запорізької обл. у вересні 2014 р. У листопаді 2014 р. переформатований у 37-й окремий мотопіхотний батальйон у складі 93-ї танкової бригади ЗСУ. З травня 2015 р. — у складі 56-ї мотопіхотної бригади ЗСУ.

«**Карпатська Січ**» — окрема зведена штурмова рота у складі 93-ї механізованої бригади ЗСУ. Створена в 2014 р., розформована у 2016 р.

«**Київська Русь**» — 25-й батальйон територіальної оборони, створений з членів Самооборони Майдану та мешканців Київської обл. у червні 2014 р. У

жовтні 2014 р. переформатований у 25-й окремий мотопіхотний батальйон.

«Кривбас» — 40-й батальйон територіальної оборони, створений з мешканців м. Кривий Ріг Дніпропетровської обл. у червні 2014 р. У листопаді 2014 р. переформатований у 40-й окремий мотопіхотний батальйон у складі 17-ї танкової бригади ЗСУ.

«Кугуар» («КрАЗ Кугуар») — бронев автомобіль українського виробництва. Виробляється з 2014 р.

«Миротворець» — добровольчий батальйон (з серпня 2015 р. полк) поліції особливого призначення. Створений у структурі Головного управління МВС України в Київській області.

«Мосінка» — див. гвинтівка Мосіна.

«Негев» — ручний кулемет калібру 5,56 мм. На озброєнні ізраїльської армії з 1997 р. Дальність вогню — 1000 м.

«Полтава» — добровольчий батальйон патрульної служби поліції особливого призначення, створений наприкінці квітня 2014 р. у структурі УМВС України в Полтавській області.

«Рапіра» — див. МТ-12.

«Сармат» — 21-й батальйон територіальної оборони, створений з мешканців Херсонської обл. у червні 2014 р. У листопаді 2014 р. переформатований у 13-й окремий мотопіхотний батальйон у складі 28-ї танкової бригади ЗСУ.

«Січ» — добровольчий батальйон патрульної служби поліції особливого призначення, створений у червні 2014 р. в структурі Головного управління

МВС України в м. Києві з членів Всеукраїнського об'єднання «Свобода».

«**Ураган**» (БМ-27) — реактивна система залпового вогню калібру 220 мм. Прийнята на озброєння в 1975 р. Дальність ураження — від 8 до 35,8 км.

«**Урал**» — вантажний автомобіль переважно військового призначення. Вироблявся протягом 1977-1998 рр. на Уральському автомобільному заводі (Росія).

«**Уральські казарми**» — пункт постійної дислокації 55-ї артилерійської бригади у м. Запоріжжя.

«**Утєс**» — див. НСВ-12,7.

«**Фагот**» (ПТРК) — протитанковий керований ракетний комплекс. Прийнятий на озброєння в 1970 р. Дальність ураження — до 2 км.

«**Хортиця**» — 23-й батальйон територіальної оборони, створений з мешканців Запорізької обл. у квітні 2014 р. У листопаді 2014 р. переформатований у 23-й окремий мотопіхотний батальйон у складі 93-ї танкової бригади ЗСУ. З травня 2015 р. — у складі 56-ї мотопіхотної бригади ЗСУ.

«**Чернігів**» — підрозділ патрульної поліції особливого призначення, створений 16 квітня 2014 р., як добровольчий батальйон патрульної служби міліції особливого призначення у структурі УМВС України в Чернігівській області.

«**Чернігів-1**» — 13-й батальйон територіальної оборони, створений з мешканців Чернігівської обл. у 2014 р. У листопаді 2014 р. переформатований у 13-й окремий мотопіхотний батальйон у складі 1-ї танкової бригади ЗСУ.

120-мм полковий міномет (ПМ-120) — радянський міномет, прийнятий на озброєння в 1943 р. Дальність ураження — до 5,7 км.

1-й батальйон оперативного призначення резервістів імені Кульчицького — добровольчий підрозділ, сформований з членів Самооборони Майдану з березні 2014 р.

200-й («двохсотий») — умовне позначення у армії при транспортуванні тіла загиблого військовослужбовця до місця поховання, у ширшому сенсі — загиблого солдата. Використовується з часів війни в Афганістані (1979-1989 рр.).

28-а окрема механізована бригада (28 ОМБр) — військове формування у складі оперативного командування «Південь» ЗСУ. Базується у смт. Чорноморське Одеської обл.

300-й (трьохсотий) — умовне позначення у армії при транспортуванні пораненого солдата, якого вивозять із зони бойових дій. Використовується з часів війни в Афганістані (1979-1989 рр.).

3-й аеромобільний батальйон «Фенікс» — лінійний підрозділ 79-ї окремої десантно-штурмової бригади, створений з добровольців. Названий на честь волонтерської організації «Крила Фенікса» Юрія Бірюкова.

3-й окремий полк спеціального призначення — полк у складі Сил спеціальних операцій ЗСУ. Базується у м. Кропивницький.

55-а окрема артилерійська бригада (55 ОАБр) — військове формування у складі оперативного командування «Схід» ЗСУ. Базується у м. Запоріжжя.

56-а окрема мотопіхотна бригада (56 ОМПБр) — військове формування у складі оперативного командування «Схід» ЗСУ. Базується у м. Маріуполь Донецької обл.

79-та окрема десантно-штурмова бригада (79 ОДШБр) — з'єднання десантно-штурмових військ ЗСУ. Базується у м. Миколаїв.

81-а окрема аеромобільна бригада (81 ОАеМБр) — з'єднання десантно-штурмових військ ЗСУ. Базується у м. Дружківка Донецької обл.

92-а окрема механізована бригада (92 ОМБр) — формування механізованих військ у складі оперативного командування «Схід» ЗСУ. Базується у с. Клугино-Башкирівка Харківської обл.

93-я окрема механізована бригада (93 ОМБр) — формування механізованих військ у складі оперативного командування «Схід» ЗСУ. Базується у смт. Черкаське Дніпропетровської обл.

Автомат Калашникова — автоматична стрілецька зброя, прийнята на озброєння в СРСР у 1949 р. Найбільш поширені моделі — АК-47 (калібр 7,62 мм) та АК-74 (калібр 5,45 мм).

АГС-17 «Полум'я» (рос. «Пламя») — 30-мм станковий автоматичний гранатомет. Випускається з 1971 р. Прицільна дальність — 1,7 км.

АК-74М — модернізована модель автомату Калашникова калібром 5,45 мм, прийнята на озброєння в 1993 р. у Росії.

АТО (антитерористична операція) — збройний конфлікт на частині Луганської та Донецької областей між регулярними частинами Збройних

сил Російської Федерації і проросійськи налаштованими терористичними угрупованнями з одного боку, та правоохоронцями і Збройними силами України — з іншого. Розпочата 14 квітня 2014 р., завершена 16 березня 2018 р. На зміну їй розпочато Операцію об'єднаних сил (ООС).

Батальйон — тактичний підрозділ чисельністю до 800 осіб.

Батальйон ОУН — добровольчий підрозділ, що існував з серпня 2014 по квітень 2015 рр. Складався переважно з членів Організації українських націоналістів.

Безпілотник (БПЛА) — літальний апарат, що виконує польоти без присутності людини на борту.

БК — боекомплект (військовий жаргон).

Бліндаж — заглиблене в землю укриття, що має перекриття з вкритих шаром ґрунту балок.

Блокпост — загороджувальний укріплений контрольно-пропускний пункт на дорозі або на в'їзді до населеного пункту.

БМП (бойова машина піхоти) — броньована гусенична машина на озброєнні у механізованих підрозділах.

БРДМ (броньована розвідувально-дозорна машина) — легкий бронеавтомобіль для ведення розвідки. Масово випускався в 1957-1966 рр.

Бригада — тактичне військове з'єднання в усіх видах збройних сил чисельністю в середньому від 1 тис. до 8 тис. осіб.

БТР — бойова броньована машина, призначена для транспортування піхоти.

БТР-3 — повноприводний колісний бронетранспортер українського виробництва. Виробляється з 2001 р.

БТР-4 («Буцефал») — повноприводний колісний бронетранспортер українського виробництва. Використовується з 2011 р.

БТР-80 — колісний бронетранспортер радянського виробництва. Використовується з 1986 р.

БТР-82А — модернізована модель БТР-80. Прийнятий на озброєння в Росії в 2013 р.

Булпап — схема компоновання механізмів гвинтівок та автоматів, при якому ударно-спусковий механізм та магазин розташовані в прикладі позаду спускового гачка.

ВДВ (рос. «воздушно-десантные войска») — рід військ, призначений для швидких переміщень та десантування з повітря в тилу у ворога. З жовтня 2017 р. в Україні отримали назву десантно-штурмові війська.

ГАЗ-66 — радянський вантажний автомобіль виробництва 1964 — початку 1990-х рр. Масово використовувався в армії.

Гаубиця — тип артилерійської системи, призначений для ведення навісної стрільби з закритих вогневих позицій без прямої видимості цілі.

Гвинтівка Мосіна — військова гвинтівка калібру 7,62 мм. Вироблялася з 1891 по 1965 рр. Дальність стрільби — 500 м.

Грузинський національний легіон — добровольчий підрозділ з громадян Грузії, що існував протягом 2014-2016 рр.

Дивізія — основне тактичне з'єднання в усіх родах військ чисельністю в середньому 8-20 тис. осіб.

Добровольчий український корпус «Правий сектор» — добровольче військове з'єднання, створене в липні 2014 р. Наприкінці 2015 р. від нього відкололася частина підрозділів, які утворили Українську добровольчу армію.

ДРГ — диверсійно-розвідувальна група.

ДШК — станковий кулемет Дегтярьова-Шпагіна калібром 12,7 мм. Розроблений у 1938 р. Дальність ураження — 3,8 км.

Коліматор — оптичний приціл, що дозволяє бачити прицільне зображення (червону цятку), накладене на поле зору.

Коробка — броньована техніка для транспортування піхоти (військовий жаргон).

Курс молодого бійця — початковий період проходження служби в навчальних закладах силових структур.

MG-42 — кулемет на озброєнні армії Третього Рейху під час Другої світової війни. Калібр 7,92 мм. Дальність ураження — 1000 м.

Міномет — артилерійська зброя для навісної стрільби і ураження критих цілей.

MT-12 («Рапіра», 2A29) — 100-мм радянська протитанкова гармата. Випускається з 1970 р. Максимальна дальність ураження — 8,2 км.

Мультикам — сучасний універсальний маскувальний малюнок з 7 кольорів.

НСВ-12,7 — радянський кулемет калібру 12,7 мм. На озброєнні з 1972 р. Дальність ураження — 2 км

(наземні цілі, стандартний патрон).

Нуль — уявна лінія, що визначає межі державної території (іншими словами — державний кордон).

Підхорунжий — військове звання українських січових стрільців, в Українській галицькій армії. Відповідає званню підпрапорщика. Зараз використовується в полку «Азов».

Пістолет Макарова — радянський пістолет калібру 9 мм. Розроблений у 1948 р. Дальність стрільби — 50 м.

ПКМ (рос. «пулемет Калашникова модернізований») — радянський кулемет калібру 7,62 мм. Розроблений у 1961 р. Дальність вогню — 3,8 км.

Полк — військова частина чисельність в середньому від 800 до 1500 осіб.

ППД (пункт постійної дислокації) — територія з капітальними будівлями, призначена для тривалого використання збройними силами.

ППШ (рос. «пістолет-пулемет Шпагина») — радянський пістолет-кулемет калібром 7,62 мм. Прийнятий на озброєння в 1940 р. Дальність стрільби — 400 м.

ПТУР (рос. «противотанковая управляемая ракета») — вид протитанкової зброї, що має кориговану траєкторію польоту, яка задається оператором або власною головкою самонаведення.

РПГ-7 — ручний протитанковий гранатомет калібром 40 мм. Розроблений у 1961 р. Дальність ураження — 550 м.

РПК (рос. «ручной пулемет Калашникова») —

радянський ручний кулемет калібру 7,62 мм. Прийнятий на озброєння у 1961 р. Дальність ураження — 3 км.

РТГ (ротна тактична група) — тимчасове військове формування на базі роти.

САУ (самохідна артилерійська установка) — артилерійська система (найчастіше гаубиця) на саморухомій базі.

СВД (рос. «снайперская винтовка Драгунова») — снайперська самозарядна гвинтівка калібру 7,62 мм. Розроблена в 1963 р. Максимальна дальність ураження — 1,3 км.

Секрет — сторожовий орган, що виставляється на певний час на дистанції від сторожової застави з метою завчасного виявлення супротивника.

СПГ-9 — радянський станковий протитанковий гранатомет. Прийнятий на озброєння у 1963 р. Дальність стрільби прямою наводкою — 1,3 км.

T-72 — танк багатоцільового призначення. Прийнятий на озброєння радянською армією у 1973 р. Основний танк у збройних силах РФ.

Тепловізор — електронний оптичний прилад, що служить для відображення температурних полів.

УАЗ — повнопривідний автомобіль-позашляховик, велика кількість яких і досі стоїть на озброєнні української та російської армій.

Українська добровольча армія — добровольче військове формування в Україні, утворене в грудні 2015 р. Дмитром Ярошем та його однодумцями.

Ф-1 — протипіхотна уламкова граната оборонного типу з дистанцією враження до 200 м.

Форт-221 — штурмова гвинтівка калібрів 5,56 і 5,45 мм. Розроблена в 1993 р. Дальність стрільби — 500 м.

Форт-500 — модельний ряд помпових рушниць виробництва Казенного науково-виробничого об'єднання «Форт» при МВС України.

Хорунжий — військове звання українських січових стрільців, в Українській галицькій армії. Відповідає званню прапорщика. Зараз використовується в полку «Азов».

Чесно, я раніше собі уявляв, що Донбас — це терикони, шахти, труби і заводи, таке ото. Боже, там так прекрасно, там є такі краєвиди, що здуріти можна. Там така земля! Я дивився й думав: «Господи, живи-працюй. Так ні, воно щось там почало»...

Ім'я: **Святослав-Андрій**

Рік народження: **1968**

Статус: **солдат батальйону «Донбас»**

Інтерв'ю записане

О. Штейнле

10.10.2015 р.

Поточний архів проекту.

Ф.29. Оп.1. Спр.33.

Розкажіть спочатку трохи про себе: як Вас звать, де народились?

Святослав-Андрій Іванович. У Запоріжжі народився, живу.

Якого року народження?

[19]68 року народження, 46 років, от... Я не знаю, що ще розказати.

Де навчалися, де працювали до 2013 року? Як життя склалося загалом?

Навчався в Мелітопольському (колишньому) педінституті — це зараз педуніверситет, за фахом — вчитель географії, вже більше 20 років не працюю по спеціальності. Працював, багато ким був, на телебаченні працював, тележурналістом був, потім електромонтажером VI розряду, а останні 11 років до війни займався [тим, що] робив корпусні меблі на замовлення: кухні, шафи-купе, «прихожки» там, таке. Ну, а потім, як оце почалося все, на Майдан їздив разів 10 чи 11, у Київ, був 20 лютого на Інститутській, коли розстріл [відбувався]. Навіть знай-

шов себе, недавно виклали [відео], себе впізнав, цяточку просто. А потім, коли почалося усе це, я не міг зразу поїхати добровольцем, бо я був довіреною особою кандидата у президенти по своєму виборчому округу і до виборів я нічого не міг, взявся уже — треба було тягнути. А закінчилися вибори 25 [травня 2014 року] і 27-го я поїхав уже в батальйон «Донбас».

На Майдані (лютий 2014 р.). Фото опитуваного

Чому прийняли таке рішення?

Ситуація ж була така, що просто мене в армію не взяли, тому що мені якраз 22 травня виповнилося 46 років, а на той момент було, наскільки я пам'ятаю, по-моєму десь до 45 років піти, тобто через воєнкомат мене б не взяли просто, тоді я [пішов] у батальйон.

А чому саме в «Донбас»? Якись знайомі були?

Ні, просто вийшло. Там з батальйону приїхало багато людей на похорони загиблого чоловіка з батальйону. Його 27 травня якраз ховали. Він сам з села оце, з-під Запоріжжя...

По якій трасі, Харківській?

Нє, Біленьке от туди от.

Запорізький район?

Не-не, це вже іде Дніпропетровська область. Ну воно ближче до Запоріжжя. Вищетарасівка по-моєму, щось таке, назва. Але тут була біля «Самооборони»¹¹ труна його [стояла], донька приїздила, хлопці тоді труну його пронесли до універмагу «Україна» от так от по проспекту¹². А потім вийшло так, що я поїхав додому. Вони поїхали на похорони у село ховати, а я поїхав додому.

І потім дзвонять, кажуть: «Слухай, — що вони в «Самооборону» знов ввечері приїхали, кажуть, — якщо хочеш, можеш сісти на автобус». Я ж такий — раз, кажу: «А який запас?». Каже: «Будуть їхати через тебе», — через Правий берег¹³, я на Правому живу. Я кажу: «Скільки в мене часу?». «Ну, хвилин 5-10». Я схопив зубну пасту, щітку, військовий квиток, паспорт.

Я уявляв собі так, що сіли в автобус і погнали зранку, що називається, в бій, а виявляється, що сплю, дивлюсь — Дніпропетровська область, потім

¹¹ Міський штаб «Самооборони», розташований у будівлі Запорізької ОДА.

¹² Проспект Соборний — головна вулиця м. Запоріжжя.

¹³ Місцева назва Дніпровського та Хортицького районів м. Запоріжжя.

Полтавська, думаю: «Чогось так заїжджаємо, може так задумано». Потім вранці дивлюся — Київська область. Я кажу: «А що таке, куди ми їдемо?». Каже: «А ще 3 тижні ти повинен навчатись». «Йо-майо», — думаю... Ну, що ж. А затягнулось це насправді на 6 тижнів. Короче, я ж поїхав, майже через півтора місяці тільки потрапив у АТО.

Тобто, Вас взяли практично одразу? Записали, документи прийняли Ваші...

Ні, документи потім це оформилось, пізніше. Спочатку просто приїхав. Оформили офіційно, по-моєму, з 11 червня, щось таке. Да, щось таке. Ну а потім уже оцей процес із 11 липня, у зону АТО.

Як проходило Ваше навчання на Київщині?

По-всякому. Спочатку не дуже організовано було, но за великим рахунком майже півтора місяці там пробув. Якщо так по-чесному, то що мене за півтора місяці там навчили, при правильно спланованому навчальному процесі, то це можна було б в тиждень вкласти реально. В основному просто марнувався час. Було багато незорганізовано. Це із-за того, що по-перше, я так зрозумів, чисто бюрократичні проволочки — нам зброю не хотіли видавати, забезпечення. У нас батальйон забезпечувався повністю волонтерами, тобто львівські пожертви. Держава нам [не надавала ресурсів]... Навіть видали, спочатку [яку] зброю видавали. По-перше, це просто металобрухт був, це не автомати. Наприклад, автомат [19]62 року випуску, там такі видавали. Це вже потім видавали більш-менш нормальні. І наприкінці дуже інтенсивні почалися заняття, от напри-

кінці було так дійсно по-нормальному, там дійсно і настрілялися, там і автомат свій пристріляв, так що уже, як кажуть, ну все... Він був уже в мене «тютілька», як кажуть. І заняття там, і «рукопашка» там, у нас інструктор був цікавий — Юра, і стрільби, і тактика, і значить, способи як треба помешкання зачищати, сама технологія. Дуже цікаво було наприкінці, а спочатку було просто невідготовлено, було сиро.

Бійці батальйону «Донбас» під час навчання (травень 2014 року). Фото з архіву ВО «Свобода»

Що найбільше знадобилося Вам потім у зоні АТО з підготовки?

З підготовки? Ну, тактика, тактичні заняття — да, мабуть, це найбільше. Ну і стрільба, ясно ж. Дійсно, я відчув зброю, я відчув автомат не так, як

от раніше, я не знаю от, ну це відчуття, автомат це продовження мене, це було дійсно клас. Тому що спочатку, якщо чесно, то перші постріли з автомату, в мене вуха закладали, трішки навіть якось моторошно було, а потім уже все — одне ціле. А так, в принципі, тактика і стрільба.

Хто з Вами був там, на навчанні? Ті, хто увійшли у Ваш взвод, чи потім Вас перегруповували?

Перегруповували, і не один раз. Перегруповували, тому що формувалися підрозділи за таким принципом: «Будеш ти, будеш ти, ти, ти. А, ну і ти». Грубо кажучи, підбір проводився непрофесійно. Ну, з іншого боку — ми добровольці, у нас мотивації, як кажуть, більше, чим наприклад у тих, кого призывали. Тому що бажання було хоч аби куди, тільки щоб дійсно принести користь, щоб бути корисним.

За великим рахунком, саме бойові дії показали хто є хто. Тому що часто-густо були випадки, коли людина себе подає, подала так, зуміла подати себе, ну я не знаю, якоюсь там «рембо» і «всезнайкою», який пройшов там усі війни. Дивишся на нього, думаєш: «Треба тільки усе це запам'ятовувати, усе, що він вчить чи показує». А насправді що виявляється — говорун і, вибачаюся, сцикун. Ну, людина боїться просто. Кажу, у мене перший командир моєї групи був, старший групи, ну, розвідки (це групи по 5 чоловік). Те що так себе отаким показав, а потім при перших пострілах в нього істерика якась, упав там, по підлозі... Ну, це дурдом, йому ще няньку треба, а він... А він став якимось дивом, був командиром групи певний час.

І так, кажу, кадрова політика була, конешно, нераціональна: багато хто просто став там командиром за рахунок того, що язик був підвішений і умів вдавати із себе якогось професіонала. А потім, як з'ясувалося...

Це така ситуація була характерна для початку АТО, чи потім протягом усієї війни зберігалася?

І спочатку, і до кінця, в принципі. Ну, були зміни: когось убили, наприклад, на його місце когось іншого поставили, но в принципі, за великим рахунком, це залишалося. На командні посади часто-густо потрапляли просто люди бездарні.

А от у ході бойових дій відбувалося так, що замінювали на командних посадах більш досвідчені, більш компетентні люди? Це впливало, чи ні?

Мабуть, ні. Мабуть, не мінялось. Тому що тут теж логіка в цьому є, тут теж можна зрозуміти і командування батальйону — тому що поміняти для того, щоб поставити якогось професіонала на чиєсь місце на командування — треба ту людину (попередню) зняти, а це уже конфлікт. Тобто такі випадки, я так зрозумів, намагалися залишати.

Скажіть, будь ласка, вирушили Ви в зону АТО 11 липня...

Так.

На яку посаду Вас призначили? Чому? Які були у Вас обов'язки?

Коли я їхав в АТО, в мене була посада, я був розвідник-санітар, ну, по штату. Хоча, за великим рахунком, положено, щоб в кожній групі був розвідник-санітар — от я був санітаром, хоча реально

я тільки одинь день пройшов заняття оце по медицині, показали як джгут накладати, де накладати, тобто [най]елементарніші, примітивні, примітивні такі знання. От оце розвідник-санітар.

Яке у Вас було спорядження?

Спорядження: був автомат, від «підствольника» я відмовився зразу.

Чому?

Тому що весь час автомат наготові, рука просто втомиться. Я тільки двічі пошкодував, що в мене нема «підствольника». Пошкодував, але в принципі обійшлося без нього. Тобто це зайві кілограми. Те саме від пістолета Макарова — я в той же день, як получив, в той же день його назад здав. Це зайва вага просто. Розвідка повинна бути як рисі, як пантери, повинно легко бути. В мене навіть була, я пробував зняти плиту з «броніка» зайву, щоб полегше було. Ну потім воно почало перевішуватись вперед, поставив назад. І до речі, ця плита потім мені б біди накоїла, вона траєкторію кулі, яка в мене друга летіла, поміняла, і я так прикидував вже: якби на мені не було «броніка», мені б набагато простіше було, поранення не таке суттєве було. Ну, наперед нічого ж не вгадаєш.

Тобто, у Вас «бронік» був?

«Бронік» був у мене прекрасний. З цієї партії плити хлопці випробували на полігоні, витримував з 50 метрів СВД-шку. Ну, у мене чогось (під кутом навіть) куля умудрялась пробити «бронік», легеню пробити, плече розковиряти, і полетіла собі далі. Тобто я підозрюю, що в мене друга куля була зі

стальним сердечником, такі що бронебойні. «Бронік» був в мене прекрасний просто. Каска кевларова була в мене просто чудова, наколінники, налокотники.

Все це імпордне [чи] вітчизняне?

Плити на «бронік», по-моєму, наші. Сам «бронік», тканина оця, вона китайська. Ну, вона була дійсно продумана, тому що я дивився, «броніки» у нас в батальйоні різні. У нас привозять партії, то 20, то ще скільки... Реально конешно, по моделі, по продуманості, у мене був шикарніший, просто чудовий. Потім що, берці в мене були прекрасні. Просто берці періодично влітку і на таких от операціях (ну, ясно, що я поранений був) — краще в мокасінах. В місті вони набагато кращі, ніж ото в берцах. Я от в Києві недавно бачив — жах, 4 з половиною тисячі. З іншого боку по місту краще в мокасінах бігати. Ну а в мене — подивіться відео, де я лежу в Іловайську там в школі, де базувались.

[Показує відео]. Це такі, то перед Іловайськом. То полонені валяються. А отут я лежу зараз. Оце наша «Кішка», позивний, це медсестра. От вона накладає мені, он у мене нога, от бачите магазином зав'язаний джгут, магазином натягнута¹⁴. Все ж скинули, ясно ж, а наколінники, налокітники ще й досі валяються, на мені сидять. Ну я це, правда, вже поганенько пам'ятаю. Там ще щось... Живий, коротше.

Починали Ви як розвідник-санітар. А як потрапили в штурмовий підрозділ?

¹⁴ При наданні домедичної допомоги, джгут дотягується підручними засобами продовгуватої форми, у даному випадку — автоматним різком.

Ні, це просто що, я кажу, в нас така розвідка, що нас використовували як штурмовиків. Тобто вийшло так, що на міськвиконком (це в Іловайську), штурмовики пішли і вони зупинилися просто, а ми пішли лівим флангом, це на межі здорового глузду. Покійний командир взводу, може він не обдумав, може чорт його знає. І він погнав, там галявина така метрів 50-60 просто відкрита така, ні куща, нічого. Він рванув, я за ним. Біжу, а тоді в мене в голові: «Що я роблю? Просто нас тупо перестріляють». Слава Богу, зразу не пристрілили.

Підбігли до довгої стіни міськвиконкому (там парапетик такий був), він поза всякими правилами, як нас вчили (чоловік в Афганістані 7 років прослужив, орден Червоної зірки, ну такий, без «броніка», він був певен, що його куля не бере). Коротше, він попри всі правила, як вчили навіть, просто вийшов на повний зріст подивитися, що там робиться — зразу дві кулі... Хлопці підхоплюють, а я тут поруч стою, бачу, одному в руку ліву залітає, той кричить, я йому джгут, падаю, кидаю це йому джгут, починаю, намагаюся перевернутися, ногою відштовхую, а нога на долю секунд в мене злетіла — впіймала кулю. Ну, це «абзац» був просто. Тобто, це якісь спортсмени, це навіть не військові спеціалісти. Ну, а може випадково так вийшло, що так умудрилися в долю секунди влучити у ногу.

Поки мені присипали рану і оце джгут накладали (хоча мені не треба, це венозне було поранення, а нас вчили: «Якщо венозне було поранення, то джгут не треба накладати»). Тобто, засипали — і все,

треба було просто знеболювального уколу вколоти. А вона взяла мені джгут на ногу, потім взяла порожній магазин оце, намотала, щоб тугіше було. Потім, поки усе це відбувається, хлопці взяли взводного, відтягнули уже, і самі відійшли. Я дивлюсь — така ситуація: вздовж стіни я вдвох з бабою. «Ну все, кранти, — думаю, — попався». І починаю відстрілюватись, вона з коліна починає його теж обстрілювати, і мені головою ще киває, типу «відходь». Ну, я трохи відшкандибав там метри 3-5 десь, знову присів, знову луплю, вона відходить. І так по черзі ми один одного прикриваючи, вийшли на нашу сторону. Якби карту — я Вам показав би, де це було.

Ми про Іловайськ зараз окремо поговоримо.

А, ну добре. Просто людина, розумієте, героїня така, жінка. Я думав, що вона санітарка насправді, а вона штурмовиком... Це «абзац». Я тут недавно (десь тиждень тому) з нею по телефону говорив. Познайомився з нею, в друзі на «Фейсбуці» [додались], ваще... Ну, правда, поранення важке отримав... Ну, сантиметр від сонної артерії, казали, куля пролетіла. Конешно, а де ж її фотка?! От чорт, немає. А ні, от зараз покажу. О, оце Аліна.

Ну, потім, я вже цього не бачив, коли друга куля мене «шарабахнула» ото. Ну, факт того (хлопці розказували) вона умудрилася побігти до Мракіна (з нашого взводу хлопець), йому снайпер в щелепу влучив. Вона умудрилась через оцю галявину, що я казав, побігала, не побоялась, це при тому, що один з наших, з мого взводу, побоявся. З іншого боку, не я йому суддя, а тут жінка [змогла]... Ну, це взагалі

конешно. Тут щастя, що я з такими людьми, мене доля звела, що я кажу.

Навіть у нас, знаєте, як завжди, є з кимось більша симпатія, є з кимось антипатія. В мене у взводі був конфлікт. От, я його взагалі вважав, грубо кажучи, так, може він «сепар» засланий. Любителі бухнути, ну таке ото. А потім був випадок, уже після мого поранення (хлопці розказували), коротше, наші в засідку залетіли, дехто зразу загинув, хтось поранений був, хтось зумів трохи відійти. А ці уроди наших ранених добивали завжди, тобто щоб не возитися — добивали. Він дочекався, поки підійдуть, і рванув гранату, двох з собою, кажуть, забрав. А потім (я ж не був там, хлопці кажуть) на похоронах в нього обличчя не було, ну тому що граната поруч. От я скільки в голові там прокручував, ну в подібній ситуації, я не знаю — зміг би я так зробити. От здавалось, ніби з одного боку я думав, що воно таке якесь, а виявилось людина [здатна зовсім на інше]...

Яке загалом озброєння було у Вашого взводу, спорядження? Достатньо для тих задач, що вам ставили, чи ні? На перший місяць війни.

Ну, в принципі, да. Ми ж розвідка. В ідеалі, розвідка не повинна навіть стріляти. Ну, в ідеалі. У нас єдине, може єдиний сказати негатив, який у нас був, що у нас може бути в одній групі, та не може, а так і було, в кожній групі були проблеми з калібрами. У когось 7.62, у когось 5.45, і оце мішанина, а кулемети 5.45, і скажем БК¹⁵ під кулемет, ну доволі-таки достатні, великі, а от 7.62, наприклад,

¹⁵ Боєкомплект.

завжди питання: скільки з собою брати там і так далі. Потім що, закінчатся набої, а де взяти? Тобто, це проблема з калібрами. А так, в принципі, нам, крім автоматів (ну, може, там кілька «підствольників» і гранат) нам більше нічого не треба. Тобто в нас, я вважаю, що да, забезпечення було нормальне.

А зв'язок?

О, зв'язок — проблема. Якраз тільки в Іловайськ приїхали, тільки получили цей, реактор¹⁶, получив через якихось, знайшов спонсорів, нам прислали... А ні, це ще, по-моєму, до Іловайська. Да, перед самим Іловайськом. Це люди за свої гроші, волонтери там назбирали, знайомі, спонсори, назвем це так, вони назбирали гроші, купили ці радіостанції і вислали.

А до цього?

Це завал був, по суті.

Мобільні телефони?

«Мобілки»? Так, «мобілки». Там же ситуація, наприклад, як у Лисичанську, «мобілки» не працювали. Там взагалі нічого не працювало, світла не було, мобільного зв'язку не було, води не було, нічого не було, там дурдом просто. Елементарні речі, до яких ми там звикли, в побуті, а потім виявляється — о, а я умудрявся в 10 літрах води покупатися і попрати форму. Так згадуєш зараз... Тобто, [користувалися] і мобільним зв'язком, і там радіостанції в когось були.

У який населений пункт Вас направили 11 липня? Ви приїхали...

¹⁶ Ймовірно, генератор.

Ми приїхали в Артемівськ.

В Артемівськ?

Да, там в школі поселилися, і в педучилищі поруч, біля школи. Оце ми там от окопалися. Там покопали окопи, повиставляли варту, а далі вже в напрямку Попасної почали опрацювання. Потім вже з Попасної на Лисичанськ.

Коли це було, висування до Попасної?

На Попасну, от на Попасній я не брав участі, я тоді, ми були на варті. Там 18 липня, по-моєму це була перша спроба, це невдале взяття, хлопців покромсало. А потім, не пам'ятаю.

Ну, близько тижня пройшло від вашого направлення в Артемівськ? В Артемівську скільки ви простояли? Тиждень, два?

Та не, десь тиждень. Там ще залишалися вояки, ми ж цілим батальйоном [пішли в атаку]. Деякі підрозділи у нас в інші міста їхали.

Будем говорити про Ваш взвод. От цілісний підрозділ.

Ну, наш взвод...

Приблизно 17-го [виїхав на позиції]?

Не-не-не... Вже остаточно взяли десь, це десь числа 21-го.

Два рази, Ви говорили, брали Попасну?

Да.

А чому так сталося?

Перший раз невдалий, настріляли наших багато, поранили, дехто скалічився на все життя, хлопці молоді. Я потім зустрівся з одним на Майдані Незалежності, після всіх операцій у хлопця нема

трицепса на руці, і він може тільки стискати кулак, чи тільки розтискати — хлопцю 20 [років] з копієчкою. Інший хлопець був поранений, після десятої операції взагалі ноги відмовили, все, що нижче пояса, коротше... Життя така річ, що позитиви-негативи — це не тільки гасло, там насправді це по-всякому було, я ж кажу.

Ви брали участь у зачистці Попасної?

Попасна — не. Не.

Просто Вас туди передислокували?

Як уже залишили — тоді ми просто туди, грубо кажучи, заїхали, там ще повартувати. Буквально побули там трішки і поїхали тоді вже на Лисичанськ. 24-го брали Лисичанськ, 24 липня. Ото, конешно, було, я все життя буду шкодувати, що це ж можна було камеру на каску прикрутити, оце зняти. Це Голівуд будь-який просто відпочиває, це таке було!

Яким чином відбувалося взяття Лисичанська? Яка операція, який план був? З ким воювали?

Ну, я би по карті Вам показав.

Давайте включимо. [Відкриває Google Maps].

Ми заходили два рази. Перший раз теж невдало. Тоді ж нормально йшло, потім мусили були відступати. Прийшов наказ відступати, тому що снайпери пішли працювати, і тоді... А другий раз уже набагато все легше було.

Тобто Лисичанськ також брали з другої спроби?

Да-да, Лисичанськ з другої спроби. Ну, давайте я Вам масштаб збільшу, щоб Ви зрозуміли. До цього ще села зачищали, перед Попасною. Там, до речі, села там, я був приємно здивований, села там абсо-

лютно українські, позитивні, до нас ставилися [дуже добре], взагалі там. Що мене взагалі вразило — повністю україномовні. Тобто таке враження, що село десь там на Хмельниччині, тобто зразу розказують: «Позавчора стояли, тут міномет, там [ще] щось», — ну такі от, тобто села наші там. Отак ми заходили, потім...

Що це за траса?

Це в'їзд. А я ж не знаю, що це за траса.

Це в'їзд з західного [напрямку], з заходу?

Ну, не зовсім.

Західна дорога, чи з південного заходу?

Як би отак показати. Десь у них «НПЗ»¹⁷, завод горів, а це десь, по-моєму, десь отут в цих краях, отут, це не воно, це не завод, да завод оце нафтопереробний. Горів він, конешно, диму було. Отак ми заїжджали.

Це з південного заходу?

Ну да, да. І от ми. Одну нічку ми отут переночували, грубо кажучи, в полі. Потім от зайшли, і от пішли отак от двома рядами з двох сторін оцієї дороги. Значить, одна група розвідки пішла, як в розвідку дійсно, а далі я йшов, наприклад, по

*Під час боїв (2014 рік).
Фото опитуваного*

¹⁷ Нафтопереробний завод.

правому краю, тут саме що першим. Хлопці в нас казали: «Та, блін, дивимся як [воно] йде, так якось не так страшно». Я якийсь дурний був, блін, ну мені ще казали... [Товариш] казав: «Будеш «трюхсотим»». До поранення був дуже самовпевнений, я чогось думав, що кого-кого, а мене куля не зачепить. Ну, ми так от проходили, хлопці пішли, сама група от отут «гуляти», по оціх подвір'ях. Потім ми вийшли...

Так, це вулиця генерала Потапенка.

Я не знаю яка...

Та тут от написано, будинки 250, 248...

Та не, отут от їхній шкірно-венерологічний диспансер. От на цьому перехресті почалося, такий «абзац» почався, що... Ну, в основному йшов вогонь от звідси, з цього краю, от так от, з цього напрямку, от так от. І вийшло так, що отут лежить покійний командир взводу, я лежав тут, на перехресті, стовп бетонний, і там як лежбинка така, якраз дуже зручна позиція для стрільби. Тут «Іван Іванич» просто отак висовував на руках автомат, і шмаляв, ну просто. Ну, «Іван Іванич» — позивний, або «Сівером» його часто називали. Зараз я Вам покажу фотку.

А це в погріб залізли прокурорський. Прокурор «ДНР», 2 кілометри до Іловайська. «Іван Іванич», це ж що він тут обстріляв. Потім він під Іловайськом загинув, ну, там півголови йому відстрілили. У нас взвод тоді у цій операції, ніхто у нас не загинув, і поранень навіть не було, на диво.

Із чого вас били? Стрілкова зброя в основному?

І гранатомети. І потім вийшло так, що... Ага, танк отут зупинився, якраз отут на перехресті,

і крупнокаліберний кулемет на танку почав там строчити, підозра була, що отут от на даху це, як потім я вже узнав, це центр зайнятості по-моєму, що тут на даху от снайпер сидить. Почали ж гамселити по ньому, потім нічого, тоді вже хтось прикольнувся, танкіст, вони ж не чують там, коротше ледве там то-сьо, кажуть, типу ж з гармати ще... Довго сміялися, але несильно, а тут «ба-бах». А тут десь стіна аж вивалилась, метрів 5 в діаметрі. Потім тут ще танк умудрився, щоб його від пострілу теж не спалили, не підбили, нічого, він маневрував отак от, «ромбиком» це називається, ставав. І потім в один момент він почав здавати назад, і завалює стовп, такий він, металевий був, труба на ньому, світлофор. Я засумнівався, ну думаю: «Ну, точно зараз завале стовп», — а отож відскакую, пацани ще потім згадували все це, сміялися, кажуть: «Ти як чкурнув, потім назад». А потім дивлюсь, коли все так більш-менш закінчилось, дивлюсь, а тут цей, табличка, що «шкірно-венерологічний диспансер». Потім ми ж пішли отак от, ліворуч повернули...

На проспект Леніна?

А я не знаю... Не-не, ось проспект Леніна, не, а ми отак пішли далі...

Далі ще ліворуч...

Отак от заходили: хто отак от по прямій, хто умудрився отак от пролізти сюди між будинками... Частина людей пішла отак от... Саме цікаве, тут магазинчик...

Цей трикутничок?

Да. Оце ж пішла дорога на міст на Северодонецьк, а оце на центр міста сюди дорога, оцей будинок... А, це ж, мабуть, він згорів... А тут, дивіться! Довго горів. І тут вийшло так, що я був попереду, нібито сів тут отак. Там в чому позитив — клумба зроблена з бута, квіти, бут десь такий, сантиметрів 30-40, тобто якщо лягти, то точно перекриває. «Шмалляли» в нас по-чорному, там варіант був такий, що і голову не піднімеш толком. Треба було просто тупо взяти і перечекати. Я отож отам улігся, а вони «шмалляють», а потім дивлюся, отут от зупинка автобуса і там бетонна конструкція латинською буквою «Р». Дивлюся, «Прораб» — ну настільки людина «безбашенна», уже ніби старий, він з коліна сів собі там, за бетон, «шмаляє». От смілива людина теж, супер просто, а потім вийшло те, ну це в фільмі такого не побачиш. Отут «сепари» відходили і просто не встигли забрати з собою звичайний причеп для легкових машин, але на ньому стоїть повністю БК і «Фагот»...

Протитанкова ракета?

І тут стоїть «Тринадцятий», грузин, такий високий на зріст, потім в охороні «Семена» я його бачив. Ну, це щось із чимось було. Це, я кажу, це як побачив — мені здалось, думаю: «Блін, чи я неадекватний, чи чорт його знає...». Ото він гукає, щоб йому допомогли зачепити цей причеп, щоб йому допомогли. Кулі, а він тут стоїть і просто [кулі летять поруч із ним]. Ну, «безбашенний». Я дивлюсь — ніхто [не йде], страшно людям. Коротше, настає момент в таких ситуаціях, коли адреналін починає

зашкалювати і уже починає... Я уже потім проаналізував, чому я так зробив... От зараз я б так не зробив оце. Ніякий «Фагот» в світі не вартий мого життя. А тоді навпаки. Розумієте, букет тих емоцій, що ніколи більше їх не переживеш, це шикарний, це наркотик якийсь. І рвонув оце ж до нього, почав помогати, а вийшло, що у причепа було одне колесо пробите. Тут підбіг ще «Мряка» і, по-моєму, покійний «Румун»... Да, по моєму, «Румун» підбіг і все це було так, розумієте, дуже швидко відбувалося. Ми підхоплюємось, тут танк під'їжджає, чіпляємо до танка. Зачепили цей причеп, танк почав тягнути.

Я так і не зрозумів, почали відступати, була така команда, типу «відходимо»... Відходим. Я раніше до смертей, до людей, до померлих, до трупів, відносився — в мене якась була, може це страх навіть, може це відраза якась, може... Ну, я не знаю як це назвуть... Я не любив і не люблю... Погано почував себе на похоронах, наприклад. А тут, як на диво, ми відходим і за нами два трупи армійців, за нами йшли Збройні сили, армійці. І, як на диво, я не знаю, їх тільки вбили, от відходимо, і типу була головна команда, що снайпер працює. Вийшло так, що маленький «Румун», да, по-моєму це «Румун» все ж таки був, маленький «Румун» бере цього хлопця убитого, а він такий здоровий дебелий хлопець, бере отут от за груди, ззаду намагається затягнути на причеп, а я беру за одну ногу і «Тринадцятий», здоровий такий, високий такий, сильний такий, за другу ногу — і виходить, що «Румун» не може його підтягнути якось, ми його ледве догори ногами

перевертаємо туди в причеп. Другий [вбитий] теж... У другого там щось з головою було, поранено, теж от так. Я ще тоді здивувався: «Нічого собі», — тут якби труп, а я і не реаую. З емоційної точки зору взагалі нейтрально. Думаю: «Нічого собі!» І це отут, їх підібрали...

Це проспект Леніна підходить до цієї бічної вулиці, га?

Да, це яка вулиця, я не знаю, та вони не підписані.

Не підписані...

Потім оце ж ми знову...

Будинки 101, 102, 104, 106...

Не, оце отут десь, 102... Тут зупинка є, а різко захотілося пити. Ми забігли, там якийсь офіс на першому поверсі. Води немає. Потім один одного вже прикриваємо з «Румуном», відходим і взагалі вийшла ситуація, коли я з «Румуном», вийшло так, що я прикриваю, він біжить, він пробігає — я пропускаю, вибігаю — він мене прикриває. І вийшло так, що в один момент, він мене пропустив, пропускає, автомат підіймає, стріляє, і я боковим зором бачу, як він різко падає, я зразу поняв, що «кранти» йому, і поруч якраз нікого не було. Думаю: «Зараз це все сам тягнути, чорт його знає...» Як раз тут ситуація така, тут стріляти треба, бо замочать, чесно — переляк такий. А [насправді] вийшло, що просто він приклад автомата не притулив до плеча, стрільнув і його просто ударом віддачі завалило, ну це був цирк... А потім ми відійшли знову назад, потім пішов вже з другого загону, ну там уже було не настільки цікаво.

Скільки людей втратили?

Ось, що саме цікаве, двоє арміїців, все. Це при тому, що таке от було. Це парадоксально. В Іловайську, я ж кажу, жертв скільки, поранені, а тут якимось дивом... А потім, потім вже ми ночували тут, в садочку дитячому, ніч переночували, а потім вже на наступний день ми переїхали у прокуратуру міста Лисичанськ. Там ситуація була така: в місті не було води, не було (не в усьому місті не було) електроенергії, мобільного зв'язку не було, нічого не було. Інфраструктура паралізована. Місто перестало функціонувати. Зі штурмової роти поїхав «Жетон», він там [мав] «ментів» зібрати, він там щось їх «нашугав», почали з'являтися хоч якісь поради. Коротше, він кричав за те, щоб все почало працювати, щоб місто почало жити. Тому що реально магазини не працюють.

Мене жінка одна попросила: «Подивіться, в мене там щось влетіло у ванну». Я прийшов... Ой, це вже склероз, чи в цьому будинку?..

Це проспект Леніна, проспект Леніна, 106...

Та, по-моєму, да... По-моєму, в цьому будинку, це двоповерховий будинок, такий як на Кремлівській¹⁸, типу як полонені німці будували, там стіни такі слабенькі, черепиця хуже, ніж до бою, розгамселені по повній, там вже майже нічого не було... Ну що, заходжу я на другий поверх, там ванна ця, санвузел, дуже-дуже таких мікроскопічних розмірів, і пробили перекриття, дах вивалився. Ця

¹⁸ Йдеться про вулицю Кремлівську (сучасна назва — Синенка) у м. Запоріжжі, на якій є повоєнні будинки, зведені військовополоненими німцями.

частина міста була сильно покрामселена, да. Оця хата згоріла.

А які втрати бойовиків були?

Не знаю. Чого не знаю — того не знаю.

Полонені, «200-ті», «300-ті» Вам не доставались після бою?

А, от! Під час бою, була цікава ситуація, (коли перший раз заходили). Отут ми ідемо, тут раз — і вилітає машина «Ланос», і зразу «бах» — [пасажири], вдягнуті в чистому, хоча по руках видно, по цьому видно, що [наші] клієнти. Розбиратися немає часу, просто як, за баранку посадили хлопця покійного, у нього якраз День народження був. Толку [тримати полонених]? «Завези їх в штаб, хай там розбираються». І вийшло так, що він людина невоєнна, не вояка. Він їхав, один із «сепарів» напав на нього, він «баранку» тримає, ну що робити? Він прямо в стовб заїжджає... Той вискакує, тікає, другий лежить не рипається, нічого. Ну, в таких ситуаціях що, стріляти треба... Він стрільнув і повіз далі цього, того вже нема, втік. Ну, коротше, він машину «уграв», «сепара профукав», ще й на День народження поранення почув.

До речі, Ви не сказали свій позивний.

«Зорик».

«Зорик»? А чого такий?

Це скорочено від [імені] сина мого, Зореслав. «Зорик» — це скорочена форма.

А ті сепаратисти, яких Ви піймали, місцеві були?

А я не знаю, може там перша, друга рота була, щось наловила тоді, не знаю. В Іловайську, то вже да, там наловили. Ну, там на відео навіть видно.

А ті, з якими Ви мали справу в Лисичанську, це...

Ні, я не мав з ними справу, я їх буквально навіть і не бачив, цих сепарів.

І інші не розказували думки, з ким воювали — тобто місцеві [чи] росіяни?

Я бачив ще як в Артемівську привозили, то вони брали... Та взагалі, що мене зразу вразило — я спав якраз поряд з цим приміщенням, де їх тримали. Я не знаю, може навіть це місцеві, контингент, вони всі якісь «зачухані»... Очі якісь, нема людей з палаючим поглядом. Ну «хандубей»¹⁹. Чесно кажу, ніяких у мене позитивних емоцій немає.

Після Лисичанська, як галі?

Після Лисичанська ми поїхали, куди ми поїхали... Після Лисичанська ми поїхали в Курахове, а з Курахова уже... Курахове — це мирна зона, там, пам'ятаю, за тиждень нічого не стріляло, взагалі за тиждень нічого не стрельнуло, там пару разів були виїзди, і то такі.

[Куди] потрапили після Курахова?

А потім ми ще після Курахова їздили, як же, Осиково, село. Це вже туди, на південь від Донецька, туди зараз...

Далеко від кордону вже?

Да, там 20 кілометрів чи 25 до кордону. Десь ми їхали, чорт ногу зломе... Старобешеве, а от Осикове. Отут було. Тут ми приїхали, цілий день стояли.

Цілий взвод?

Не, тут і рота поїхала, і...

¹⁹ Хандубей — місцевий евфемізм для позначення людини, що має психо-фізичну алкогольну залежність і характерний зовнішній вигляд.

І інші пігрозділи?

Да-да-да. Приїхали, ну толком [нічого не розуміли], чекали з моря погоди. Потім якась колона бронетехніки назустріч їде, зупинилася. Наші. Кажуть, що з боку «кацапів» там порядку 100 одиниць танків. У них «двохсотий», по-моєму, один був... І «трьохсотий».

Це в яких числах вже було? Це початок серпня?

Да, десь так. Не, стоп, це мабуть десь числа 10 серпня. Я вже і сам заплутався. Факт того, що коли ми звідси [виїхали], а потім довго думали, ми так зрозуміли, що керівництво не стало ризикувати, бо щось ці наговорили, настрахали. Так що ми назад уже їхали, повернулися, то ніяких боїв уже не було. Уїхали звідси, і потім в Курахове ми вернулись, да. В Курахово ми повернулись, тут ми теж в школі були. Потім ми перебралися уже в табір...

Ось школа, тут ми ще дислокувались... Тут в мене був випадок, коли в загін [прийшла] чужа людина. Коли я її вперше в житті бачу, було психологічно мені важко, я сам не знаю, я вперше бачу людину і він помер якось так... Хлопці поїхали на БМП-шках в Первомайськ²⁰, спробували [штурмувати], і потім їх рвонуло. Може, хотіли наскоком взяти, чи що. От Первомайськ. І вийшло так, що ми отут-от з хлопцями, наш взвод був на в'їзді. І дивимось, летить одна БМП-шка прямо на нас, летить і різко зупиняються, витягують хлопця, весь в крові, «абзац» повний був, але живий. Потім його (наші відчепили машину, ГАЗ-66 з зеніткою, тягала) відвезли десь до

²⁰ Бої за м. Первомайськ розпочалися 26 липня 2014 р.

медиків. А потім десь годинки через три прилітають, приїзжають ці машини, медичні, стали отут-от, двері відкриті, но видно тільки, я тут бачив п'ятки, і вони такі — ну, [як] пергамент, ну такі жовті, вони неживі уже. І щось чую, там хтось з лікарів каже: «Ми його втрачаємо», — і починає адреналін там щось, відкачують, то-сьо, щось качають-качають — на максимум намагаються врятувати. Тут «вертушка»²¹ якраз прилітає, я побіг в оточення до «вертушки», і коли стояв в оточенні, я так краєм ока помітив, що його несуть на ношах і повністю накритего. Я так думаю: «Не поняв». Може того, що не зразу загинув, того що його так втрачають, відкачували, боролися — якось так, ну не знаю, якось так я і зараз згадую, так аж [моторошно]. Парадоксально, ті хлопці [забрали] тільки живих, на убитих — нуль емоцій, а тут якось прямо... А потім оце ж «вертушка» взлетіла, я тоді до його командира звертаюся, командира питаю: «Ну що?». Каже: «Та все уже...».

Що за пігрозділ?

Не знаю... Армієць, молодий хлопець...

Це Ви розказуєте за Лисичанськ?

Ні, це було біля Попасної. Ми вернулися, правильно, з Лисичанська ми вернулися в Попасну, точно. А потім уже в Курахово, а вже потім з Курахова ми вже поїхали тоді в Іловайськ. Але не всі ми були. Спочатку ми заїхали в Грабське, село під Іловайськом. Ось! І отут є село Грабське... Тут було щось із чимось. Залітаєм сюди, і тут ось на

²¹ Вертоліт.

цьому п'ятачку бачу, а село було в їхніх руках мінімум 6 днів, у «сепарів». Мене що здивувало, я був шокований — ці уроди за шість днів не спромоглись поховати своїх загиблих. Тобто, серпень, отакі понадувані, я взагалі подумав спочатку, що один негр, тому що ніс, губи були такі, вони вже почорніли прям, смердить... Коротше, вони тут валяються, троє, тут окопчик такий — хоча би в окоп скинь, хоча би прикопай, чи якось... Це моральні уроди, по-моєму.

Тут так було, що відірвана башта і перевернута, повністю в боєкомплекті, дно так по-моєму вивалено. Коротше, ми пішли зачищати через цю «зеленку». Я так зрозумів, вони почали відходити. Відійшли.

Вони відходили на північ?

Вони відійшли на північ. Ми ж теж сюди протягли і ось зачистили оце (ну як зачистили, за великим рахунком, на той момент були втомлені, так ото, грубо кажучи, по подвір'ях пробіглися, десь щось там шорох — постріляли, та і вся пісня про любов. Отут крайній будинок був зруйнований) і повернулися. А з'ясувалося потім, отут, в оцій хаті вони, скоріше за все, залишилися — може, в підвалі там поховалися, чи що.

Можете подивитися, що це за вулиця?

А воно, думаєте, підписано?

Дорога вздовж «зеленки», дорога на північ...

І от ми тут заселилися, відкрили хату прокурора-«ДНРівця». Якась баба, видно, перейшла на їхній бік. Тут от ми заночували. Жахіття, що тут [ста-

лося] з селом. Це «абзац», тут на вулиці три людини залишилось. Десь ось в цих хатах (я не ходив, не дивився — пацани ходили, дивились) десь там «кадировці» стояли, от відійшли... А отут-от, в цьому домі, якийсь несповна розуму чоловік залишився. І отут от молода сімейна пара, такі — чи «наріки»²², чи чорт його знає, таке що, от... Ну а потім, потім оце ж 18 [серпня] ввечері через Кобзарі погнали ж на Іловайськ. А переночували в школі цій же, відомій. Наш взвод отут от ночував, це приміщення, де були кабінети праці, дівчачий і хлопчачий. На цей бік дівчачий, отут от наш взвод улігся, а зранку 19 [серпня] почалося... І тоді уже (це якраз «Семена»²³, комбата, поранили вранці), потім факт наприкінці дня, у другій половині дня, ми перейшли у цей перехід, почали підійматися ось цією вулицею, Пушкінська чи Пушкіна, не пам'ятаю.

Провулок?

Провулок Пушкіна... Влітають тут зверху до мене, зверху дороги... Вилітає «Газель», по-моєму, біла. Розстрілюєм, витягуєм «сепаров», люди на емоціях. І [через] добрих 15 хвилин операція зупиняється. І от потім знизу теж вилітає чи «УАЗік», чи що таке, теж розстрілюєм. «Сепари» вичепили, я так зрозумів, пішли на школу, де ми базувались, а ми пішли вулицею оцією, ми пішли приватним сектором. Потім ми засіли.

На перехресті?

Да, це...

²² Наркомани.

²³ Йдеться про Семена Семенченка.

[Вулиця] Мічуріна і ось трошки нижче...

Нижче вулиця...

Мічуріна і...

Комова...

І Комова.

От потім ми отак пройшлись сюди, я ще подивився і думаю: «Може піти...», — якось не виходило, потім ми прикривались ще оцими тополями, так пробігли. Штурмовики були отут, отак-от за цього торця багато тут от, оцей тут от майданчик, пам'ятник тут Леніну стоїть, звідси галявина чиста така, погнали сюди — це міськвиконком їхній. Командир взводу виходить, тут зразу дві кулі [отримав] — бах, падає... Його хлопці підхоплюють з лівого боку дальнього. «Олекса» получив кулю зразу в руку ліву і вони відтягають цього сюдою, сюди за цей ріг, а отут-от я вдвох залишаюсь з Аліною. Потім оце ж ми відходимо, я наприклад, не знав наші танки [чи] сепарів, хто там, що там, чи взагалі може нікого нема. Що робити? Ситуація. Просто не розраховані були сили. Потім хтось кричить: ««Шульца» поранено, треба відтягнути його». Я так по наївності своїй думаю: «Ану, зараз», — ну, відстань там, не знаю, метрів 20, срунда, в принципі. Тим більше, в мене нога була перетягнута вже джгутом, я ж такий трохи відбігаю, падаю, і починається. Я починав повзти, отак сюди, отак-от, от в цьому напрямку...

...на північ?

Не, якось на північний захід, якось так. Дитячий майданчик якийсь, щось таке, і потім починає до мене доходити: «Стоп, я мабуть уже в секторі

обстрілу!». Повертаю голову — ну, так ніби. Але уже коли щось робиш, то психологічно [налаштуєшся]: «Ну що, почав робити, ну вже [треба йти до кінця]». Замість того, щоб повернутись назад, я повзу й думаю: «Та ладно, проскочу», — типу на авось. Проповз — лежав мій взводний, видно хлопці намагалися відтягнути далі, а воно сектор обстрілу, вони його поклали, кинули на землю, і відбігли до стіни. Він уже був [мертвий]. Там уже було ясно, що він уже не буде [жити], обличчя таке — ну, труп.

Я проповз повз нього і оце ж думаю проскочити. Хлобись — і друга куля, є контакт. І найдурніше, що вийшла така ситуація, що як я повз отак на двох ліктях, встав на два ліктя, і я нічого не міг зробити. Не міг ні встати, ні повзти, ні перевернутися. Мене як паралізувало, я міг тільки рукою поплескати, каску зняти чи вдягнути, ногами подригати, а перевернутися — нічого не можу. Біль страшенний, рука вся повністю, перебило мене, легені пробило, «бронік» пробило... Коротше, в мене шок. Я дивлюся, що я тупо течу кров'ю, кров взагалі спочатку почала [швидко спливати]. Думаю: «Ну все. 10-15 хвилин в кращому випадку, кранти». Легеня була пробита і кров, той об'єм, почав заповнюватись, а ця кров, що на футболці (в мене камуфляжна футболка була під «броніком») вона почала згортатися. Просто відчував, що мені кранти. Я думав, що я тупо стечу кров'ю.

Там ще така трава, думаю: «Тут наші, ще подумують, що мені кранти. Якщо є можливість, то

[треба кричати, щоб] починали викликати медиків». Все це на емоціях, на адреналіні. Ну, ясно що там матом кричав: «Медики, я кров'ю стечу!» — періодично так... Оце перші думки такі: «Доб'є — не доб'є, доб'є — не доб'є». Потім вже секунд через 20 починаю розуміти, що якщо б він хотів мене добити — він би уже це зробив, а так він, мабуть, на когось іншого звернув увагу. Ну, і думаю: «І що?..» І тут починаю доганяти²⁴, що все — зараз смерть. Ну, канешно, це мабуть найважчі хвилини в житті, тому що це було щось...

Які відчуття були?

Відчуття такі: «Ну все, приїхали». Почав десь так в думках з сином прощатися. Думаю: «Блін, як тупо! Ех, а міг ще пожити». Думки такі. Кажуть, що коли людина вмирає, то життя пролітає. Не, не пролітає нічого. Шкода, що міг ще пожити. Почав із сином прощатись, думав: «Хоч не дарма!». А потім почав розуміти, що потроху памороки починають з'являтися, думаю так: «Треба глибоко дихати, максимумно, щоб не втрачати свідомість».

Тож дихав-дихав. Потім якраз вийшло так, що Гоша (із штурмовиків) бачив, він отут десь сидів поряд. А ні, то «Поляк» сидів, позивний «Поляк». Гоша якось умудрився до мене підкрастися. Він не бачив, що це я конкретно, там трава жовта була, я кажу: «Ти хто?». Він каже: «Гоша, — каже, — а ти хто?». Я кажу: «"Зорик". Витягуй, бо я просто стечу кров'ю». Каже: «"Зорик", не можу, я за три метри від тебе лежу, шмаляють по-чорному, кулі

²⁴ Розуміти.

просто свистять і все. Нереально. Почекай, зараз щось придумаємо».

Потім чую ще хтось підповзає, каже: «Ти хто?». «Зорик», а ти хто?». «Поляк». Кажу: «"Поляк", витягуй хоч ти! Зачепи за "бронік"!». [Найбільш дошкуляло те, що] три метри від тебе — й нереально дістати. А у нас уже було таке, заступник командира батальйону при першій спробі в Іловайську загинув 10 серпня, хлопець теж за три метри від нього лежав під машиною, а нічого зробити не можна. Просто кулі шмаляють і все, а він благас: «Відтягніть! Врятуйте!».

Потім, правда, вийшло, наші відкрили шквальний вогонь по «сепарам», приглушили [їхні вогневі точки] трохи. Хлопці мене якось відтягнули, скинули зразу «бронік» (добре, що у мене був китайський «бронік», він буквально двома щелчками скидувався), почали накладати джгут, а джгут як тут накладеш, якраз на рану, «банзай», коротше... Потім щось там укололи, але боляче було, потім написали чи на щоці чи на чолі маркером, [час, коли було накладено джгут]: «17:50». Через 40 хвилин треба джгут міняти. Я уже почав відключатися потроху, ну так уже [заспокоївся]. І Гоша якраз каже: «Почекай трішки, машина вже летить». І я чую — машина їде, було класно. Машина повз мене пролетіла, хапонули, забрали взводного труп, хоча перш за все пріоритет це живі-поранені, потім уже трупи забираються. Просто люди на емоціях не думають, що роблять. Забирають його й забирають «Шульца».

До речі, при першій спробі цей перший почув кулю в щелепу, так оце у нас двоє у взводі з щелепами. Видно [снайпер] у голову цілив, не знаю, і в щелепу влучив.

І потім машина поїхала. Ну, в мене істерика була, чесно, думаю: «Блін, ідіоти». Гоша заспокоїв, каже: «Не переживай, машина приїде». Те-се, а я вже починаю «відходити», відключатися. Думаю: «Ну, ідіоти! Нащо трупів? Живих треба, поранених треба!». Машина приїхала вже другий раз, це я уже майже не пам'ятаю, смутно-смутно, так ото. А Гоша розказував, каже: «Ми тебе [намагались опритомнити], я сидів на мертвому «Скіфу», тримав тобі голову і руку». Потім машина приїхала, я це пам'ятаю смутно, включаюсь — мене на ковдрі чи на чому несуть, автомат при мені, і ті «шмаля-

*Евакуація пораненого під час боїв за Іловайськ.
Фото ЕРА/UPG*

ють», пацани відстрілюються. Вони ж несуть, ясно яка там влучність. Факт у тому, що мене привозять у школу знову, й на відео видно як я лежу (я показував), тут уже ж полонені потім...

Що за полонені?

Ну, полонені як полонені. Хлопці розказували, було два словаки сербського походження, тобто серби зі словацькими паспортами, наймити звичайнісінькі. Потім два «кадіровця» було, а решта — їхнє «кацапське» ВДВ.

Саме росіяни?

Ну да. Тут їх роздягнули, уклали. Потім мене транспортували, трьома машинами везли, це конешно «банзай», ціла історія, епопея. Ну, факт того, що привезли у Дніпропетровськ, знімають з мене оцей джгут, «магазин» оцей, і лікар каже: «Є ще щось воєнне?». А в мене завжди в правій кишені запас, жменя набоїв врізнобій, насипом, на випадок якщо в «магазині» скінчиться, то як кажуть останні набої, щоб було чим стріляти — в мене 10-15 патронів у кишені. Я ж кажу: «В кишені набої». Він раз, взяв: «Ще щось є?». «Граната у лівій кишені». Той переляканий такий, коли виявилось, що нема. Мабуть, коли [в дорозі надавали допомогу] в машині повітягали, я смутно пам'ятаю, то все в такому стані було.

Потім вночі хлопці повезли тіло нашого взводного, мертвими займались їхні підрозділи. Їхали якби на похорони, оцією дорогою, це мені розказували...

Це яке село, Грабське?

Да, Грабське. Просто воно на дві частини розділено залізничною колією, і казали десь тут їхня

засідка була, хлопців «пошльопали», розстріляли. Загинули. Хто поранений — того [«деенерівці»] добивали, хтось відійшов. «Карат» себе підірвав, поранений був. До речі, оце ж як ми брали міськвиконком, невдало брали, загинуло в бою оце, крім взводного, ще двоє — колишній громадянин Америки Марко Паславський, «Франко» його позивний, і «Шульц» [загинув]. Їх часто показують на цьому [Youtube], там є відео, пісня така ще [щемлива]. «Шульца» витягували, ризикували своїм життям, а потім з'ясувалось, що він був уже все, він був мертвий. Обідно, що цей ризик був [невиправданий], просто не було сенсу рипатись. Ризик непродуманий, а хтось ляпнув [що «Шульц» начебто живий]. Ну ти не знаєш — нащо було кричати?

Як з постачанням у вас?

Яке?

В батальйоні. Фактично волонтерське, чи держава щось давала?

Я не знаю. Форма у нас різна була, хіба що «дубок»²⁵ армійський. Ну і зброя — ясно, що державна. А так від шкарпеток, берців і так далі [все волонтерське]. Годували нас спочатку в їдальні Нацгвардії, а потім нам почали возити. Я був в шоці, порівняно з армійським харчуванням — це було шикарно, привозили у пластикових коробках набори — там і борщ, і соки, і все, шикарно. Єдине, що масла не давали, як у армії, а так конешно... Ну і сухпаї наші — це щось із чимось, день поїси і

²⁵ Дубок — поширений варіант захисного камуфляжу в українській армії.

все, краще будеш голодний ходити, но їсти таке не будеш.

Як Ви оцінюєте внесок батальйону «Донбас» в АТО? Серпень-липень, коли Ви самі брали участь.

Я думаю, внесок був великий, навіть сам факт, що навіть у Лисичанську ми йшли попереду, за нами йшли армійці. З іншого боку, у нас не було артилерії, це все їхнє, конешно.

Я один раз був в «секреті» під Попасною, прикривали артилеристів, це конешно було потужно. Вони ходять з голим торсом, брудні, але всі поголені, як не дивно. Шарахають ці САУшки, я людина невоєнна, для мене це був шок. Майже всі поля — [засіяний] соняшник, він виснажує землю, конешно, [головки від ваги] аж нахилиються. А коректіровщики [«деенерівські»] це взагалі. Сидимо в «секреті», і буквально з поля вилітає сигнальна ракета. Ані тепловізори, нічого не бере. Ясно, що утрюх серед соняшникового поля вдень знайти людину — це нереально. Це був перший раз, коли я пошкодував, що у мене нема «підствольника». Я хлопцям кажу: «Давайте лупоніть з «підствольника» кілька разів навмання».

Не попав?

Та ясно. Куди там в полі. Бабах-бабах, а куди, що... Через час метрів за 400 знову сигнальна ракета. Що робити? Ну, пару черг пустили, з «підствольника» шарабахнули, а толку? З іншого боку, протилежного, знайшли унікама, були підозри, що він коректіровщик їхній. Він розказував байки, типу мимо йшов, заблукав. Явно, це був він. «Сєпари» взагалі

один раз умудрилися стрільнути освітлювальною ракетною. Шикарно, для мене це було дивно, а так... Ну, ми теж «розтяжки» понаставляли, і то не з гранати, а з запала від гранати, воно тільки звук дає...

Як до Вас місцеве населення ставилось?

По-різному. В Лисичанську, пам'ятаю, сиджу під деревом, «відхожу»²⁶, так би мовити, дійсно втомлений. Люди з магазину виносять їсти, не було що їсти, і пам'ятаю слова жінки, вона каже: «Ніколи в житті не думала, що це таке велике щастя — нести хліб додому». Це з одного боку. Інші там кажуть: «Дякую вам, дякую, хлопці». Тут же дивлюсь, одна іде, нічого не сказала, але у неї як написано було: [під час окупації] вона тиждень сиділа в підвалах, але вона все одно нас ненавидить, це було видно. Ми не повинні жити з такими в одній країні. От, наприклад, від Артемівська до Попасної, я кажу, там повністю наші, повністю. Там пригощали, і пиріжки з дому виносили, те-се, тобто абсолютно свої.

Є якийсь зв'язок між проукраїнськими і проросійськими настроями [залежно від того, що] це сільське населення і міське? Чи за професіями?

Ну, я не знаю, мені здається, що є. Все ж таки села вони більш етнічно українські. Навіть, я ж кажу, мова спілкування. От ми заходили — вони розмовляють українською мовою. Тобто це вже показник, для мене раніше уявлення про Донбас [були такі, що] там взагалі «яма». А виявилось... В Артемівську — хто як.

²⁶ Відпочиваю.

[Був такий випадок, що] я був на чергуванні, під'їхав там один, слово за слово, розговорилися (він таксист, по-моєму). Стиль розмови у нього такий, що аби був мир і дружба: «Моя мама і за тих, і за тих молиться». Ну, такий, він просто побоювався відкрито сказати, що він на другому боці, от і все. Пам'ятаю, що хтось в Інтернеті вичитав «фейк» і крикнув, що перемир'я, припинили [стріляти], закінчили. Пам'ятаю, це на свято було, ми раді були, як малі діти, ну а потім виявилось, що нічого не припиняли.

Чесно, я раніше собі уявляв, що Донбас — це терикони, шахти, труби і заводи, таке ото. Боже, там так прекрасно, там є такі краєвиди, що здуріти можна. Там така земля! Я дивився й думав: «Господи, живи-працюй. Так ні, воно щось там почало»...

«Просто есть такая фраза: «Во времена, когда стоят серьезные вопросы, самым последним мерзавцем остается тот, кто не принял ни одну из сторон».

Ім'я: **Максим**
Рік народження: **1992**
Статус: **солдат полку «Азов»**
Інтерв'ю записане М. Павленком та С. Білівненком
17 січня 2017 р.
Поточний архів проекту.
Ф.29. Оп.1. Спр.34.

Назвіться, як Вас звать?

Максим, Максим Леонидович.

Розкажіть про себе, де Ви працювали чи навчалися?

До событий, которые до войны, так сказать, да, учился в Запорожском металлургическом колледже, закончил его, после чего учился в ЗНТУ²⁷, машиностроительном раньше, — на профессии «энергомеджмент». В 2014 году, когда началось военное противостояние, как раз я закончил летом бакалаврат и поступил на специалиста. Но в августе отправился в мобилизационный центр, после которого непосредственно в полк «Азов» (часть, «загін», «спецзагін окремого призначення "Азов"»). До осени 2015 года находился в зоне боевых действий и параллельно на «заочке»... на заочном [отделении] учился в ЗНТУ. В 2015 получил [степень] специалиста, специалистом стал. Во время ротации приезжал на сессию и сдавал.

Родились Вы в Запорожье?

²⁷ Запорізький національний технічний університет.

Да, в Запорожье.

А какую школу заканчивали?

Двадцатая.

А вот в Вашей семье Вы воспитывались в каких традициях? Какая-то проукраинская традиция в семье или это был Ваш личный выбор, как Вы оцениваете?

Не знаю. У нас не было такой прям проукраинской позиции в школе. Основной язык украинский был, хотя и говорю по-русски, но «вільно володію українською мовою» и русской... имею ввиду языком. Не знаю, как, что сформировало мою позицию... Ну это и семья, родители, да, в основном, мы всегда понимали, в какой стране мы живем, у нас вопросов не возникало: «Новороссия» или как-то по-другому. Мы знали: мы живем в стране Украине, это и в школе было, и в колледже, и в университете.

А именно такое сказать, почему я там в «Азов» пошел, я считаю себя украинским националистом... Вот такую позицию сформировало, наверное, то, что я еще и являлся представителем фан-секторов футбольных фанатов и мы на секторе всегда занимали проукраинскую позицию и не стеснялись об этом говорить и открыто говорили. У нас объединение людей было, которые, ну не просто ходили на футбол поддержать команду, не только там «Металлург» запорожский, но мы всегда активно поддерживали и сборную нашей страны, сборную Украины. Мы активно ездили по всей стране: были и в Крыму, и во Львове, поддерживали свою команду, да и я видел, что у нас на самом деле

люди одинаковые, что во Львове, что в Донецке, что в Киеве, что в Крыму, что в Запорожье. И когда начался процесс, когда начали говорить, что «бандеровцы наступают», для меня это было смешно, то что я знал и видел своими глазами, как оно есть.

В [20]13-ом году, что Вы гдумали о событиях, которые разворачивались осенью, когда еще был мирный Евромайдан, студентческий? Как-то интегрировались вот этим?

Я считаю себя евроскептиком. Я не верю в то, что если мы там вступим в Евросоюз, то это решит все наши проблемы и вообще я сторонник того, чтобы «господарем на власній землі маємо бути ми самі». Нам не нужно, то есть, подачки ни с Москвы, ни с Брюсселя или с Вашингтона, да. Мы должны все-таки на своей земле отстаивать свои позиции, должны своими силами строить своё будущее, не возлагая на кого-то эту задачу. Поэтому, когда действительно звучали на Майдане изначально лозунги про евроинтеграцию, непосредственно вступление в Евросоюз, я немного скептически к этому относился. Но мы активно здесь на Майдане в Запорожье отстаивали проукраинскую позицию, потом я пошел непосредственно в «Азов». Наша позиция была такая, что даже если люди хотят куда-то присоединиться, в Евросоюз, они имеют право об этом хотя бы говорить, да потому что мы должны выбирать, в какую сторону двигаться. Ну когда стал уже вопрос о диктаторском режиме, когда было ну, уже когда силовые начали моменты возникать, мы приняли решение, что нужно включаться в эту борьбу

для того, чтобы отстаивать именно украинское государство.

Это когда произошло? [20]14-й год?

Это было уже после... было «перше грудня» в Киеве, как раз была одна из активных фаз, собственно уже силовое противостояние началось²⁸. Некоторые говорят, что революция раньше началась. Но я считаю: протесты, может быть, какие-то локальные начались раньше, а именно революция началась «саме першого грудня на Банковій».

Ви там були тоді?

Нет, я к сожалению там не был. Мы все-таки с Запорожья были, я именно в Киеве не принимал активного участия.

А здесь, когда Вы вышли в первый раз, что стало толчком? Кто-то из грузей сказал: «Да, вот пошли» или Вы организовали? Как это произошло?

С первых дней в Запорожье я был, присутствовал на всех событиях, которые проходили именно в Запорожье, где мы заявляли позицию.

А как вы [договорились], в «Вконтакте» списались?

Та нет. Я, как бы, видел, что в стране происходит, мы общались с парнями, знали, что в Киеве проходили... моменты были, силовой разгон. Приходили мы здесь на запорожский Майдан. Это далеко не был тот Майдан, который в Киеве происходил. Но мы, все-таки, те люди, которые приходили, они просто говорили о том, что они за Украину и за свободу выбора, за свободу слова. По большому счету, каж-

²⁸ Мова йде про сутички в м. Київ 1 грудня 2013 р.

дый приходил за свою какую-то идею: кто-то хотел в Евросоюз; кто-то хотел действительно сохранить государственность украинскую, потому что уже параллельно же создавался «Антимайдан» с этими георгиевскими ленточками. Кто учил историю, знает, что немножко искажаются понятия, когда начали говорить, что там «Бандера — это фашист, нацист». У меня были и сейчас [есть] другие мысли по этому поводу. Отстаивали именно, так сказать, свою идентичность. Моя мотивация такая была, но я не скажу, что я там активным был именно в Запорожье в начальной стадии, активист. Нет. Просто мы с парнями приходили посмотреть, увидеть, как оно. А вот когда уже разгон был 26-го января запорожский²⁹, мы знали, что фанатское движение представляем. К нам тоже обратились активисты именно Майдана, оповестили нас, что будет митинг большой, возможно какое-то силовое противостояние. Опасались, что «титушки» будут находится в здании. Собственно, так оно и было. Фанатским движением было принято решение, что определенным коллективом, по-моему, человек 30-35 нас было... даже нет, это ж, по-моему, в Киеве сбежал [Виктор] Янукович, насколько я помню...

Не не не, нет еще...

Но была захвачена КМДА³⁰, насколько я помню. Цели захватить областной совет совершенно не было. Вышли защитить запорожских наших и друзей, просто жителей города Запорожья, которые...

Земляков?

²⁹ 26 січня 2014 року.

³⁰ Київська міська державна адміністрація.

Земляков, да, зацтитить от того произвола, который был.

Во время разгона Вы были здесь?

Да.

Получается, там какие-то аресты были?

Я недавно Тарасу Белке³¹ тоже давал интервью по Майдану, от фанатов. У нас моменты были и столкновения даже с полицией и с «Антимайданом». Когда Потаман³² вел свой «Антимайдан», который на «елке» стоял, они к раде подходили и заходили вовнутрь облсовета. Их полиция, точнее милиция, пускала и мы как-то были возмущены: почему нас не пускают, людей с флажками Украины, а людей с георгиевскими ленточками впускают. Попытались тоже зайти и было там силовое противостояние с поли..., с милицией. А уже момент разгона... Непосредственно я со своими парнями, мы находились со стороны Профсоюзов³³. Целый день там тоже ж стоять сложно, отошли в кафе поесть. Нам поступил сигнал, что уже пошла зачистка, разгон, попытались назад вернуться на площадь и увидели людей, которые начинают бежать, убегать, а за ними милиция и «титушки». Кто убегал в сторону Профсоюзов, мы успели людей завести, там общежитие находится чуть-чуть ниже, в сторону цирка.

Сколько человек группа была?

³¹ Тарас Білка — активіст Запорізького Майдану, журналіст, блогер.

³² Олександр Потаман — лідер запорізького Антимайдану. У 2014 році керівник проросійської козачої спецдружини «Січ». Втік у Росію.

³³ Майдан Профспілок у м. Запоріжжі.

В тот момент, примерно 12 человек, 12-15 человек.

Немного получается.

Мы, как бы, не готовились, не было задачи про-воцировать.

У Вас были какие-то защитные средства?

В тот момент у нас не было. Я помню, что был единственный момент: мы пришли в масках изначально, у нас еще с футбола. Мы знали... фанаты из тех, кто больше всего знал, как поступает милиция с людьми, которые немножко по-другому говорят, чем хочет слышать власть. Постоянно у нас были конфликты и на секторе. Долго такая междоусобная война шла, было время, когда запретили красно-черные флаги использовать, мотивируя, что УПА флаг. При том, что цвета [футбольного клуба] «Металлурга» тоже красно-черно-желтый.

Поэтому мы пришли в масках туда и я помню, что жители наши, которые за Украину, Майдан, начали на нас: «Что вы, провокаторы, сюда пришли, нападать сейчас будете?», а мы: «Нет, мы нормальные». Зато на следующий день, когда произошел уже разгон, мы пришли, уже нам говорили: «О, молодцы, герои, вы помогли нам, отвели, защитили от избиения».

Какие мысли были после разгона запорожского Майдана?

Я точно понял, что если был разгон, значит, мы боремся за правду. Я понимал, что... точнее, я, с одной стороны, не понимал, что такого люди плохого сделали. Они заявляют: «Мы хотим... у нас

есть определенные “вимоги”» и были ж законы диктаторские³⁴ приняты и произвол милиции был. Нормальные тезисы звучали, нормальные требования. Вместо того, чтобы пойти на диалог и понять, хотя бы услышать народ, применяется грубая сила, ну то есть мне было четко и понятно то, что я все-таки борюсь за что-то, а не ради там каких-то амбиций, какого-то конкретного там человека да, а действительно за идею и потом уже вот после Майдана, оно же переросло все плавно.

А после расстрела какие мысли были, когда в Киеве произошел расстрел, глумили «конец революции» или будет продолжение?

Да нет, наоборот, было понятно, что уже президент, тот президент, который в тот момент был уже, просто так не останется: либо он убежит, как он сделал, либо он дождетя, пока за ним придут.

Верили однозначно, что он уже не останется?

Та не то, что верили, не знаю. Убивать людей... Либо бы нас всех тогда пришлось как-то ликвидировать, да, во всех городах страны, либо он должен был сбежать, либо понести наказание. Возможно, если бы он остался, мы бы зашли в Администрацию Президента. Было бы, конечно, хорошо показательно, «засудити, щоб він» и его подчиненные понесли наказание, а какое это уже нужно было бы обсуждать «громадськістю».

³⁴ «Диктаторські закони» — пакет законів, прийнятих ВР України 16 січня 2014 року. Істотно обмежували права громадян і мали на меті криміналізувати опозицію і громадянське суспільство.

После того, как Янукович убежал и здесь уже начали занимать облсовет, принимали участие в этих действиях?

Мы после разгона более активно начали принимать участие. Нас пригласили как раз обеспечить безопасность в момент вхождения. У нас облсовет просто сдали. Милиция вошла и никого в них [помещеннях обласної ради та обласної державної адміністрації] просто не было. К милиции уже доверия не было. Самооборона вроде была и нас как фанатов пригласили просто присутствовать для того, чтобы не было мародерства. Поэтому аккуратно с людьми зашли, позакрывали все двери, которые не нужны. Заняли, собственно, здание, никаких боёв не было, оно открыто было.

А в этих процессах самооборона руководила? Как занимать, какие люди дежурить будут, как это все было?

Мы как фанаты придерживались своего... как сказать, своих идей и мы не присоединялись к самообороне. У нас была координация определенная, понятно, что если мы находимся в одном здании, то надо как-то общаться. В основном самооборона, они, я так понимаю, курировали момент, когда мы заходили. Несколько было самооборон, к сожалению, не было единого такого кулака. Тогда не было таких лидеров, никого. Мы самостоятельно забрали один из этажей, на котором находились именно представители фанатов.

Вы себя фанатами или «Правым сектором» называли?

Не, в тот момент ни «Правый сектор», ни самооборона мы не назывались. Мы были «ультрас Металлурга». Все знали, что мы представляем футбольный клуб, фанатское движение представляли.

А у вас есть структура какая-то?

Да нет, вообще фанатское движение — это не организация определенная. Я могу сказать, среди даже фанатского движения есть коллективы — у каждого свой какой-то лидер, не по бумагам, а просто, как человек, который ведет за собой. И вот, фанатское движение — это объединение таких коллективов. У нас в тот момент, у нас был свой коллектив, в котором мы как-то и духовно, и морально между собой были идейно на одной волне и мы четко понимали, что мы делаем в тот момент.

Говорят, что «Правый сектор» — это выходцы именно из футбольного фанатского движения, правильно?

«Правый сектор»... «Правый сектор» есть у нас в Запорожье. Я присутствовал на трёх «установчих зборах» трёх «правых секторов» и никакого отношения к киевскому «Правому сектору» они не имели. Вот почему мы не хотели брать флаг никакой организации. Руководитель организации «Прогресив», я не помню, были «установчі збори», собрал актив свой и нас пригласили. «А давайте назовемся "Правый сектор"!». «А какое отношение имеет?». «Никакого». «Так, а смысл?». Другие были ребята, тоже назвались «Правый сектор». Фанатское движение, оно как и было фанатским, оно остаётся до сих пор фанатским и оно не стало принимать ника-

кую из организаций. Возможно, какие-то члены фанатского движения, они в этих организациях состояли, но сказать о том, что фан-движение стало поддерживать активно «Правый сектор» или кого-то другого — это неправда и этого не было. Какие-то конкретно люди, которые на футбол ходили, они состояли в организациях, возможно.

Если вернуться к тем событиям — потом был Крым. Как восприняли? Это будет временное? Как восприняли и как гумали, что будет дальше?

Мысли посещали о том, что может это... Никто же не знал, чем оно закончится, что якобы произойдет «референдум», Крым захочет присоединиться, отсоединиться, потом стать частью России. «Референдум», который произошел, понятно, что это все искусственно на тот момент создавалось. По поводу того... Моё восприятие: я просто помню, мы же ездили по всей стране, у меня буквально около 80 выездов на выездные игры «Металлурга» и в каждой области точно я был. И в Крыму: Симферополь «Таврия», Севастополь ФК «Севастополь». В Крыму был часто и вот весной, я дату так не вспомню — это был первый день, когда ввели границу между Крымом и Украиной. И на этот день, это, по-моему, апрель, на этот день у нас как раз стоял выездной матч «Металлург» — ФК «Севастополь» (чемпионат Украины когда был). Мы знали, что в этот день вводится уже жесткое разграничение, нас предупредили, что лучше не ехать вообще на этот выезд, потому что возможно какие-то будут [провокации]. Все же знали: фанаты

«Металлурга» за Україну, а фанаты «Севастополя», которые были за Украину, в тот момент уже уехали с Крыма. Было опасно ехать. У нас было принято решение. Конечно, все хотели ехать, коллективом большим, там чуть ли не революцию делать, но мы приняли решение. У нас поехало 6 человек — это те 6 человек, которые... У нас есть такое понятие «золотой сезон» — это за один сезон турнира футбольного, за этот сезон быть на всех домашних и на выездных матчах. Это считается как, считается хороший фанат, который на всех матчах был. У нас было 6 таких человек, которые, а это выезд один из самых крайних был, если бы кто не поехал, то «золотой сезон» слетел бы. И у меня как раз на тот момент был «золотой сезон». Мы поехали в Севастополь, ехали, видел этих «зеленых человечков»³⁵, паспорта тоже проверяли, в Севастополе приехали, фанаты нас тоже «Севастополя» очень негативно встречали, нам служба безопасности клуба выделила вообще отдельно какую-то VIP-ложу, чтобы нас никто не видел, попросили флаги, ничего не доставать. Все равно мы на цветах наших были. Что я видел? Стоит там 3 мачты: на одной висит флаг России, на второй [флаг] АР Крым, и на третьем флаг Украины висит, но уже флаг России висел. Севастопольская стелла погибшим морякам — там тоже флаг России висел. Я уже точно понял, что

³⁵ «Зелені чоловічки» — назва озброєних людей у військовій формі без розпізнавальних знаків, які взяли під контроль стратегічні об'єкти Автономної Республіки Крим наприкінці лютого — у березні 2014 р. Більшу їх частину склали військовослужбовці російської армії.

Крым просто так не вернется и это только начало. Крым — начало, когда на Донбассе началось противостояние, уже было понятно, что просто так не остановят.

А сам город изменился по Вашим впечатлениям?

Севастополь?

Севастополь.

Атмосфера, я не знаю. Не было такого, что прям... Я же опять говорю то, что я видел, — это в нескольких местах флаги России в показательных таких местах. На футболе оно не чувствовалось, что однозначно, они хотят там в Россию или Украину, им как-то все равно было, какая-то такая непонятная была ситуация.

Каких-то провокаций, не было такого?

Я же повторюсь, там достаточно хорошо работала служба безопасности клуба, потому что они все-таки в юрисдикции Федерации футбола Украины ещё в тот момент находились. Ещё не было понятно: «референдума» не было еще, туда-сюда непонятно. Они тоже знали, Служба безопасности Украины знала, что мы будем ехать на футбол, все-таки какие-то там меры пресечения расправы над нами были приняты, я не знаю какие, нас не посвящали в это, но достаточно со стороны службы безопасности клуба. Они ограничили доступ вообще, хотя на подходе к стадиону были нападки, но тут сложно судить из-за чего: из-за Украина — Россия (из-за этого момента) или из-за того, что «Металлург» — «Севастополь» (у нас же там сумасшедшая борьба была, поэтому мне сложно судить по какой причине).

С началом войны вот, насколько я знаю, ситуация изменилась, все фанаты объединились и все вот эти конфликты...

Это еще было у нас, как раз еще во время революции, когда уже, как раз фанаты они уже стали «такою рушійною силою» во время революции и в Киеве и по своим городам, у нас был такой меморандум, соглашение о перемирии. Согласились все футбольные клубы Украины, по-моему, кроме как раз «Севастополя». Потому, что те парни, которые были проукраинской позиции, они прямо не могли об этом заявить и уже впоследствии они уехали, а те, кто остались, они начали активно поддерживать Россию и то же самое, по-моему, по симферопольскому движению фанатскому. Тоже парни, которые ультрас «Таврия» (Симферополь), они уехали на материковую часть Украины и активно везде проявляли свою позицию, а те, кто оставался в Крыму и голосовал на «референдуме», они начали на футбол ходить с российскими флагами. Когда уже война была, то очень много парней отправилось на фронт из футбольных движений и батальон «Азов» тоже состоит, состоял изначально, очень из большого процента именно фанатских, из фанатов.

Начало войны... Что стало для Вас именно началом?

Я не сразу ушел на фронт, мы занимались в городе больше волонтерской деятельностью. Вот летом уже, когда такие боевые действия были, я про свою мотивацию могу...

Именно когда Вы поняли, что это уже война?

Летом, уже когда такие боевые действия были, я про свою мотивацию могу говорить. Я никогда на самом деле не считал себя военным и не хотел им быть, я учился на электрика в колледже. Это я уже в университете был («энергомеджмент»), но как-то у меня хоть футбол тоже был, но не было идей стать военным. И поэтому, когда начался вооруженный конфликт на Донецком направлении, мне так мысли были: раз уже напрямую стреляются, значит уже надо армия, в противовес идти. А потом у нас были уже и наступательные операции со стороны Украины, когда уже начали освобождать часть страны и у нас, у фанатов, был создан «Благодійний аукціон від Запорізьких фанатів», мы делали гуманитарную поддержку, осуществляли и собирали. У нас на аукцион выставлялись лоты: шарфы, «золотой сезон», которые среди фанатов и продавались.

«Свій за свого»?³⁶

Да, «Свій за свого». Это ж Эдик Андриющенко³⁷, он же ж с фанатского движения. А не, это у него аукцион был, это один, а у нас еще был, так и назывался, «Благодійний аукціон від Запорізьких фанатів».

Это отдельный был?

Да, это отдельный. У Эдика идея, в принципе, та же, даже не знаю, кто раньше начал, может Эдик. Я так не помню, но у Эдика другие лоты.

А кто был инициатором идеи этого аукциона?

Кто-то из парней наших. Появилась страничка, мы знали. Появилась страница, на кото-

³⁶ Благодійний аукціон, організований Е. Андриющенко на підтримку української армії.

³⁷ Громадський активіст, історик, журналіст.

рую мы начали ставить лоты, мы взяли ее потом под свое так сказать «керування» от имени фанатов. Должны все-таки [этим заниматься] фанаты, которые не просто рядовые члены, а которые отображают мнение всего сектора. И поэтому управление взяли к себе, сбор. Мы были уверены, что деньги, которые с этих лотов, дойдут до конечного солдата. Помогали и в полк «Азов». Мне казалось, вот честно скажу, мне казалось, что вот война сейчас закончится, потому что все — уже армия включилась, даже не армия, еще тогда «добробаты» больше включились.

У нас, я помню, еще был марш на День Флага 2014 года, когда мы с фанатами «Днепра»³⁸, а мы ж с ними очень жёстко, у нас противостояние, мы воевали, вот мы на День Флага вместе, у нас вместе футбол был и футбольный матч был.

Мы вместе вышли от бульвара Шевченка, от мэрии до стадиона «Славутич-арена» прошли с флагами Украины, у нас там баннер был «Смерть ворогам!». Это как раз первый марш, мой один из первых маршей, в котором я явно принимал участие, именно как один из организаторов. Поэтому мне это было как-то так дорого, и мы действительно заявили потом этот марш и видео с этого марша. Фотографии облетели всю страну, то есть, показательный такой момент и мы доказали, что Запорожье — это Украина и тут нечего вообще говорить о «ЗНР»³⁹ или о каких-то таких момен-

³⁸ Футбольный клуб м. Дніпро

³⁹ Сепаратистський проект створення «Запорізької народної республіки»

тах. То есть, у меня больше вот этот промежуток времени... все-таки я больше переживал о внутренних каких-то моментах. Чтоб у нас в Запорожье не стали возникать моменты как до «яичного» воскресенья⁴⁰, да. А именно такой показатель, ну то есть то, что поменяло мое мышление, то есть, что не стоит только в Запорожье находиться, все-таки надо и на фронт ехать, это и Иловайский «котел», я понял, что... У меня так пелена с глаз ушла, я понял, что все просто легко не закончится. Кажется, да, сейчас наши ребята всех победят, там чуть ли не до Кубани дойдут, а тут оп — и «Донбасс» чуть ли не на 70% людей потерял, «Азов» — только благодаря командованию они вышли за пару часов до того, как их взяли в «котел». Я осознал, что это далеко не конец и наоборот — еще очень-очень много предстоит сделать и я понял, что если я буду еще в Запорожье сидеть дальше, то придется и в Запорожье уже встречать врага. А с чем? Не знаю, ножом кухонным, не с чем даже...

По Вашему мнению, в чем заключается причина этого Иловайского «котла»?

Мне кажется, командование на высшем уровне: и ЗСУ, и НГУ.

Какие-то военные моменты или политические, как Вы считаете?

Та мне кажется, те люди, которые находились «в керуванні Збройними силами України» и Национальной гвардии Украины, совсем отстали,

⁴⁰ Йдеться про подію 13 квітня 2014 р., коли проукраїнські активісти розігнали виступ запорізьких антимайданівців.

не хотіли воевати. Не в плані того, що просто бегать-стрілять. Якщо на нас нападають, надо жестко взяти зброю в руки і сказати: «Ні, ми вас не пустим!». А почалися якісь-то «договорняки». Я не знаю на самому ділі, як там все було, дійсно «договорняк» це або ні, але є дані про те, що прекрасне було розуміння, що буде «котел» ще за кілька годин. Можливо люди виводили і взагалі сама операція була достатньо глупа, там були певні розвіддані. То є, знали яка техніка стоїть, прекрасно розуміли який ризик є, і все рівно так по-дурацьки беруть відправляють. Значить це, напевно, була не помилка, а якийсь присутствовав умисел в цьому всьому. Це і моя позиція і позиція тих хлопців, з якими я спілкувався і які брали участь в цьому. Не тільки там рядових бійців, а і командування. Всі підтверджують, що це не просто помилка⁴¹. Іловайський «котел» — це не єдиний випадок, це не просто випадок, це найтакі гучний випадок. Тепер ми теж займаємося, допомагаємо адвокатам вести справу по Кіровоградському спецназу⁴². Я повертаюся в цю сферу, я бачу за той проміжок часу скільки було глупих «наказів», відсутність взагалі координації між «керівниками»

⁴¹ Зауважимо, що є різні точки зору щодо боїв за Іловайськ у серпні 2014 р.

⁴² Скоріше за все, мова йде про загибель групи спецпризначенців 29 липня 2014 р. у с. Латишеве Шахтарського р-ну Донецької обл. Детальніше див.: https://ua.censor.net.ua/resonance/29/399750_lypnya_den_syl_spetsialnyh_operatsiyi_ta_den_pamyati_geroyiv_spetsnazu_poleglyh_u_boyu_pid_latyshevym

самого высшего уровня и конкретными какими-то подразделениями, частями, которые находились на боевых позициях. Не было вообще четкой стратегии достижения цели, было все как-то так.

То есть, именно тогда Вами было принято решение уходить на фронт?

Да. Когда Иловайск произошел, это конец августа, я уже четко понимал, что уже все, нужно идти. В сентябре [20]14 года я уже начал собирать документы, дождался, когда у нас будет мобилизация в полк, тогда еще батальон, «Азов», отправился в мобилизационный центр в Киев. Еще тогда «Атэка»⁴³, по моему, не было, отель «Козацький» был, который в центре Киева, на Майдане. Там курс прошел «молодого бойца», так сказать. Отправились мы тогда уже непосредственно в «Азов», влился в ряды батальона.

Почему «Азов»? «Айдар», «Донбасс», тот же самый «Хортица», 23-й, 37-й были»⁴⁴.

В «Азове», во-первых, очень много товарищей моих было.

Они запорожские были, да?

Нет.

Со всей Украины?

Мы ж общались по всей стране с парнями, как раз запорожских парней немного было. Именно с фанатского движения нас 3 человека отправилось, я и еще 2 человека.

Вместе уходили или в разное время?

⁴³ АТЕК — завод у м. Київ, що використовується як база тренувань полку «Азов».

⁴⁴ Див. словник військових термінів.

Мы уходили в разное время. Есть неделя разницы, может, пару дней, но мы не втроем договорились поехать. Мы почти в одно время, но каждый по разному ушли. Я прихожу: «О, "Фан"!». «Привет, типа ты тоже?». «Ну, я тоже». «Фан», «Заяц» и я. 3 человека, которые вместе мы прошли мобилизацию, подготовку, и уже отправились.

А документи какие Вы должны были собрать: справка, здоровье или как это [называлось]?

На самом деле, в тот момент сильно документов никаких не требовалось. Сейчас, мне даже сложно вспомнить, что я туда вез. Медосмотра, ничего такого не было. Это мы проходили уже когда в мобилизационном центре были, проходили медосмотр и сдавали все анализы, нас проверяли на психолога, нарколога и так далее, так далее, так далее. Сейчас, конечно, это у нас уже на уровень выросла подготовка для тех ребят, которые сейчас хотят служить. А тогда пришел в чем был, голый-босый, главное, чтоб желание было. Не, ну документы понятно: паспорт, код идентификационный, я вспоминаю, что я ж в университете еще учился, на специалиста пошел, пытался там этот момент «устаканить», чтоб не отчислили. Хотя как-то доучился, на «заочке» доучился, приезжал доучивался.

Вот Вы сказали, дальше тренировка. Это где, под Киевом база была или...?

Ну, в тот момент, вот отель «Козацький», в котором жили. Старый... Там же ж два отеля: новый корпус, который был отдан во время революции, он,

по-моему, был каким-то путем передан под мобилизационный центр. То есть, там в формате казарм, жило около 100 человек. Небольшие комнатки, в каждой по 12-15 человек. То есть, двухэтажные кровати, которые впритык почти стояли с друг другом, потому что набор был существенный. Около 100 человек — это около месяца прохождения всех вот этих моментов с медициной, проверка и подготовка минимальная. Мы, во-первых, физическую подготовку проходили: утренние пробежки, занятия спортом ежедневные. У нас сразу было деление по десяткам, то есть, был ответственный старший человек — десятник. У него в подчинении 10-12 человек и составлялся график занятий. Физические (на Труханов остров на Днестре мы бегали, проводили там занятия), те же окопы учились рыть, нам инструктора показывали, первая медицинская помощь, оказывать медицинскую помощь в боевых условиях. Таскали ж друг друга, вот. Полевые условия — это Труханов остров.

А инструктора кто проводил?

Инструктора проводили парни, которые в основном приезжали с полка «Азов». Были инструктора. Были уже парни, которые получили и ранения, и контузию.

Которые с боевым опытом?

Да, которые с боевым опытом, они уже приезжали, которые не могли уже вести службу в зоне боевых действий, они вот приезжали и были инструкторами.

Иностранцев [не было]?

Иностранцы там тоже были. Грузины были уже непосредственно в полку, в батальоне, потому что у них все-таки опыта побольше было, они свою войну прошли уже, успели поучаствовать в нашем конфликте, они работали именно с людьми, которые непосредственно готовятся в бой. А у нас больше такие подготовительные, у нас макеты оружия были, мы учились их собирать-разбирать, привыкали к оружию и азы получали медицинских знаний, правильной транспортировки раненых, то есть, такие базовые моменты.

Насколько серьезная подготовка? Достаточно, недостаточно?

На тот момент, я не могу сказать, что это была какая-то супер подготовка и она была систематической. Это просто приезжали парни и они делились своим опытом — лучше это так сделать, лучше так. Сейчас у нас совершенно по-другому.

*Під час тренування.
Фото опитуваного*

«Азов» брат, мы же до сих пор в структуре находимся, с чем и сталкиваемся. Мы уже совершенно наладили подготовку. У нас есть «школа Євгена Коновальця» — это была сержантская школа, была офицерская школа, сейчас будет запускаться

с нового месяца⁴⁵ школа рекрутинга именно по новым людям, которые приходят и их уже по стандартам НАТО обучают именно квалифицированные инструктора, которые получили соответствующее знание и доказали [квалификацию] — сдали экзамены и получили сертификаты. Это в данный момент есть. Тогда это ж, повторюсь, приезжали парни, которые что-то уже сами на себе почувствовали, где-то успели, не знаю, ознакомиться с чем-то, делились своим опытом и все. Когда уже на Урзуф приехали, там уровень подготовки был на голову выше, мы уже работали с боевым оружием, у нас уже были выезда на полигоны, у нас уже были ребята, которые принимали участие не только в нашем конфликте, не только в войне участвовали.

Десятники — это были парни, которые в армии уже служили или это не влияло на выбор?

На самом деле, не было такого жесткого — десятник, потому что ты в армии был. Собирались, проходил набор, так сказать, было определенное время, когда набирались люди. Пришло 100 человек, в принципе, сразу было видно, анкеты минимальные заполняли. Каждый указывал: имеет он боевой опыт, не имеет, где он участвовал, служил-не служил. И вот когда анализировали эти анкеты, знакомились с людьми лично, видно было: сможет ли человек, обладает ли какими-то лидерскими качествами, сможет ли он справиться с коллективом, это принималось там вот решение.

⁴⁵ 3 лютого 2017 р.

А все, которые были в Киеве, потом переехали в Урзуф или некоторые отказались, ушли?

Нет, тех, которые отказались не было, но были, это может там 2-3 человека, у которых были дисциплинарные какие-то проблемы, проблемы с дисциплиной. У нас сразу очень жесткая дисциплина была, но я считаю это правильно, потому что на войне должна быть четкая дисциплина, иерархия и человек должен выполнять приказ, а не хочу-не хочу. Вот так пару человек отсеялось от того, что кто-то может физически немножко не справлялся, кто-то может эмоционально не мог понять, что все-таки нужно ответственно к этому относиться. Единицы.

Когда получили оружие в первый раз, ощущения какие были у Вас?

Не знаю. У меня так получалось, что когда я получил боевое оружие, я ехал уже на боевое задание. В тот момент, хоть мы были уже батальон при МВД, но обеспечение мизерное было: ни бронжилета, берцы свои, которые с дома взял, купил в «военторге», вот в них я вначале бегал. Форму у нас в тот момент выдали, есть такое название «стекляшка» — она такая искусственная, я не знаю, что за материал, но я знаю, что парни, которые рядом с огнём [были], она просто плавилась на парнях и всё. То есть, вот такая форма была МВД-шная. Мы её не носили, мы её только в какой-то черновой работе, возможно, на тренировках. А [форма], в которой я бегал, — тот же самый «военторг», «мультикам» —

то уже была «хэбэшка»⁴⁶. Опять-таки, не благодаря МВД, а благодаря руководству закупалась именно форма, а точнее шилась под солдат и обеспечивалась. Это ближе уже к зиме было, а сначала у меня так и получилось.

У меня очень длинная история. Короче, как вообще происходит момент [распределения]. Приезжают парни с Киева, их отправляют в роту охраны — рота охраны занимается обеспечением охраны базы. Не сразу же ехать на войну, а надо пока парни там где-то воюют, нужно обеспечить, чтобы на базе был порядок, и после этого там какое-то определённое время, недели 2-3, кто-то дольше... Идёт распределение по военным подразделениям, кто где: по желанию, либо по необходимости проходить дальше службу. Я в мобилизационном центре был с товарищем, позывной «Норд» с Нововольнска, по моему, Волынской области, возле Луцка. Мы с ним подружались, можно сказать. Мы с ним после распределения очень хотели в УШЧ — это было ударно-штурмовая чета. Все названия, в основном, тогда были казацкие, то есть десяток, чета, сотня... это сейчас уже роты, взвода, более по-армейски, а когда мы пришли, больше на традициях. У нас до сих пор есть терминология, мы подразумеваем: сотня — это рота, сейчас всё-таки профессиональную армию мы делаем, профессиональное подразделение, поэтому мы не позволяем себе, как раньше. Так вот, в УШЧ — ударно-штурмовую чету мы хотели и так получилось, мы туда попали.

⁴⁶ З бавовняної тканини.

Это было одно из подразделений, которое... Есть линейные подразделения, пехота, рота... этой роты три сотни линейных, это пехота, она участвует, в основном, в полномасштабных таких действиях. У нас была там РДЧ — разведрота. Сейчас рота, а тогда «развед. диверсионная чота». Из линейных самые лучшие десятки ездили на задания, определённые боевые. Мы туда попали и распределили нас. Нам дали первые «Кугуары», класс «Кугуар», как раз на УЩЧ их там два или три на весь батальон дали: один разведке, один нам и ещё один. И так попало, что нас распределили в группу обеспечения от «Кугуара». 5 человек состоит в экипаже: водитель, командир машины, оператор орудия («Утёс») и 2 человека, которые автоматчики, которые обеспечивают извне сохранность автомобиля. И вот так получилось, что сразу попали мы. Попал я в активную фазу всех мероприятий, а так как я был новенький, там бронезилет не успели дать, там автомат ещё не дали.

Я помню первое задание. Это у нас Мариуполь и ещё перед Мариуполем оборонительная линия была. Широкинской операции ещё не было, а противник в 15 км от нас находился. Мой командир дал помповое ружьё — моё первое оружие, «Форт» новый, забыл модель. Я с помповым ружьём, бронезилет у кого-то из побратимов, которые только вернулись из боевого, так выехал. Но сильно думать о том, что вот у меня оружие, не знаю. Я сразу думал о том, что надо делать.

Каска была?

Каска была. У нас тут жёстко, то есть если мы все ехали, то нас всех одевали. Чем мы и отличались. Наша команда очень жёстко и ответственно относилась к личному составу в плане безопасности. То есть, нас сразу начали водить без аптечки, без каски, без бронежилета, то есть вообще был запрещён выезд куда-либо и уже когда Широкинская операция была, ну я просто вспомнил момент, когда в Широкино на позициях приезжают парни с «Донбасса» и с ними там ещё два парня с «Правого Сектора». С ДУКа, ну я не знаю, какой там из ДУКа, ну выскакивает парень, у него ни бронежилета, он без каски, в маске в ниндзэ этой и с гранатомётом, даже без автомата. Я вот так стою и думаю, говорю ему: «Парень, а что, ты куда приехал?», а он говорит: «Та нормально, я уже полгода так езжу». Ну это с одной стороны смешно, а с другой, ты знаешь, у него нет командования, он просто вот так хвостом прыгнул к парням с «Донбасса», он приехал и вот сафари у него началось. Мы все как-то старались более систематично и правильно подходить к таким вот моментам, благодаря командованию эти вещи были, так что всё-таки, не всегда хочется бронежилет таскать, ну разные причины были, ну спина болит до сих пор, уже год с бронежилетом хожу, ходил точнее.

Первый выезд, он как-то запомнился?

Первый выезд был, на самом деле... У нас не было боевого столкновения, мы выполняли задачу, заменили парней, которые находились на передовой. Там не было активной фазы, но это была самая

крайняя передовой. Точка, где находились украинские силы, за Мариуполем.

Это блокпосты были?

Это были вынесены дозоры вперёд. Там линия окопов. Блокпост — он чуть-чуть сзади по трассе стоит, а это линия окопов. Весь Мариуполь был окопан по границе. Если наступление [начнется] противника, мы могли сообщить нашим подразделениям, чтобы они уже кинулись нам в подмогу и для оборонительных моментов.

Мы там целую неделю сидели. Я просто помню, что была очень плохая погода, дождь был, это ж осень. В поле мы сидим, все в грязи. Ходишь — у тебя сапоги прям загрузают, нога только с носком вылезит, ботинок остался в грязюке. Это что я помню с первого выезда. Помню, что еще было холодно, прислали какие-то боксы металлические, в которых мы жили. Они вкопаны в землю были и буржуйка грела постоянно. Кто-то забывал приоткрыть щелочку, то труба валит — вечно все в дыму. Запомнилось именно с первого выезда. У меня таких прям суперчувств не было: «вот я на войне» или еще что-то.

Недели 2-3 прошло после этого, был выезд на Павлополь. Это была профилактическая поездка. Команды мне сообщили о том, что якобы зашла группа в Павлополь. Это буферная зона была. Мы выдвинулись проверить. Село большое и понятно, что оно разделялось по секторам: кто-то поехал в одну сторону держать сектор, кто-то на другую. Один из автомобилей наехал на фугас, машина

подорвалась. У нас несколько погибших, один без ноги парень остался. И это пока мы находились в центре села и устанавливали флаг Украины. И в этот же момент возле нас два человека с оружием из тумана вышли со словами «Обаму геть», после чего мы все поняли, что это сепаратисты. Обнаружили у них «посвідчення» «ДНРовцев»: у одного «ДНР» был «військовий квиток» псевдореспублики, у другого тоже какие-то там ленточки, один был со «свэдэшкой», другой был с АК⁴⁷. В этот момент я понял: все, такое крещение наше было, мое «особисто».

Я так понимаю, что ДРГ-шка зашла. Они оставили дозор, эти два человека должны были сообщить, если заехали мы. Я так думаю, нам повезло, наверное, потому что был туман и они слышали гул автомобиля и техники, не могли распознать кто это и скорее всего подумали, что мы их товарищи. Они вышли из тумана, крикнули издали «Обаму геть», а у них оружие на ремнях просто висело. Они выходили к своим получается, но ошиблись.

Ваши ощущения в это время как бы описали?

Да не знаю. Мы ж не знали, сколько их. Пошли проверять все, причем Павлополь был заселен, выстрелы были, повибежали женщины с дома. И вот лежу в луже, смотрю на улицу, выбегают реально почти со всех домов «жіночки», начинаем загонять их домой, а они нам: «Вы кто? Вы чьи?», а мы им: «Ваши, наши». А что им говорить? «Домой зайдите».

⁴⁷ СВД — снайперська гвинтівка Драгунова. АК — автомат Калашникова. Див. словник військових термінів.

Проверили село, больше никого не нашли. Плюс то, что наши подорвались. Мы ждали, пока госпитализируют, находились в поселке и мы тоже покинули эту зону, уехали на базу.

[Местных жителей много?]⁴⁸

Да, но это была буферная зона, там не было обстрелов и люди себе живут до сих пор.

Как они настроены? Прорукраински, пророссийски? Вы общались с местными?

В тот момент мы не сильно общались, они ясно видели, что у нас нашивки есть «Азов» и флаги Украины. Нормально вообще к нам относились. Опять-таки, я не думал, что человек, который видит, который осторожен, будет кричать: «Я за "ДНР", а ты козел!». Понятно, что он сразу будет задержан и отправлен, как пособник терроризма.

Явно таких не было?

Явных проблем не было. Мы часто ездили: Лебединск⁴⁹, по той линии Широкино, Коминтерново, общались с людьми. Некоторые говорят, что «мы за Украину, поэтому не уезжаем, мы на своей земле». Я просто могу еще один пример привести. Опять-таки то, что они говорили, я же не знаю, что у них на самом деле [в голове].

Вот адвокат наш ведет [дело]. Мы помогаем ему в процессе судебном с кировоградским спецназом. Один товарищ в Снежном предложил помощь украинским военным — спецназ, они искали летчиков сбитых. Разбились два самолета, были сбиты.

⁴⁸ У цьому місці запис нерозбірливий. Зміст запитання відновлено пізніше інтерв'юером.

⁴⁹ Село Лебединське Волноваського району Донецької обл.

[Летчики] в районе Снежного катапультировались, кировоградский спецназ их искал. Мирный житель предложил им убежище, загнать технику к себе в ангар, «Я ж за Україну, хлопці, давайте», а потом пока парни спали, сообщил информацию какому-то боевому подразделению «ДНР». Они приехали и расстреляли весь кировоградский спецназ. Насколько нас действительно рады были видеть, насколько честно нам говорили, что мы правильно делаем, что их защищаем? Сложно судить, но каких-то выпадов не было в наш адрес.

Факты помощи, поддержки от местного населения были?

Конечно были, кто-то водичку предлагал, попить или еще что-то, когда не было таких активных действий. На самом деле, я мало общался с местным населением, поскольку мы куда-то выезжали, у нас действительно активная фаза была, там не до разговоров. Но были моменты, когда нам предлагали какую-то помощь, но в основном все-таки связанную с продовольствием.

Но вы с местными общаетесь?

Мы общаемся, когда с базы уходишь в магазин сходить или еще что-то разрешено было, не такой закрытый режим, как сейчас. Нормально, в принципе, к нам относились. Были люди, которые говорили: «Зачем война, давайте все-таки мирно жить», но мы как-то пытались объяснять, что мы тоже за мир, но не ценой того, чтобы отдавать кому-то свою землю. Будет мир после того, как мы заберем то, что принадлежит нам по праву, тогда мы готовы

садиться за стол переговоров. То же самое в Мариуполе, в Урзуфе. Кто явно был против нас — они уехали, потому что понимали, что рано или поздно их разоблачат. В Мариуполе достаточное количество людей было, которые активно и «ДНР» поддерживали, и все эти процессы. Или просто обывательски: по телевизору показали, какие «Азов» нацисты или еще что-то. Но я четко помню, что зима была, когда на Восточный микрорайон Мариуполя стреляли «Градами» и как раз мы поехали. Я в тот момент не участвовал, потому что мы с боевого отсыпались. Наши парни поехали оказывать какую-то помощь минимальную. Эти люди сразу бежали, вообще не смотрели, что, как говорят, «свастика на руках» (тоже бред). Бежали: «"Азов", ребята, помогите!». Они понимали, что с той стороны явно не за людей борются, представители псевдореспублики.

Как вы их вообще называете? «Сепар» или еще как-нибудь?

«Сепар» — да. Сепаратисты их называют.

Население в целом чем живет, чем занимается?

В основном там остались люди, у которых свое какое-то маленькое хозяйство: огород, курочки, козы. Хозяйство ведут и действительно им сложно куда-то уехать, нужно все перевезти. Либо кто работал на предприятиях, те остались.

Сейчас не работают эти предприятия?

Все зависит от того, насколько близко происходят боевые столкновения. Если брать Широкино, то даже в момент того, как мы находились в нём, от него, от поселка почти ничего не осталось. Мы

там еще находились — порядка 20 человек местных жило. При том, что [стреляли] минометы, [взрывались] снаряды, мины, и танки работали, и СПГ. Реально, там живого места нигде не осталось, ни одного дома, наверное, целого не осталось, но зато жители там в погребках они и находились.

А что их мотивировало оставаться на месте?

Это, наверное, надо у них спрашивать.

По Вашему мнению?

На самом деле, мне сложно сказать. Может быть, человек — ему некуда ехать, если он уже там достаточно много лет (в основном, там были люди преклонного возраста, то есть дедушки, бабушки, женщины, которым некуда ехать). Дети, может, не ждуть и они решили все-таки здесь оставаться.

Там более молодых не было?

Нет-нет, молодых не было. По Широкино могу сказать, мы особо тоже не видим этих людей, они ж не ходят по улице в открытую. Хотя было несколько моментов, мы обнаружили людей и было непонятно кто это. И потом присматривали просто. Женщина вышла, посмотрела не будут ли стрелять, побежала, мешок картошки тащит — наверное ж где-то в подвале сидит.

Смотрим сводки от «ополчения». Поехали в Широкино, потом возвращаемся, смотрим, включаем «Ютубчик»⁵⁰, а там «сепары» сами снимают, сколько у них убитых, сколько у них раненых, и мы можем понимать насколько мы удачно съездили или неудачно. Смотрим, 10 жителей встречают

⁵⁰ Сервіс розміщення відео *Youtube*.

[сепаратистов]. «Ой, хлопчики!». Меня так удивляет то, что там явно были жители, которые находились, они предлагали и молоко, предлагали свою помощь. «Спасибо, ребята, что нас защищаете», это они «ополченцам» говорили. Но говорили они на украинском языке: «Хлопчики, ми так раді вас бачити». Говорят на украинском языке, а говорят, что Украины нету, «новороссы» там, ну странно.

Мужское население осталось и где они помещены?

В основном, там «жіночки були», реально пенсионеры.

В марте, я четко помню, потому что в марте у меня День рождения⁵¹... Как раз так получилось, что в этот момент мы были в Широкино и очень серьезно работали по селу минометы-стодвадцатки⁵², очень сильно работали. Там несколько локаций есть: маяк — это основная позиция была; потом линии от моря, перпендикулярно морю домики были; дома, в которых жители раньше жили, и дальше окопы. А спереди от маяка вниз, там три высокоэтажки, точнее пятиэтажки. Это пансионат какой-то заброшенный. Буква «Г» у нас позиция была. Мы работали по всем почти позициям очень сильно. У нас как раз танковый батальон заехал, наши «танчики» отработали по тем позициям. Мы в тот момент наблюдали. Когда работает артиллерия и «танчики» — ловить нечего с автоматом. Наблюдали эту картину, в дозоре находились. Несколько часов было, наверно, как бы с

⁵¹ 12 березня 2015 р.

⁵² Полковий міномет калібру 120 мм.

одной стороны, то с другой, канонады, взрывалось все, салюты. Мне парни говорят: «Максон, это тебе в День рождения устроили тут, фейерверки». Мы сидим, просто смотрим, как все взрывается. Когда уже все стихло, я с парнем находился в дозоре. Это здание было на возвышенности и просматривали одну из улиц, которые выводили в центр села и уже от этой улицы можно было в село и за село выходить к позициям противника. Скорее всего, противник по ней и выходил. У нас основная задача была наблюдать за этим участком дороги, там действительно дорога проложена, и чтобы внезапно на нас никто не напал. Мы сидим, чуть-чуть разговариваем, перешептываемся, я смотрю — идет мужчина-дедушка. Идет, 5-7 минут назад закончились взрывы, крыши там разлетались — идет мужик по дороге, за ним корова. Мимо нас прошел, пошел к окопам, понятно, мы передали по рации, что идет мужчина, безоружен. Когда он уже дошел до окопов, задержали проверить кто он. Уже был, наверное, март, было больше месяца боев, [а] мужчина где-то там жил, корову свою пас.

Широкинская операция, самое её начало — как это проходило и какие были задачи на самом деле? Говорили, что это вообще на Новоазовск должно было идти.

Широкинская операция была как ответ на обстрел района Восточный⁵³. Было четко и понятно, что Мариуполь находится в зоне досягаемости

⁵³ Мікрорайон Східний у м. Маріуполь. В результаті масованого артилерійського обстрілу 24 січня 2015 року в ньому загинуло 30 й було поранено 128 мешканців.

*«Азовці» під час Широкинської операції.
Фото з офіційної сторінки полку «Азов»*

банального обстріла с «Града» — 12-15 км. Понимали, что эту линию нужно двинуть, и жители попадают под обстрел, поэтому было принято решение спланировать операцию наступательную. На самом деле, опять-таки, общаясь с командованием, кто принимал участие, Широкино — это не была самоцель освободить его. Было принято решение наступать по трем направлениям: Широкинское, Коминтерновское и через Лебединское — вот три населенных пункта. И основной удар должен быть на Коминтерново, то есть было в планах пробить Коминтерново и выйти уже на Новоазовск. То есть вот эти два должны были быть, Широкино и третий

населенный пункт, не буду, чтобы не обманывать, они больше как отвлекающий маневр должны были быть, чтобы пройти уже напрямую на Новоазовск. Конечная цель была Новоазовск. На войне ж как на войне. Получилось так, что смогли Широкино занять. На самом деле мы понимали, что Широкино на самом деле было более вооружено, чем те все остальные пункты, поэтому как бы не сильно рассматривалось любой ценой взять, если б мы вышли на Новоазовск, то фактически Широкино было в «котле». Получилось так, что наоборот, — мы взяли штурмом Широкино, хотели дальше идти, но тут уже подвело командование высшее Нацгвардии, ЗСУ.

Не было тогда техники [у «Азова»], танков не было, использовались ЗСУшные танки. Командование ЗСУ отказалось давать технику. Уже непосредственно в момент боя, то есть штурм идет, только пехота бежит, а танки стоят где-то под Мариуполем, даже не выходят, поэтому остановились в районе Широкино и уже со стороны заняли пехотой. Получается Широкино, там же тоже дозоры находились противника, они чуть-чуть отошли и заехала уже техника «ДНР», «танчики». То есть, не было возможности ни продвигаться вперед и особо не было возможности в самом Широкино оставаться. Там такая особенность поселка, что от маяка и вот эта линия, она находится на возвышенности, то есть было возможно преимущество и уже мы не наступали, а оборонялись. Заняли поселок, даже не сам поселок, а вот эту высокую часть, высоты

заняли, село как раз находилось внизу. Оно было не выгодно ни нам, ни им, оно так и оставалось буферной зоной, никто там не находился. Потому что опять-таки противник был на высоте с другой стороны села. Вот на этом и операция закончилась.

Сейчас там на высотах так все остались?

Я там давно не был. Возможно, уже и в село зашли.

Там показывали морских пехотинцев.

Сейчас морская пехота. Скорее всего, там нет смысла находиться, потому что укрепрайон не построить, очень неудачно оборонительно. Там невозможно обороняться, поэтому либо уже приходится занимать высоту, которая по ту сторону села, либо вообще уже выходить в село в качестве разведки, чтобы не было там всяких диверсионных групп.

С той стороны высот, видел фотографии, стоят «витряки».

Они достаточно далеко те «витряки». За селом в сторону Новоазовска, там уже «зеленка», лесопосадка. То есть, оно не совсем видно, откуда подъезжает техника именно с Новоазовска. И в данный момент сильно много живой силы и техники противника, потому что оно хоть и высота, но все равно видно. Там стоит своя линия оборонительная и она, скорее всего, используется как дозорная сейчас. Иногда вот в село заезжают особые группы и они ведут уже бои с применением огнестрельного оружия. Артиллерия работает с другого населенного пункта, с Саханки. Саханка вынесена чуть-чуть от моря дальше нахо-

дится, Широкино прямо в море стоит, на берегу, а Саханка она туда чуть-чуть подальше от моря и вот там уже очень серьезная: и танки дислоцируются, и артиллерия, и танковые роты.

Коминтерново заняли?

Коминтерново сейчас как буфер больше. При Широкинской операции было освобождено 5 населенных пунктов: Широкино, Лебединское, Коминтерново тоже. Коминтерново тоже не слишком удобно для нахождения в самом селе, поэтому с одной стороны был наш блокпост, с другой стороны их блокпост.

Во время самой операции много было потерь?

У нас в «Азове», по-моему, 14 человек во время и наступления и нахождения в Широкино.

То есть, это было все в 2015 году...

На самом деле да, одно из, как сказать, побуждений на Широкинскую операцию было желание немного разгрузить аэропорт Донецкий. Должны были, и скорее всего так и было. Часть подразделений «ДНРовских» были направлены на Широкино, причем были факты, что и не самые последние подразделения. Также ж и «Моторола»⁵⁴ был в Широкино, и эти «спарты» с подразделением. Все-таки эффект был. В аэропорту, как говорят, бетон не выдержал, наши парни выдержали. Сооружения не выдержали количество артиллерии.

Те, которые наши бойцы погибли с «Азова», Вы их лично знали?

⁵⁴ Моторола — позивний російського громадянина Павлова Арсена Сергійовича (1983-2016 рр.), командира підрозділу «Спарта» терористичного угруповання «ДНР».

Часть знал, да, конечно знал. С кем-то общался больше, с кем-то меньше. Например, кого я очень хорошо знал, это Вова Родионов, позывной «Чемпион»⁵⁵. Он с Луганска сам, во второй роте-сотне [служил]. Вот как раз «Друга сотня» получила прозвище «Друга залізна сотня». Получили как раз после Широкинской операции, потому что «Друга сотня» принимала всю тяжесть. Их направление было широкинское, вся эта злая участь выпала на них. Вова Чемпион, я его знаю еще по футбольному движению. У нас взаимоотношения Запорожье-Луганск по футболу были очень хорошие, теплые, «Металлург» (Запорожье) — «Заря» (Луганск), у нас был союз, еще плюс Мариуполь «Ильичевец» (тогда еще так называлось, сейчас тоже «Металлург»). У нас было такое трио, когда у нас дружба была. Мы друг друга поддерживали на футболе и когда какие-то фанатские противостояния были. Мы как бы блоком таким выступали: «Металлург», «Заря» и также «Ильичевец». И вот я его еще знал с 2010 года. А когда началась война, он был уже с первых дней в «Азове». А потом он погиб в Широкинской операции.

Чем он там занимался?

Он был в экипаже «Кугуара» или уже «Спартана». Наверное, «Спартана», тоже уже новую технику дали. И он находился в транспорте. Куда-то заехали, застряли в Широкино, не смогли выехать и выстрел из РПГ прям в лоб. Это ж закрытое пространство, и там, короче, не очень много прям от

⁵⁵ Детальніше див.: <http://memorybook.org.ua/20/radionov.htm>

него осталось. В закрытом гробу его хоронили. Это мой такой близкий товарищ. Как раз 3 года будет Широкинской операции. В Запорожье мы будем проводить турнир по мини-футболу в честь Вовы-«Чемпиона». Тоже должно съехаться 8 команд с восьми городов. Это Киев, Харьков, Днепр, Мариуполь, Луганск тоже. Мы собираем парней, которые разъехались по всей стране, которые с движения фанатского луганского. Полковая должна быть команда наша и запорожская.

Во время боев дежурство боевое: когда выезжаете на «передок», когда вы возвращаетесь, сколько оно по времени? 6-8 часов или дольше?

Оно по-разному. У нас бывало, например, так: операция — мы выехали в 2 ночи, операция в 5 утра началась, на рассвете. Мы там провели 2-3 часа, выполнили задачу и вернулись. И такие моменты бывают.

Бывали моменты, когда мы заступали... Были у нас не наряды, а боевое такое назначение. То есть, у нас в тот промежуток времени было 2 основных направления, где постоянно находились наши силы. Это было возле села Гранитное. От него чуть-чуть дальше «штольня» есть такая в гранитной скале. Там 2 тоннеля и они вырыты, я не знаю, что там было. В одном нас накрыло. Находилась наша позиция, точнее, дислоцирование нашего подразделения, а сама позиция на этой скалистой местности. Там окоп был выдолблен в граните, «гнездо» оно называлось. И мы заступали туда тоже. Как дозорный пункт был, туда заступали и по идее оно доста-

точно отдаленное от нашего места постоянной дислокации. То есть, каждый день туда-сюда ездить нет возможности.

Вот мы заезжали на неделю и заходили, ставили дозор. Помогали подразделению «Збройних сил України», они тоже недалеко от нас находились. Мы закрывали зазоры в линии обороны.

А питання в этот момент?

Мы подвозили с собой. В этой «штольне», там тоже ж буржуйка. Консервы, чай закипятить, могли разогреть мясо. Но в основном ели сухпаи.

В основном [по нам] артиллерия работала. Постоянно по нам артиллерия отстреливала. Стрелкового боя не было, потому что там ландшафт — достаточно пологий спуск и на спуске речка находится, то есть искусственная преграда. Зимой конечно было немного опасней, потому что она во льду, замерзшая была. Были даже попытки, когда пытались «ДРГ-шки» пробраться, но не было какого-то такого противостояния. В основном артиллерия работала. То есть, это одна позиция была, достаточно редко мы туда ездили. А потом же ж Широкино. Тоже туда заезжали на 5-6 дней.

Мы как «окремий загін спеціального призначення» приєднані до частини 3057 нацгвардійської. [Було] відношення до неї і вони [командування] визначали, наскільки [потрібно виїзжати]. Навіть не те, що вони визначали, у нас була домовленість з іншими «добробатами», що 5 днів стоїмо ми, 5 днів заїзжає «Донбас», 5 — ми, потім знову «Донбас». Також частина Нацгвардії,

они чуть-чуть дальше стояли там: блокпосты и так далее, и так далее.

Какие взаимоотношения [были] с тем же «Донбассом»? Другие части [Нацгвардии] — это ж, по сути, ВВшники⁵⁶, которые были за режим [В. Януковича] перед этим. Какие взаимоотношения?

Мы общались с теми, кто на «передке». Вот кто был на «передке», я могу сказать, отношения были теплые, хорошие. Опять-таки, мы когда заезжали своим коллективом, то есть своим подразделением. «Азов» заехал, а все остальные уезжают на свою ротацию. Мы с ними, как бы и не особо жили, и не находились. Но когда мы уезжали или мы приезжали, всегда друг другу пытались оставить те же боекомплекты, патроны. Рассказали: «Парни, вот смотрите, вот там, возможно, мы наблюдаем уже третий день, там какое-то перемещение, там смотрите». То есть, там нормальные были отношения и с рядовым составом никаких конфликтов, ничего такого не было.

Что касается ВВшников, они находились на блокпостах в основном. И тоже мы с ними сильно не пересекались, но с рядовым составом никаких конфликтов. Мы едем, парни нам, те же нацгвардейцы: «Мужики, что там?», — говорят. «Нормально» или «Потеряли пацана своего». Нормально относились, то есть друг друга поддерживали.

⁵⁶ Внутрішні війська Міністерства внутрішніх справ України (ВВ) — спеціальні військові підрозділи з правоохоронними функціями. Активно використовувалися під час Євромайдану для боротьби з масовими протестами. У березні 2014 р. перетворені на Національну гвардію України.

Проблемы были в «керівном складє», вот там — да. Не всегда, в «керівном складє», в плане командиров части. Я знаю, что у нас тоже были не сильно теплые взаимоотношения с предыдущим. Сейчас другой человек — командир части, до него был, который открыто выражал, саботировал или давал приказы, которые на разрушение, деструктив для нас оказывались. Поэтому были такие моменты там тоже. Территория, которая в зоне боевых действий, она ж по секторам делится, да? По сектору «М» «керівник» тоже не сильно лояльно к нам относился, вот в таких моментах были проблемы, можно так сказать. А в рядовом плане все пацаны, которые там находились, все они знали, что они делают и с какой целью.

А кроме Нацгвардии, возле вас какие еще части, соединения находились?

В Мариуполе 3057, нацгвардейская [часть]. У нас, получается, 3 базы: на Мариуполе, на Урзуфе, на Юрьевке, как вариант. И плюс еще находилось, потом уже ближе к весне — к лету 2015-го, одно из подразделений ДУКа переехало, рядом с нами. В самом Мариуполе, я даже не знаю, там нет дислокации никакой, только вот 3057 и уже в Широкино потом, когда морпехи зашли.

Если сравнить уровень подготовки, по экипировке, например, «Азов» и ДУК?

Я рассказывал за ДУК. Парень, который в балаклаве приехал с гранатометом. Я не знаю, по-моему, у них все плохо было с этим. Я не хочу сказать, что «Азов» там лучше, да. Парни, которые в «Пра-

вом секторе» — в ДУКе, в «Донбассе» и в «Азове» и даже в части 3057 или в «Збройних силах України», которые действительно принимали участие в боевых противостояниях. Я могу сказать, они сделали свой выбор, они одинаковые, то есть нельзя сказать: этот лучше, этот хуже. Но факт того, что у нас более профессиональный подход был к обеспечению, например, к командованию — это я могу вам открыто, могу сказать.

То есть, если действительно, нас муштровали, да. Не тем, что ходить и честь отдавать правильно, вот у нас не было понятия честь отдавать. Я даже честно не разбираюсь в званиях, сколько звездочек, не знаю, потому что у нас никто в погонах не ходил. Зато у нас оттачивали, на постоянных тренировках на полигонах именно тактику, поведение во время боевых, какие-то вот такие действия. И учения проходили на уровне взвода, отделения, на уровне роты уже. То есть, пытались проводить уже какие-то полномасштабные [учения].

Это уже тренировки во время боев?

У меня, например, и у парней не возникало никаких сложностей использовать вооружение. Не только стрелковое, а и какое-то уже специальное, специализацию какую-то уже получать. За то время я вообще, после «УШЧ» (ударно-штурмовая «чота»). Нас уже переформатировали, мы новым костяком вошли в третью роту, там тоже были свои какие-то проблемы. Третьей роте как раз подписали приказ, очень много ребят уволились. Это была осень, ближе к зиме, еще до Широкинской опера-

ции. Это по-моему, первые полгода. Вспомнил: мы переходили с МВД в Нацгвардию, и только начали подписывать приказ, не приказ, а контракт. Много ребят (не то что много — часть ребят) не захотела подписывать контракт, потому что там была формулировка: «До закінчення особливого періоду». То есть, не на год, не на три, не на сколько, а «когда закончится, закончится». И некоторые из ребят просто сказали: «Мы не хотим контракт».

То есть, они ушли, да?

Да, они ушли. Кто-то перевелся в [другое] подразделение. Были ж еще, оставались «добробаты», которые официально не имели отношения ни к кому и, к сожалению, они сейчас преследуются. И нету сейчас понятия «добробат», сейчас кто-то либо в ЗСУ, либо в НГУ.

А вообще АТО прошло людей сколько?

Я могу сказать, что люди, как и уходили, не то, что в большом количестве, но, если б собрать всех, наверное, кто за все время воевал и кто в данный момент остался, то в раза 2 было больше нас, если всех собрать. Потому что, опять-таки, идет, уже заканчивается процесс превращения в профессиональное подразделение. И соответственно, уровень повышается, не все выдерживают какие-то нагрузки и не все действительно хотят быть профессиональными военными.

Очень много парней, которые изначально пришли просто из-за желания защитить свой дом, защитить свою страну. Когда нас вывели, было несколько волн. Первая — то, что подписывали

контракты. Много было в тот момент тех, которые принимали участие в революции и отношение к НГУ было, мягко говоря, не самое доверчивое. Много считало, что, будучи частью системы, мы превратимся в систему и станем такими же «ВВ-шниками».

Потом была волна, когда нас вывели с «передка». Много парней ушло от того, что мы хотим воевать, а нас ставят в Мариуполе охранять мосты, например. От этого был отток, но все-таки люди остались и сейчас полторы тысячи полк «Азов» насчитывает.

Перед этим Вы говорили о этих как раз ротациях. А вот весной уже 2015 года, когда основная часть боевых действий прошла после Широкинской операции, чем занимались? Просто наблюдение, перестрелки или что-то другое было?

Нас вывели примерно в июле из Широкино. В тот момент у нас было такое понятие «громадська організація», уже была создана как «Цивільний корпус "Азов"». И как раз у меня тоже так совпало, что когда нас вывели из Широкино, я с командованием своим, мы знали... На одной из ротаций был в Запорожье, видел, что «Цивільний корпус» уже создан. У нас в Запорожье ребята были слишком молодые, которые им занимались. И это было, я не могу сказать, что организация, просто объединение. Даже хороших молодых ребят, просто которые там помогают «волонтеркой». Я вернулся на базу к командиру. У нас еще ж помимо своих командиров подразделений была работа, есть такое слово «замполит». У нас это называется «охоронна служба».

То есть, она занимается идеологическим, не то что воспитанием, а вот... Есть разные люди, которые попадают к нам в подразделение, и мы объясняем свою философию, жизненную позицию украинского национализма. Мы объясняем, почему называемся украинскими националистами. И вот я тогда занялся этой службой.

Я был в Запорожье, видел, что «ЦК» — есть такое понятие. Как-то оно вообще кисленько, вяленько... Мне говорят: «Слушай, раз ты вопрос задал, так давай, мы будем запускать направление. Давай ты займешься Запорожьем». Я так подумал — тем более нас вывели из Широкино, военным опять-таки, я не хотел никогда, понимал, что уже все-таки на профессиональный уровень будем выходить, либо уже до конца быть военным. Но тут есть вариант заняться такой деятельностью, которая мне все-таки ближе.

Принял решение сюда в Запорожье перевестись. Мне сложно говорить, чем полк там занимался, потому что я другими делами занимался. А ребята, помимо того, что дозоры, войны полноценной уже не было, боевых действий. У нас есть подразделения, которые все-таки принимают боевые [задания], получают разнарядки. То есть, выезжают, но это узкоспециализированная, снайперская и так далее [работа]. Участвуют в боевых действиях, а основная масса, пехота — они [проходят] учения, полигоны постоянно. Полигоны, учения...

Показывали сюжеты в основном российские, «сепарские» — «зачистка Мариуполя». То есть,

было такое, что проводили по частному сектору обыски?

У нас?

Да, «Азов».

Опять-таки, по городу уже существовала милиция на тот момент и те же «нацгвардейцы». Я помню, нас наоборот, очень жестко, были моменты, когда... База ж находится в городе, там же рядом магазины, ну все-таки город. Было у нас: пошли на 2-3 часа в город развеяться чуть-чуть, «Кока-колы» попить, мороженое съесть. Лето-весна было время, когда нас очень жестко ВСП-шники [преследовали] за то, что мы с автоматом выходили просто в город, что мы людей пугаем. Поэтому, какие-то зачистки — это все бред. К тому же, там все службы, СБУ, они функционировали в этом городе. Поэтому, если б кто-то и занимался, то явно б не мы, потому, что у нас все-таки задача была не в городе. Конечно, да, были моменты, когда там обращались спецслужбы, проверить возможно кого-то, но опять-таки это занимались не линейные подразделения, не «УШЧ», не штурмовые. Наша задача была на линии фронта. Я знаю, что там по телевизору много чего показывают такого...

А вот еще вопрос: когда боевые действия, потери, что с ребятами тогда? Их отправляли сразу домой, когда погибли, или в морг? Процедура вся эта...

У нас когда кто-то погибал, понятно, что [есть] какие-то процедуры, связанные с вскрытием. Это все проводится непосредственно на месте, в Мариу-

поле. Там проводять оформлення і відповідально після виконання всіх цих процедур було прийнято рішення, що кожен із погибших бійців повинен похований бути на своїй рідній землі. То є, всі тіла відправлялись до рідних, щоб там церемонію можна було провести поховання, поховати нормально, по-людськи.

Але у нас була така традиція: ми з кождим нашим погибшим побратимом прощались на базі. Якщо когось-то втрачали, ми збирали повністю особистий склад, привозили нам нашого побратима. Якщо, не сильно багато там пошкоджень — відкритий гроб, якщо взагалі все погано — закритий гроб, але ставили портрет. Ми, наші командири, «промову» говорили, проносили, ми салютували (було 5-7 чоловік з автоматами, давали чергу по команді). І ми — кождий чоловік проходив і свою [виражав] «пошану». То є ми, свою «пошану» нашому побратиму проявляли, а потім відправляли наші побратими ж, хто з погибшим чоловіком був в нормальних відносинах, відвозив тіло в місто, в якому жив цей чоловік. Іноді сім'я приїжджала до нас на базу забирали, то є в такому плані.

І у нас же є зараз церемонія — навпроти бази на Урзуфі встановлено 3 мечі в курган. Було зроблено курган, 3 мечі і регулярно проходять такі заходи — вшануємо всіх погибших наших побратимів, вшанується особистий склад. Буквально недавно було, запросили нас як «Громадянський корпус» на цю церемонію.

У нас же ж тоже такое отношение к вероисповеданию немножко... У каждого по-разному: есть и православные ребята, но есть ребята, которые «рідновіри» — приверженцы языческих культов и обрядов; есть, кто там скандинавской мифологией увлекался. И есть такое понятие, как «Вальхалла». Были люди, еще раз повторюсь, которые и в православие, христианство верили, но как-то в основном ребята верили, что если они падают в бою с мечом, они отправляются в Вальхаллу, где пиршествуют, сражаются, такая была вера у наших парней. И поэтому мы используем такую мистерию для того, чтобы вспомнить наших парней. И ну вот на последней были, ну вот сколько нас, около 30-ти погибших за все время. У нас на самом деле не сильно много [потерь], но это и хорошо, что не сильно большое количество погибших.

Поднимался щит, на котором был написан позывной человека, который погиб в бою и назывался этот позывной. Говорилось, что он в строю, и мы отдавали честь нашему погибшему. То есть, мы говорим о том, что мы помним, они с нами в строю, даже если не физически, то ментально.

К погибшим врагам какое отношение?

Та никакое, не было [как] такого. Я ж человек, я, не знаю, как назвать, у меня нету прям ненависти, ничего там такого. Я к ним отношусь, как просто, как к серой какой-то массе, да, то есть, у меня поэтому и отношение такое. У меня, например, нет ненависти. Хотя эмоции разные бывают, да, но я просто понимаю, что это тоже люди, про-

сто их наверное одурманили, может их воспитали неправильно или их обманули. Я просто знаю, что они и мы — враги, и я просто к ним отношусь как к врагу. То, что, как я к ним отношусь, — это немного другое. Надо все-таки относиться человечно, к кому б ни было, потому что, если мы будем опускаться на их уровень, чем мы будем лучше от них или животных? Мы ж все-таки говорим, что мы за все хорошее, так давайте все-таки мы будем с уважением относиться даже к врагу. Не к его идеям, а вот именно чисто [к человеку].

У меня чисто такое мнение, что я больше бы, например, не то, чтобы уважения, но не уважения, а я все-таки больше могу сказать, что... Просто есть такая фраза: «Во времена, когда стоят серьезные вопросы, самым последним мерзавцем остается тот, кто не принял ни одну из сторон». То есть, если я понимаю, что он другой, как бы сказать, у него другое, там, мировоззрение, он все-таки приверженец той «Новороссии», но я к нему, я его точно так же буду стараться уничтожить, но у меня к нему не будет злости. У меня будет злость к тем людям, которые [говорят]: «Мне там все равно, что "ДНР", что "ЛНР", что Украина». Потому что тут человек, он хотя бы готов собой жертвовать ради своей идеи, если он действительно в нее верит (если не за деньги, конечно). [Он лучше], чем тот человек, который остается равнодушный, говорит: «Та мне вообще все равно». Вот так вот.

А потом с этими телами, их передавали куда-то?

Ну да, были обмены. Были обмены трупов. Были моменты, когда на своих меняли, были моменты,

когда обменивали на [тела из] других подразделений, «ЗСУшников». У нас же ж и пленные тоже были «ДНР-овцы», мы их меняли на украинских военных.

А в плен как брали?

Пленных, которых я видел, у нас не сильно много их было. Они были ещё при освобождении Мариуполя захвачены в плен, полгода находились в плену. Тоже отношение к ним было нормальным: никто их не бил, не издевался, это, в основном, из-за позиции командиров, очень жёстким было пресечение, если ты к пленному плохо относишься.

Какова была их реакция, когда они увидели, что попали в плен к «АЗОВцам»?

Когда я их увидел, они сидели там уже около трёх месяцев. Когда еду приносили, «казали» «дякую», хотя разговаривали на русском.

Кавказцев и россиян не было?

У нас не было, хотя с ними сталкивались в бою и они несли потери физические. Сложно идентифицировать их национальность. Они понесли потери, мы не идём их трупы собирать. Это, если были как Павлополе два человека, мы их спокойно забрали. А там они эвакуируют своих, а потом мы сводки смотрим или те же видео, они сами снимают и видно кто там воюет, что они не совсем славянской внешности хлопцы.

С полка парни попадали в плен?

У нас один парень, «Севастополь» позывной. Попадал ещё при освобождении Мариуполя парень, его позывной «Ядро», про него фильм даже недавно

сняли⁵⁷. Он из Мариуполя, в плен попал, ему там голову отрезали, достаточно жёстко с ним поступили. «Севастополь», его как взяли в плен, до сих пор нигде не объявляли ничего и есть информация, что он живой, находится в России. Но не факт. Информация очень сложно добывается, но есть информация что он до сих пор живой. Вот такие примеры есть, двоих.

А известно ли применение пыток к украинцам со стороны «ДНР»: может, на телах или кто-то рассказывал?

У одного из парней наших, которого мы эвакуировали, но он уже умер, у него уши были срезаны, наверное использовали как трофей. По пыткам... Наши не попадались, только двое, может, над «Севастополем» поиздевались, «Ядру» голову отрезали. Мы даже не думали насчёт плена, потому что у нас всегда была граната, мы знали, что если близится к тому, что нас в плен возьмут, лучше подорваться и кого-то с собой забрать, чем оставаться и попасть в плен.

А были такие случаи, когда видно, что самоподорыв был или только в бою погибли?

Мне так сложно сказать. Я бы мог это сказать, если бы я во всех случаях был и видел, как кто погибает. Этой информации мало. Вот погиб парень, мы же не будем спрашивать, а как? Есть официальная информация — «Подорвался на mine, на растяжке». Я же не могу знать, насколько действительно там растяжка была.

⁵⁷ Детальніше про сержанта Миколу Самофалова див.: <http://memorybook.org.ua/21/samofalov.htm>

С ранеными какая была процедура эвакуации, куда? В Мариуполь? У Вас была своя база, лечение, что-то такое?

Своей базы не было, у нас была медслужба, которая эвакуировала людей с ранениями. Всё зависело от тяжести, если лёгкие какие-то повреждения — на месте пытались оказать помощь, если надо было — госпитализировали в Мариуполь, если действительно тяжёлые — с Мариуполя на вертолёте в Днепропетровск, в «Мечникова»⁵⁸. У нас один парень погиб: он [был] с ранением, на вертолёте поднялись в воздух, там давление подскочило и сердце не выдержало.

А есть какая-то система обеспечения тех, которые были ранены, — какая-то пенсия, или только от государства?

Мы же как «Цивильный корпус»... Изначально это и была [наша] задача — обеспечивать поддержку раненым. У нас областная больница запорожская, туда поступают и до сих пор, в основном, ЗСУ-шники и нацгвардейцы, наших поменьше, конечно, потому что боевых таких нет, но у нас на лечении здесь находились и только наши, в основном девочки. Элементарно поесть приготовить, домашней еды принести, проконтролировать процесс лечения — такими вопросами занимались и до сих пор это делают. Оказываем какую-то поддержку, а по социальным моментам основная задача была проконтролировать, чтоб государство

⁵⁸ Обласна клінічна лікарня ім. Мечникова (Дніпро). Спеціалізується на лікуванні важкопоранених учасників російсько-української війни.

выделяло по закону соответствующие льготы или финансовое обеспечение. У нас было внутреннее обеспечение, если касалось того, что парни понесли какие-то увечья и надо ампутацию делать, теряли конечности — то за счёт батальона-полка проводились операции. Есть у нас парень, он ногу потерял, ему наши финансы, волонтеры помогли найти протез, он сейчас ходит с протезом нормально. Качественный, дорогой протез поставили, то есть «напризволяще» не кидали.

В самом полку женщины вообще служат? На каких «посадах»?

Женщины и девушки есть, но есть правило, что женщины и девушки не будут с оружием в руках «на передке бегать». Понятно, им оружие тоже

«Марш патріотів», організований Цивільним корпусом «Азов» (м. Запоріжжя, 23 серпня 2015 року). Фото з офіційної сторінки «Цивільний корпус Азов Запоріжжя»

давалось для защиты, но девушек не было в боевом подразделении. Медики были, пресс-служба были. В основном, пресс-служба, фотографы, штаб, медслужба — там были девушки. А вот в боевых подразделениях — это наша такая позиция: мужчина должен воевать, женщина должна более вещами «цивильными» заниматься.

Медики на «передке» только мужчины, получается? Или, как там, санитарная служба?

Мы же все-таки стремимся к НАТОвским стандартам. Безусловно, есть медслужба, но подразделение должно состоять... В каждом подразделении должен каждый боец знать азы по медицине, чтобы оказать прежде всего себе помощь или своему раненому товарищу. В каждом отделении есть штатный медик, который относится к своему подразделению. Его задача, не то чтобы он несёт ответственность, он просто за ним закреплён. Есть служба, которая «медична служба». В бою же как — всё поделено на три зоны: красная, жёлтая и зелёная. Красная — это где ведётся бой и ты должен только вытащить своего товарища, жгут ему можно только наложить и всё, вытащить в жёлтую, где уже можно оказать какую-то помощь. А в зелёной передать на госпитализацию. Так вот, в красной и жёлтой [зонах] в основном действуют медики, которые непосредственно в боевом своём подразделении оказывают помощь. Понятно, что вытаскивают [по принципу] «кто успел, тот и вытащил». А помощь оказывают из подразделений медики, потом уже передаётся в «медичну службу», которая оказывает какую-то

свою уже более квалифицированную, профессиональную [помощь] и его передаёт уже в больницу к врачам, к хирургам при необходимости. Поэтому там, где боевые действия, в основном, это парни, которые в подразделениях.

Тыловое обеспечение — это большая служба, небольшая? Есть там готовят, да? Стирают, всё остальное? Женщины тоже есть?

В основном да. Там женщины-тыловики. Это тоже достаточно большая [часть]. Есть склады с продовольствием, с «озброєнням», амуницией, есть столовые. У нас кто в столовых готовит кушать — это уже «наймані працівники». Есть девочки, есть и парни-повара. Это повара, которые оформлены в Нацгвардии как повар, по профессии своей работают.

Идеологический сектор — он нужен вообще, лекции там и всё остальное?

Я думаю, да. Смотря что они рассказывают. Если замполит — это как в постсоветском таком понимании, я не знаю зачем они. Я же в армии не был, честно, мне сложно сказать. Если замполит заставляет просто учить и зазубривать устав, то это я считаю бесполезно. А если мы ведём речь о том, что мы все-таки пошли на войну не просто так, потому что нам нравится побегать с оружием в руках или забрать у кого-то чью-то жизнь, а все-таки мы выходим за какие-то идеи, то мы должны понимать за какие именно идеи мы выходим. Если кто-то не понимает или понимает, но не совсем, то он и задаёт вопросы, на которые нужно отвечать.

Для этого проводились у нас те же лекции, «обговорення». Мы собрались, решили провести обсуждение вопроса. Там, увидели — Дональд Трамп стал президентом. Мы собрались и подискутировали, насколько это вообще для нас полезно, бесполезно, может, лучше бы по-другому как-то случилось это в таком плане.

Печатные публикации — «Чорне сонце»⁵⁹ — какого плана? Там может каждый написать?

У нас «Чорне сонце» было и сейчас есть. Изначально было вообще как «часопис» — это описание тех событий, которые видит издатель. Если это речь идёт о каких-то описаниях событий, [издатель] собирает эту информацию у людей, которые стали очевидцами. То есть, вообще «Чорне сонце» — он просто военный «часопис» и там идёт информация, связанная с полком. Там нет, в основном, информации о какой-то общественной деятельности, «політичні партії» наши. Это чисто по военной сфере идёт и пишут люди, которые, если он может изложить свою мысль, написать статью, этот человек «друкується». Если он не может, а действительно стал свидетелем [важного] события, тогда редактора с ним общаются и пишут свою статью. Возможно, какая-то аналитика приводится, сравнение, вооружение. Насколько помню, там описывается [например] вооружение, которое используется в Америке: «Джавелины», например, а у нас используется 1972-го года РПГ-7 и идёт сравнение просто. Чем мы воюем, как наши деды, в то время

⁵⁹ «Чорне сонце» — фронтовий часопис полку «Азов». Видається з 14 жовтня 2014 р.

как есть уже на три-четыре поколения вооружение в превосходстве.

В «Азове» вооружение стандартное или можно закупить партию «М-16», чего там ещё?

У нас закупить вряд ли получится, потому что мы все-таки в рядах НГУ и то, что нам дают, тем и воюем. У меня сначала помповое [ружье] было и эти ж «Форты» тоже на вооружении Нацгвардии. «Булпапы» — это последние, «Форт 221» — это переделка израильского. Это, по моему, винницкий завод, он производит оружие по лицензии израильской фирмы, которая купила эту лицензию когда-то у Украины, которая была разработана в 90-х годах. То есть, смешно: на самом деле, последние «булпапы» — это тот же автомат Калашникова, только у него затворный механизм перенесён в приклад. Длина ствола остаётся такой же, баллистика сохраняется, но он по размеру меньше, потому что сам приклад автомата выкидывается, всё сдвигается в приклад и там находится ударник. Грубо говоря, но это тот же самый автомат Калашникова. Просто вот эта вся часть переставлена назад. Достаточно нас обеспечивает и вот на параде в Киеве нацгвардейцы как раз шли с «булпапами». Больше, конечно, такая показуха, потому что у нас все-таки автоматы Калашникова 5.45 и 7.62. Они в преимуществе в подразделениях, потому что все-таки в подразделениях патронов на эти калибры много пооставалось. У нас очень много и «булпапов», которые использовались. Изначально они дали «булпап» 221 автомат. Есть еще пулемет, тоже «Форт». Это переделка того

же израильского «Негев». У меня тоже пулемёт был. На них идёт патрон натовского образца 5.56. В стране у нас этих патронов вообще не производится, они их с Чехии откуда-то там везут. У нас на базе их было тысячи две всего на всех. Это при том, что было два пулемёта и было несколько «булпапов». Оружие, а патроны в них не впишнёшь ни 7.62, ни 5 .45. Это сейчас уже последнее время начали выпускать «булпапы» на 5.45. А так, в основном, автомат Калашникова: у кого [19]67-го года, у кого какого.

Чего больше не хватает в плане вооружения?

Не хватает высокоточного оружия. Вот «Джавелинов» было бы получше. Есть противотанковые ПТУРЫ, да? И вот они второго поколения, у них управление с помощью: вылетает ракета и ты в прицел крутишь ручку «высота» вниз-вверх, а вторая ручка право-лево и они управляются проволокой, которая присоединена к этому снаряду, а в обратную сторону — к установке, и ты сидишь и смотришь. Сейчас [техника ушла] далеко [от] второго поколения. Ты можешь выпустить боеприпас, уже уйти попить кофе, он сам прилетит, стопроцентное поражение будет. Притом, что у РПГ-7 коэффициент уничтожения техники 0.3. Это три раза нужно стрельнуть, чтобы уничтожить БТР или подобное что-то. У «Джавелинов» коэффициент 0.96. То есть, это почти каждый выстрел. На сто выстрелов 96 уничтожений. Самое интересное, что и в Украине есть уже разработки и давно. У нас тоже есть ПТУР. Единственное [отличие], что «Джа-

велин» — это переносное, на плечо кинул и стреляешь, а там все-таки с установки. БТР-4 (харьковский завод) все по телеканалам показали. 4-е есть БТРы. В итоге, нам присылают БТР-3. Там отличие в модуле, он может сам вести огонь [в БТР-4] (сидит оператор внутри машины и уже работает). А нам прислали БТР — человек должен вылезти в полный рост, взяться за «Утёс», начать стрелять.

Танки наши показывали на Youtube-канале, в «Азове» танковое подразделение...

«Холодный яр».

В реальности они большое значение имеют?

Танки?

Да.

Конечно имеют. Мы просто даже как-то с парнями шутили, что у нас такая какая-то война: два племени «тумба-юмба» бегают по окопам стреляют и автоматами «шпулькаются». Это бессмысленно, когда может прилететь один снаряд или один танк стрельнуть и уничтожить целый взвод. Нужно усовершенствовать технику. Есть просто действительно пример. Если брать Америку (хотя тоже есть скептицизм по их всем моментам внешней и внутренней политики), но как армию мы берём их за пример. Был в Африке или в какой-то арабской стране, я так не помню, один из лидеров повстанческого движения. В Америке с полигона вылетел беспилотник, долетел до Африки на самоуправлении, по видеонаблюдению зафиксировал, сверил этого человека, опознал его лицо, идентифицировал, сделал запрос можно ли уничтожить, ему под-

твердили запрос, он уничтожил, ещё раз пролетел, зафиксировал то, что уничтожено, вернулся на базу и сел. А мы бегаем с автоматами и стреляем. Это и показывает отношение власти к своему народу. Лучше, мне кажется, потратить миллион гривен или долларов и сломается у тебя твой беспилотник, чем ты отправишь сто человек, половина из которых не вернётся.

Сто человек дешевле.

Это дешевле, но это показывает отношение, кому что дороже.

Отношение к людям. Со стороны Вы смотрите и говорите: «В "Азове" лучше, по сравнению с ЗСУ». Что-то поменялось за время войны или то же самое отношение офицеров к солдатам?

Раньше у нас всё строилось на побратимстве. Была иерархия, но она больше была чёткая дисциплина и если командир взвода — его слушали. Есть чёткое подчинение, «підпорядкування». Но были моменты, когда реально «хреновый» командир, ничего не мешало его взять и «висунути недовіру» и сказать: «Парень, ты реально не справляешься». Если нужно, с командованием более высоким этот момент реально решить. А не так, что скажут «Это же мой кум, поэтому все слушайте его и вообще сейчас на гауптвахту пойдёте!». И сейчас такое [побратимское] отношение, но мы понимали, что рано или поздно нужно приходиться к профессиональному отношению. Была запущена сержантская школа, на которой отобрали самых лучших парней, которые в подразделениях были. Отправили на обу-

чение, они три месяца прошли обучение. Так же само офицеров подготовили и сейчас кто остался на мобилизационном — рекрутов новых готовить, кто отправился уже конкретно в подразделения боевые. Вот философия того, что НАТОвский стандарт. На поле боя командиром является все-таки офицер и строится сама философия войны на месте человека, офицера, командира прямого. Он может принять решение, власть ему принадлежит, а не генералу, который сидит в своём кабинете. Это больше стратег, но он... Знаете, как раньше было? Открывают карту, говорят: «Вот так пройти прямо!», нарисовали и все — идут через болота. И все идут. Половина не доходит. Поэтому основное звено — это все-таки сержант. И пошли от того момента, что нужно все-таки сержантов и офицеров подготовить, потом рядовой состав, потом уже выстраивать какую-то более глобальную систему.

По Вашим внутренним ощущениям, «Азов», тот же самый, в будущем он может стать основой для армии?

Ну да.

Будут изменения или два «тумба-юмба» будут продолжать: «ДНР», «ЛНР» + Россия, а мы с этой стороны? И вообще Ваш личный прогноз?

Я сейчас разберу этот вопрос в плане того, [что] уже сейчас видно, что уровень растёт. «Азов» внедрил школу сержантскую и там передовой, я считаю и аналитики подтверждают, что «Азов» передовым является подразделением. Но так же и растёт уровень других частей (тоже 3057 или обычные

нацгвардейские), которые смотрят и тоже пытаются. Тянутся к этому очень много парней спецподразделений, которые очень высококвалифицированные и с которыми пересекались в боевых действиях. Я считаю, что уровень уже вырос на несколько десятков раз, но проблема в том, что нет системного подхода. То есть, там, где есть такие подразделения, с которых нужно брать пример, — они немногочисленные и это больше как исключение. Как правило, это больше, опять-таки, маломотивированные, малообученные подразделения, которые не совсем готовы к бою. И это начинается с момента мобилизации. Прихода в ряды (у нас же нету мобилизации уже якобы), но есть очень много, как бы моментов. Взять человека на контракт, который не хочет идти в армию: либо у него нету денег и он идёт за зарплатой, либо какие-то другие моменты, либо его заставили. Самое важное — это подход. Я выражу своё мнение: главнокомандующий и командование должно верить своим бойцам, они должны верить. Не то, что придет НАТО или придет еще кто-то. У нас достаточное количество и людей, и желания для того, чтобы хоть сейчас пойти в наступление. Понятно, потерять и силы, и много людей, но по крайней мере взять и завершить то, что мы начали, что уже год идет. Нет вот этого желания и веры в нас.

Все-таки ощущение того, к чему ведет [развитие событий]? Будет Приднестровье? Через 20 лет?

Я уже не верю в эту власть. На самом деле не то, чтобы уже не верю. Да, были выборы после

революции на самом деле, было четкое понимание, что команда, которая пришла к власти, — не та команда, нужная нашей стране. Потому я верю в свои силы, верю в силы тех людей, которые идут со мной. Мы общественной деятельностью занимались, мы поняли, что быть просто хорошим парнем, который помогает просто убрать снег на улице «сепаратисту» или же пособнику, — этого мало. Нужно менять систему. К сожалению, за 25 лет она четко показала, что и как вообще эта система работает.

Мы партию политическую создали «Национальный корпус» с командиром... Точнее не с командиром, это же военная терминология, с «керівником» Андреем Билецким, который был командиром полка. Теперь «керівник» партии. У нас в планах мы видим только одно: то, что те люди, которые были, которые защищали не только себя, но и страну на фронте, — только они смогут кардинально поменять что-то в нашей стране. Потому мы с таким вот и идем, с надеждой на то, что в нас поверят все-таки. А мы сможем оправдать их ожидания и не спаскудиться, как спаскудились те, что сейчас во власти.

Сейчас какая задача, все-таки задача то, что у нас не оккупировано, хотя бы это сохранить. На самом деле у нас, в нашей стране, очень много людей, которые мотивированы были в определенное время, готовы были даже жертвовать собой. Это то, что нет у противника. Я не думаю, что если будет какая-то полноценная масштабная война, что рос-

сияне активно поддержат и будут настолько готовы умереть за режим Путина. Я уверен, что мотивации нет такой. Были вот случаи в истории. СССР и Финляндия, в 10 раз меньше. Они [финны] зато с идеей, национальной своей идеей, смогли отстоять свое право на существование. У нас Украина Финляндию по количеству и территории в разы превосходит. Основная задача — сплотить наше население. Очень много примеров в истории. Те же спартанцы. 300 спартанцев против 10-тысячной армии противника. Количество? Пусть хоть 10 миллионов будет этих «орков», главное, чтобы мы были уверены в своих силах и могли сплотить людей вокруг какой-то идеи. Не просто идеей «вступить в Евросоюз» или идеей «доллар к восьми» сплотить. Именно национальной идеей. Мы понимаем, кто мы, у нас был символ «идея нации» — это «кровно-духовна спільнота мертвих, живих і ненароджених». Исходя из этой мысли, мы можем сплотиться, потому что на этой земле жили наши предки. Это наша земля, мы здесь живем, потому мы делаем это, чтобы наши дети могли жить на свободной земле и спокойно.

А как Вы думаете, работает этот принцип к населению Донбасса? Реинтеграция возможна? Или лучше оставить этот фронт и это будет граница?

Я могу сказать, на самом деле очень много людей с Донецка, Луганска, которые уехали на неоккупированные земли, которые точно также хотят вернуться к себе домой... Это такой самый дом для тех людей, которые там остались. Я думаю, они уже

сами разочаровались и не верят в идею «Новороссии» или «братской России». Во-первых, если Россия такая «братская» была, она бы уже приняла к себе «ЛНР», «ДНР». Потому мне кажется, что там большой уровень разочарования и там же существует режим свой «Ты против — получи пулю в лоб». Понятно, нужно будет проводить определенную фильтрацию, не все враги, не все люди, которые там сепаратисты. Я считаю, однозначно нужно возвращать, ибо это наша земля. Столько же людей, которые просто уехали оттуда, но они готовы вернуться и строить все заново там.

«Знаете, если б из "Азова" не уходили люди, то "Азов" уже б дивизией, наверно б, стал. Хоть дивизий в Украине нет, но бригадой точно. Уже из тех, кто ушел, еще один "Азов" можно создать».

Ім'я: **Володимир**
Рік народження: **1994**
Статус: **солдат полку «Азов»**
Інтерв'ю записане
М. Павленком
28 березня 2016 р.
Поточний архів проекту.
Ф.29. Оп.1. Спр.36.

Как Вас зовут?

Меня зовут Владимир.

Год рождения?

94-й, 1994-й.

Расскажите, где Вы родились, немножко о детстве, о довоенной жизни, где учились?

Родился в «селищі міського типу» Кушугум. Там закончил школу, поступил на факультет туризма в «машинку»⁶⁰, потом ушел и пошел на исторический факультет в ЗНУ⁶¹. Поступил, проучился до второго курса, а на третьем уже ушел.

Почему решили стать именно историком?

Историком? Да всегда была интересна именно эта тема, опять же у меня отец учителем истории всю жизнь проработал в Кушугуме. Жил в этой всей атмосфере.

Можно сказать, это с детства?

Да, просто я не знаю, зачем я на туризм пошел, вовремя одумался.

⁶⁰ «Машинка» — Запорізький національний технічний університет.

⁶¹ ЗНУ — Запорізький національний університет.

На войну Вы пошли добровольно?

Да!

Какова мотивация, почему Вы приняли такой выбор?

Примерно с 2011 года я состоял в организации «Патриот Украины» и «Социал-национальной ассамблее». Мы всегда вели такую деятельность националистическую, «вышкольную». Когда началась война, «Патриот Украины» как раз таки сформировал тогда еще батальон «Азов». Я тогда не поехал в самом начале, по личным причинам, отец «палил»⁶², вот и тогда, уже когда отец умер, я сразу отправился.

Расскажите о деятельности «Патриота Украины» до войны, с того времени, когда принимаете участие в данной организации. Чем она занимается?

Я пришел уже когда таких особо репрессий не было. Буквально за полгода до моего прихода еще их «щемило»⁶³ СБУ, вся верхушка, весь командный состав «Патриота Украины» сидел в тюрьме. Все, кроме этого Олега Однороженко, его посадили чуть позже, но на пару месяцев, вот. Я пришел в запорожский «осередок», он насчитывал человек, ну может, 15 активного состава, могли собрать до сотни, до сотни ребят. Поначалу, в основном, это была деятельность пропагандистского характера, мы скидывались «денюжкой», печатали стикера, печатали агитационную литературу. В общем, был у нас станок печатный и мы печатали.

⁶² Слідкував.

⁶³ Переслідувало.

За свой счет?

Да, за свой счет. Сотрудничали с этим, с «Русским православным колом». Со Световидом Пашей⁶⁴, всякие акции организовывали в меру своих скромных сил. Они не были масштабными, мы просто присоединялись к каким-то националистическим маршам нашего города и прочему. Опять же свято Купала, ми там «як волонтерська охорона» выступаем. Ну и активно проводили вышколы: ножевой бой, тактика ведения боя, физическая подготовка тоже.

А «вышколы» проводили здесь или...?

На Хортице, в основном. Это отличное место, там и альпинизм был у нас, и штурмовой альпинизм.

Как Вы считаете, насколько это серьезная подготовка, на «вышколах»?

В принципе, неплохая, вот ножевой бой — я его хорошо, как бы, выучил в «ПУ», и вот сейчас у нас в «Азове» тоже есть занятия, мне легко там все дается. Альпинизм — тоже азы, мы мало занимались тогда с оружием, у нас не было тогда ни денег, ни оружия страйкбольного.

Если не секрет, кто занимается инструктажем: военные или...?

Сейчас в «Азове»?

Сейчас и до войны.

До войны каждый, что умел, то и передавал другим. То есть, у нас один раз мы приглашали, не помню, из какого города тоже ПУ-шника, он нас тоже «рукопашке» учил. А так, че там видео на

⁶⁴ Світовид Пашник — Верховний Волхв «Руського Православного Кола», лідер запорізьких рідновірів.

«ютубе» посмотрели: вот так вот узел завязывать в альпинизме, оп — завязали, спустились.

А потом уже отработывали все?

Да! Каждый куда ходил, на какую секцию, тот потом передавал свой опыт. А в «Азове» там полно иностранных инструкторов: те же шведы, те же грузины для подготовки.

То есть, там уже нормальных поставили?

Да, на высоком уровне.

Скажите, такой еще вопрос, какова цель? Почему Вы вступили в «Патриот Украины» еще до войны?

Я, в принципе, придерживался националистических взглядов, а это была самая такая радикальная организация на то время.

А ребята все местные в «ПУ»?

Да, конечно, в основном все из Запорожья, и с области тоже есть пару человек.

И тоже русскоязычные?

Нет, где-то половина была украиноязычной.

А каких-то ущемлений в сторону русскоязычных нет? Вот Вы говорите спокойно по-русски?

Нет, конечно, что Вы!

Каких-то высказываний в сторону, не было такого?

Нет!

Как Вы считаете, какова поддержка местного населения организаций типа «Патриот Украины»?

Тогда? Просто сейчас нет «Патриота Украины».

Тогда, на то время.

«Патриот Украины» был такой, ну, не сказать, чтоб оригинальный, но нас было очень мало, у нас

не было ресурсов. Люди о нас не знали, а простой обыватель увидит стикер с «идеей нации», ниче не поймет. Даже не знаю, люди о нас просто не знали. Если б, конечно, мы проводили более активную пропагандистскую деятельность, может, тогда б как-то по другому. В меру своих сил все делали.

Сейчас «Патриота Украины» нет, да? Он влился...

Основа «Патриот Украины» и стала костяком для формирования «Азова». Кто остался на «гражданке», те занимались «громадською діяльністю» и уже потом переформатировался в «Цивільний корпус Азов».

А чем занимается «Цивільний корпус»?

В принципе, тем же, но, к сожалению, сейчас это больше популистская организация, чем праворадикальная. Туда набирают каких-то школьников, околоспортсменов. Не то, что «ПУ». Ну, хотя бы идейная, а остальные — работаем, работаем с людьми, но зато есть такая мощная и финансовая база и как сказать, правовая, мы юридически грамотные. Сейчас более масштабные марши проводятся, более там, а я не помню, че они там, более помогают тоже АТОшникам по юридическим вопросам, у нас есть юрист-девушка.

А в чем заключается помощь АТОшникам?

Правовая и че-то они там ходят, «домашні обіди для бійців АТО» в больницу нашу, которая на Космосе⁶⁵, носят. И еще там они как-то связаны с «Союз ветеранів АТО», но я не знаю, я не ветеран.

⁶⁵ Космос — Космічний мікрорайон міста Запоріжжя.

А по поводу финансовой базы, если можно об этом рассказать. Откуда поступает помощь, если можно об этом?

Скидуемся. Грубо говоря, добровольное пожертвование.

То есть, со своих средств?

Да, все со своих средств. Но, благо, своих средств у нас уже достаточно, мы получаем нацгвардейскую зарплату. Она нормальная.

Сейчас это полк или батальон?

Уже полк.

Расскажите, как он формировался?

Поначалу это был из харьковских ПУ-шников-солдат, этих «чорних чоловічків». Тогда был это «Черный корпус», там было до сотни человек. Вооружены автоматами, стволами старыми ментовскими, вот этими костюмами черными, броники там второго класса, каски тоже советские, покрашенные в черный цвет. То есть, на тот момент этого хватало, боевых действий не было. Просто были они [сепаратисты] на Донбасе: блокпосты всякие, так что было, в принципе, нетрудно с ними бороться. Уже когда пошла война, уже становление происходило полным ходом. Это был как батальон при Министерстве внутренних дел, уже появилось оружие. Понятное дело, волонтеры тогда очень-очень сильно помогали и сами своими средствами. Так сложилось, что «Патриот Украины» такой милитарной был организацией, у каждого свой запас был экипировки и прочего, броники дорогие были. С ходом войны развивались, набирали людей, была

создана тренировочная база «АТЕК». Это завод в Киеве, заброшенный завод. Там такая схема, как я понимаю, все владельцы завода — олигархи — искусственно объявили его банкротом и хотели его распилить. Там тонны... тонн металла очень много, это огромная территория и реально, если б все это работало, то много б пользы государству принесло, а сейчас это просто руина. Оно просто ржавеет, сталкерские пейзажи⁶⁶.

На этом заводе тренировочная база?

Была охрана завода и туда пришли ребята с автоматами наши. Прикольная такая ситуация

Шеврон «Чорного корпусу»

была: охрана закрылась в спортзале, у них тоже было вроде оружие. Пришел на переговоры [охранник], один из наших отстегивает флажок⁶⁷: «Смотрите, тут боевые патроны, с вами никто шутить не будет». Они все ушли и завод теперь наш и теперь мы судимся за него с этими «сепарами». Раньше от него была польза, а сейчас, когда затянулся курс молодого бойца...

⁶⁶ «Сталкер» — культовый радянський фільм режисера Андрія Тарковського та заснована на ньому серія комп'ютерних ігор про мандрівки в закинуту Зону.

⁶⁷ Мається на увазі магазин автомата Калашникова.

Из чего состоит КМБ?

Разбито все по неделям. Первая неделя — очень, очень, очень жесткая «физуха», на которой задания конкретно поставлены инструктором: отсеять, морально подавить этих рекрутов. То есть, они на них орут, они не то, что унижают, но давят и там ужасно тяжелые нагрузки.

А много людей отсеиваются?

Процентов 40. Ну это как сказать, я считаю, не очень правильный подход, потому что отсеиваются отличные ребята. Очень жалко: или травмируются, или просто не выдерживают. Там же построили эту полосу по типу натовских тренировочных баз и она довольно сложно проходится. Не то, что сложно, но

Тренування на заводі «АТЕК». Фото з офіційного сайту полку «Азов»

она опасная. Бревно скользкое — ты упал, сломал ногу.

И сколько недель проходит подготовка?

По-хорошему, она должна длиться — это неделя — очень жестко по «физухе» гоняют; вторая неделя, но и параллельно с этой «физухой» тактическая медицина, топография все вот эти занятия в лекционном зале. Вторая неделя — нас поздравляют с тем, что мы прошли первый этап, «физуха» уже вмняемая, адекватная, уже она идет на развитие, а не на убийство. Понятно, уже дают оружие разбирать туда-сюда, но не стреляют ничего, просто чтобы привыкали. Тактика, медицина — то само собой.

А какая там политическая и идеологическая подготовка?

Там ее нет, в полку — да. В «Азов» в большинстве случаев приходят уже таки подготовленные ребята идеологически, по крайней мере, так было раньше. Сейчас, конечно, с этим проблема. В «Азове» читаются лекции — все, как должно быть.

В АТО Вы пока еще не были, да?

Нет. Зона АТО — это вся Донецкая область, мы там базируемся, но в бою еще не участвую, к сожалению.

Каково процентное соотношение ребят с Западной Украины, с Восточной в полку?

Думаю, с Центра и с Востока процентов 70.

То есть, довольно много местных, именно восточных людей?

Да, с Запорожья очень много, у нас там своя «запорожская мафия». В минометном дивизионе

там командир из Запорожья, «хорунжий» из Запорожья, «підхорунжий» и многие другие.

Много земляков?

Да! Да, очень много. Харьков, Запорожье, Киев, Днепр — это такие самые. Ну, и с Крыма много ребят тоже.

А крымчане почему приходят?

Кто сам переехал, кому «сепары» не давали жить нормально. Понятна их мотивация — хотят отвоювать свою землю, на которой родились, которую считают своим домом. Крымчане, да с Донецкой области и с Мариуполя очень много.

А сейчас у Вас сессия? То есть, Вы параллельно воюете и учитесь?

Да, к сожалению, в счет ротации, но хоть как-то.

Образование тоже надо!

Да, пригодится, я не хочу бросать истфак⁶⁸.

Скажите, какова роль волонтеров?

Поначалу очень большая, потому что, если б не они, «Азова», ну не то, чтоб не было, но было б очень плохо «Азову». Было б больше смертей, меньше «броников», то есть, банально экипировки, меньше б еды было.

А с едой, обмундированием как на данный момент?

На данный момент все отлично, так как мы официально относимся к части Национальной гвардии 3057 и обычное у нас нацгвардейское обеспечение.

⁶⁸ Историчний факультет Запорізького національного університету.

То есть, с обеспечением у вас все нормально?

Да! Ну и волонтеры к нам заезжают. Уже и мы им говорим: «Ребят, ну уже не надо, лучше помогайте тем, кто действительно [нуждается], тем же правосекам несчастным, другим, тем же, кто на "передке" находится». Как-то стыдно с нашей зарплатой еще и от волонтеров что-то брать.

То есть, с зарплатой все нормально?

Да.

А как у вас налажена взаимосвязь с другими подразделениями? Вот с «Правым Сектором», например, либо с регулярными войсками?

Да, в принципе, дружеские отношения, если это нормальные ЗСУ-шники, патриотичные.

Как Вы относитесь к Минским соглашениям?

Да как можно относиться? Мы все очень хотим воевать, нас не пускают. Это чушь. Минские соглашения могут быть... они могут проводиться, только когда вся территория Украины вернется в свои прежние границы, по крайней мере, на Донбассе. Тогда уже можно о чем-то говорить.

Как Вы считаете, у нас хватит сил вернуть Украину по старым границам?

Безусловно, у нас вернуть хватит, если, конечно, же Рашка не введет свои регулярные войска.

Но там, наверно, и так есть регулярные войска?

Да. Кадровые военные — у них хорошая подготовка, они всю жизнь этим занимаются, а мы — без году неделя. Я вот миномет увидел первый раз в жизни пару месяцев назад, то есть, а сейчас как командир расчета. Я вообще гуманитарий, мне при-

ходится с блокнотом высчитывать угломер, прицелы, кричат команды.

А планшетов нет?

Планшеты есть. С планшетами стоят командиры батарей и высчитывают те координаты, которые дает им наводчик, и дают нам просто голые цифры, которые мы должны вбить на прицеле.

А позиции часто меняются?

Как сказать, все окопались и сидят. Ну, а мы вот на выездах, разведка, подобрали нужную позицию, отработали, уехали, такое вот.

Вы не попадали под обстрел?

Нет, нет. Еще нет.

А расскажите о вхождении полка в структуру МВС?

Мы могли бы упереться, как тот же «Правый сектор», но тогда бы мы не получили ни танков, ни артиллерии. Мы пошли, мы максимально пытались использовать эту власть. С выгодой для себя. У нас уже хотели отобрать и танки, и минометы, но нас держало то, что мы хорошо показали себя на полигоне. Такой пример один: начался полигон, наш командир артиллерии Палий, друг Палий... Тот генерал, который приехал нас проверять, он даже не поздоровался с ним. Типа, добровольцы — какие-то «жмыхи»⁶⁹ непонятные, ниче, наверно, не умеют. И когда мы реально поразили все цели на «пятерку», можно сказать, он тогда извинился.

Расскажите о «Правом секторе».

⁶⁹ Жмих — сленгове слово серед добровольців для позначення людини з низькими морально-етичними якостями.

Да такие ж самые патриоты, но о них более знаете. Многие с «Правого сектора» переходят к нам, потому что, как не крути, а «Правый сектор» держится только на волонтерах, на каких-то меценатах. Я не знаю, откуда у них финансирование, но это очень нестабильно. То есть, идейные, многие из «Правого сектора» к нам переходят и как раз эти расчеты «правосеков» очень хорошо себя показывают. Они так органично влились, тоже националисты, почему нет? Ну, а вообще да, отношения дружеские.

Каких-то конфликтов не было?

Нет, ни в коем случае, у нас одна идея, боремся за одно и то же. Так сложилось изначально, что они пошли в «ПС», а мы в «Азов». Ну и уже круг своих друзей сформировался.

Личный состав меняется или они с самого начала войны и до сих пор?

Меняется. Знаете, если б из «Азова» не уходили люди, то «Азов» уже б дивизией, наверно б, стал. Хоть дивизий в Украине нет, но бригадой точно. Уже из тех, кто ушел, еще один «Азов» можно создать.

Много опытных людей, да?

Да. Они пришли на войну, войны нет, и как раз отсутствие боевых действий, очень разваливает «Азов», и гнетет, и морально давит. Это самое страшное. Многие переводятся в «ЦК» — «Цивильный Корпус».

Как Вы считаете, каковы причины этой войны?

Донбас и Крым — бомбы замедленного действия и там не проводилась абсолютно никакая украин-

ская, не то, щоб пропаганда, просто не подавлялась вражеская деятельность. Все мы видели эти фотографии «Вконтакте» за там 2011 год со знаменами «ДНР». Вот как раз таки «Патриот Украины» (донецкий осередок) гонял эту шваль, были и марши и тогда они сожгли прапор «Донецкой народной республики», в 2009-м.

*Вы говорите вражеское, кого Вы имеете ввиду?
Российское.*

Российской Федерации?

Хотя в «Азове» очень много русских.

Именно этнических или граждан России?

Граждан России. Конечно, очень много, половина «РДЧ». «РДЧ» — это «розвідувально-диверсійна чота».

А почему они приходят?

Мы объединены одной правой идеей. А правые в России либо сидят в тюрьме, либо подконтрольны властям.

То есть, Путин всех «поджал»?

Да, других просто не осталось. И те, кто не хотят в тюрьму, едут к нам.

Здесь им дают гражданство Украины?

Это огромная проблема, потому что гражданство им не дают. Два человека получило, всего двое россиян: один «Боцман» позывной, как зовут не помню, а второй из «Правого сектора» Илья Богданов. Все. И это потому, что такие распиаренные личности, только потому, сфотались с Порошенко с этим документом и все.

А остальным тяжело, да?

Остальным тяжело. Даже при том, что они имеют документы все на руках, сама проблема в том, что украинская сторона говорит: «Предоставьте нам по месту жительства своего справку об отсутствии судимости». Это надо ехать в Россию. Уже скоро дойдет до того, что они скажут: «Предоставьте справку, что Вы, там, не крокодил». Ужасно, просто не хотят. Власть знает, какие русские приезжают сюда, — это профессиональные активные правые.

Люди, которые не будут молчать?

Да, поэтому им такие не нужны русские.

И белорусы тоже есть?

Да, и белорусов тоже много.

Расскажите о своей жизни во время Майдана?

Да, я был, в Киеве я был где-то недельку всего.

В какой период?

На зимних каникулах. Там один бой был, как бы такая стычка, не особо. А на запорожском — да, тоже участие принимал. И когда нас там разогнали⁷⁰, и когда вот этот «сепарский» марш был там⁷¹. Мы тогда вместе с «Правым сектором» запорожским 300 ватрушек...

А на запорожский Майдан Вы постоянно ходили?

Непостоянно, не было движения особого.

Ваше мнение, как долго еще продлится война?

Это такой классический замороженный конфликт, который будет подогреваться. Если народу надоест, подлили масла, это просто. Если патриоты

⁷⁰ Мається на увазі розгін запорізького Майдану 26 січня 2014 р.

⁷¹ Події «яєчної неділі» у Запоріжжі 13 квітня 2014 р.

не возьмут в свои руки ситуацию, то ничего не измениться и будет только хуже.

Силовыми методами или просто критиковать?

Да пока просто критиковать, но опять же, «Азов» в скором времени создает политическую партию. Называться она будет, вроде как, «Патриот Украины», но это неточно.

Насколько вероятно, что эта политсила войдет в Верховну Раду или на местных выборах пройдет?

Молодежь за нами. Реально «Азов» ЦК-шники делают добрые дела и реально не словом, а делом показывают свою полезность обществу. Опять же эта ситуация в Яготыне с теми ж беженцами, «Азов» туда вписался и оно все разруливается. Потихоньку выбиваемся, люди о нас узнают, люди понимают, что мы не отстаиваем интересы олигархата, крупного капитала. Обычные люди... да народ устал уже от тех же политиков. Думаю, как раз вот эта новая «молодая кровь», новая эта сила, она сплотит нацию.

Чего нам не хватает, нашему государству, правительству?

Не хватает нас, да честности не хватает, не хватает новых. У нас сейчас, по сути, криминальный олигархат, а не президентско-парламентская республика. Политические партии отстаивают, лоббируют интересы того же крупного капитала. Выбор без выбора, создаются новые какие-то партии, перекрашиваются. Это нельзя назвать тем, чем должно быть, реальной демократией. Демократии нет.

Может, Вы хотели бы обратиться к людям, которые будут читать или смотреть это интервью?

Хотел бы пожелать им, чтоб они просто думали, анализировали, не делали поспешных выводов, смотрели ситуацию за рубежом и в Украине. Приняли решение для себя, нужна ли нам Украина сильная и независимая, либо Украина под Европой или под Россией, пусть у них проснется национальная гордость.

Возможно, будут читать и наши недруги, может, Вы и им хотите что-то пожелать?

Я передам, когда буду командиром расчета минометного, 120-миллиметровый.

«У нас ребята, находясь на передовой, всегда носят с собой гранату, граната — классическая «эфка» у каждого, зачастую у каждой из них есть свое имя. То есть это та последняя граната, с которой ты спишь, с которой ты ходишь, с которой ты ешь, с которой ты из блиндажа выходишь, извините, в туалет и т.д. и т.п. Она не для противника, она для себя. Потому что прекрасно знаем, что лучше так, чем тебя возьмут в плен».

Ім'я: **Юлія**
Рік народження: **1985**
Статус: **командир медико-тактичного корпусу Української добровольчої армії**
Інтерв'ю записане С. Білівненком, М. Павленком 17 грудня 2016 р. Поточний архів проекту. Ф.29. Оп.1. Спр.41.

Назвіть, як Вас зовут. Розкажіть о довоєнній житті: чим займалися, де училися?

Зовут мене Юлія. До війни закончила медичинський університет. Була своя клініка, да вона і сейчас єсть, слава Богу. Роботала, писала наукову роботу, увлекалась історією, як Ви уже знаєте, я розказувала. В принципі, жила, як і всі. Из основных интересов: хобби, работа, дом, семья. Так было до февраля 2014 года.

В 2004 [году] был период, когда, наверное, мы все были молодыми, были студентами, была «Помаранчева революція», соответственно мы все дружно стояли — кто в Киеве, кто здесь, на Фестивалке⁷². Когда начался Майдан, во многом я его

⁷² Йдеться про площу Фестивальну, головну площу м. Запоріжжя.

не воспринимала, потому что мы уже не в том возрасте, чтобы как студенты куда-то ехать и где-то стоять. Это было до момента, пока наша же власть не начала стрелять в свой же народ, тогда «переклинило» очень многих. Тогда кто уехал в Киев, кто пришел защищать облгосадминистрацию здесь. То есть мы пришли защищать ее здесь, кто-то приехал после Киева, кто-то пришел просто с дому.

У меня совсем была простая ситуация: когда волнения в Запорожье уже начались, мы не знали кому куда идти, хотелось помочь, а куда, к кому —

Біля штабу запорізької «Самооборони», розташованої у будівлі облдержадміністрації. Фото опитуваної

мы не знали. В военкомат идти смысла не было тогда. И тогда образовалась «Народная самооборона» в облгосадминистрации, мы это все видели по стриму, Тарас Билка передавал. Когда подъехали, я сказала: «Я врач, хирург. Можно как-то, если нужна помощь — просто скажите, там подежурить, помочь, кому-нибудь оказать помощь, зашить там». Потому что после штурма ребят очень многих в больницы боялись везти, потому что там сразу их и «паковали». Ну, нам сказали: «Да, окей, хорошо».

Я себе вернулась, прошло буквально пару дней, как раз заканчивала операцию, когда мне позвонили и сказали: «Юлия Владимировна, у нас информация, что с района Мелитополя на нас идут танки и тяжелая техника, Вы не могли бы приехать?» Так и началось, я и приехала. То есть приехала со своей семьи только я одна, остальные не особо. Скажем так, на тот момент не то, что не поддерживали, наверное, было страшно. То есть никто не понимал вообще к чему это приведет и что это за «телодвижения».

С большинством своих друзей, с которыми я служила все эти практически три года, я познакомилась именно там. То есть именно из запорожцев — практически весь тот костяк «Самообороны», который был из молодых ребят, каждый из нас в [20]14-м ушел на войну, позже не пришел практически никто. Позже пришли уже те ребята, которым не было еще восемнадцати на момент [20]14 года. И когда я познакомилась с абсолютно разномастным контингентом, начиная от моих коллег-медиков,

женщин, которым уже за 50, которые пришли и у которых уже взрослые дети, но они пришли сюда помогать, и до ребят, которые «ультрасы», которые называли себя «Правым сектором», которым не было еще и восемнадцати. Это люди абсолютно разные, но которые пришли. Цели — на тот момент ни у кого не было целей. Я не знаю, что-то сломать, все хотели поменять систему и на тот момент у людей была «фишка» какая: сделать так, чтобы у нас все было хорошо и чтобы у нас все было спокойно. То есть, не дать этому в наш город прийти. То есть, по сути, каждый из нас защищал свой дом. Нам это удалось.

Я помню шок, когда мы были в облгосадминистрации, узнали, что происходит в Киеве, а потом начало марта, когда захватили Крым. Тогда мы уже, в принципе, поняли, что Крымом это не ограничится, что будет война. Для тех людей, которые проходили службу в армии или хотя бы окончили военную кафедру, — для них это уже было вполне закономерное явление. В марте месяце, когда это все уже началось, большинство из нас пошли уже в военкомат добровольно. Но на тот момент в военкоматах тоже было все не совсем хорошо, то есть никто не был к такому готов. Сказали: «Ждите, мы Вам позвоним». И тем более, для людей с высшим образованием, которые имеют [звание] офицера запаса и так далее, там вообще своя процедура вступления в ВСУ. Никто особо, на тот момент, даже не был готов к тому, чтобы такое количество добровольцев принять. В принципе, все пошли в

«добробаты». Кто пошел на тот момент в «Правый сектор», кто пошел в «Азов», кто пошел в «Донбасс».

Вот именно в лето [20]14 года было основное движение людей, которые шли защищать свою (нет, не страну) Родину. То есть не государство, а именно свой клочок земли. Все движение пошло именно весной-летом 2014 года. Еще не было Иловайска, еще не было ДАПа⁷³. «Донбасс», «Азов», то есть каждый из нас приходил... Сначала шел один из нас, а соответственно потом уже подтягивал и остальных.

Что такое «добробат». Когда ты приходишь в «добробат» — у тебя нет заработной платы, у тебя нет ничего, то есть у тебя полностью нет ничего. Рамки твоего существования и твоя психология — они автоматом обнуляются. По той простой причине, что абсолютно другие ценности. То есть до этого за полгода ты думал какой тебе новый смартфон купить или какой-то новый гаджет, а в этот момент ты думаешь: блин, где тебе взять форму, где тебе взять коллиматор, где тебе взять все самое необходимое, чтобы просто-напросто выжить. Мы на тот момент от бомжей отличались, наверное, только наличием оружия. Это действительно правда. На тот же [20]14 год я должна сказать огромное спасибо тем людям, благодаря которым мы выжили. Потому что если не было бы наших запорожских волонтеров — черта с два мы бы с вами сейчас разговаривали. Они нас кормили, они нас одевали,

⁷³ ДАП — Донецкий аэропорт.

они нас обували. Они не давали, скажем так, нам плюнуть на это все и уйти по домам, потому что иногда очень этого хотелось. Когда тебя никто не слышал, когда нас просто пускали как «пушечное [мясо]», условно сказать. Никому этого не хотелось и очень многим хотелось уйти обратно. Но останавливал на тот момент уровень патриотизма, он был очень здоровским. В «добробат» в [20]14 году приходили люди, которым было что терять, вот это была основная разница между теми, кого мобилизовали, и между теми, кто приходил добровольцем. Потому что, естественно, уходя, ты оставляешь свой бизнес, ты оставляешь свою семью, ты оставляешь какую-то работу, то есть ты оставляешь свой дом в конце-концов. То есть ты идешь за тем, чтобы у тебя здесь не было так, как там.

И когда мне сейчас говорят: «Мы туда тебя не посылали», — естественно, что никто меня туда не посылал. Просто если бы тот, кто это говорил, побывал бы когда-нибудь в Новобахмутовке, Песках, Широкино, разбомбленной Марьинке, когда он понял бы, что в течении тридцати секунд обстрела ты лишаешься всего, чего ты добивался в жизни на протяжении лет, тебе некуда возвращаться, тебе нечего кушать, тебе не на чем ездить — это называется война. Тридцать секунд хорошего артобстрела — и твоей жизни практически больше нет.

Когда мне говорят: «Окей, я пойду воевать, когда сюда придут», — у меня только один вопрос: «Ребята, вы чем будете воевать?» — первый вопрос. И второй

вопрос: «А как вы будете воевать?» Потому что, простите, у вас нет навыков, вам негде взять оружие, вам в военкомате его никто не даст. И максимум, что вы будете делать, когда они придут, это сидеть дома. И если вы думаете, что сюда российские войска придут с цветами, хлебом и солью, то вы глубоко ошибаетесь. До момента, пока они сюда войдут, они будут вас утюжить минимум неделю «Градами» и всем «тяжелаяком»⁷⁴, а вот в то, что потом останется, они потом зайдут, и вам уже ничего не будет хотеться, а уж тем более защищать. Так они делали везде. Так они делали в Ясиноватой в [20]14 году, когда мы только наблюдали как прилетает и все, мы думали: «Вообще, город есть или нет?» Его не было видно из-за облака дыма.

Когда они утюжили Широкино на протяжении шести дней, с 12 по, фактически, 18 февраля, когда они его штурмовали. Когда им до этого было плевать на Мариуполь, потому что они на Восточном [микрорайоне] ложили «Грады» на жилые дома. «Русский мир?» Добро пожаловать в «русский мир». Приезжайте, посмотрите на «русский мир», на села, в которых никто не живет, в которых люди за шесть дней потеряли все, фактически всю свою жизнь, они сейчас переселенцы, они больше не смогут туда вернуться. Для того, чтобы поселок типа Широкино, Песок, Трехизбенки, Заиченка разминировать — понадобится год, это уже выжженная земля.

⁷⁴ «Тяжелаяк» — розмовна узагальнена назва важкого озброєння.

Когда мне говорят о том, что мы будем защищать, когда придут — я с этого просто смеюсь. Если вы не можете защитить — просто такого не говорите, вы не пошли на войну, это ваш выбор, вам с этим жить. Не все люди созданы для войны, это правда. Зачем, если человек не хочет, зачем заставлять его туда идти? В итоге мы получим классическую армию с людьми, которые во многом не хотят воевать. Есть и такие ребята, которых забрали на войну, он не хочет, ему надо отбыть этот срок мобилизации. В итоге благо, если они просто пьют, хуже если человек при всем при этом делает еще много-много ерунды. Поэтому наша армия должна быть в идеале контрактной, то что сейчас делают, и правильно делают. Люди туда должны идти добровольно, и каждый человек должен понимать что он там делает.

В [20]14 году мы на самом деле не понимали куда мы идем. Мне было чуть-чуть проще, потому что в [20]14 году мы начали волонтерить, и я объехала практически всю линию фронта. То есть тогда, когда я уже приходила в конце [20]14-го в полк [«Азов»] именно воевать — я уже знала, что это такое. Потому что и под Донецком была, и в Песках была, и где мы только не были. То есть когда ребята звонят, что надо (а на тот момент не было на самом деле ничего, единственное, что было на то время, было достаточно много БК, это то, что давалось изначально), не было в чем ходить, не было ни бронежилетов, ни касок. При всем при этом я до сих пор прекрасно помню, как наши «доблестные» люди бизнеса накручивали на

стоимости каски бешенные деньги. Та каска, которая сейчас стоит 3,5-4 тысячи, в 2014-ом стоила 20 тысяч, спасибо большое. Плиты от бронезилов мы покупали по себестоимости во Львове, тоже у волонтеров, они их покупали в Польше, везли сюда как металлолом, оформляли, а там уже во Львове ребята шили чехлы, самые простые, из самой ужасной ткани «дубок». Но они на тот момент выходили нам в районе 2,5 тысяч гривен, мы могли покупать их десятками. Это все за счет людей, которые... Кто смог — купил сам, кто давал какие-то денежки. Мы индивидуально каждого бойца собирали, индивидуально каждому возили.

Тогда, когда я уже пришла окончательно на войну, поняла, что волонтерство закончилось по той простой причине, что уже действия пошли такие, уже пришел Иловайск. На тот момент еще не было Дебальцево, но «котел» должен был быть вот-вот. И все, кто хоть как-то соображали, все прекрасно понимали, люди, которые хоть как-то ориентировались с топографией и ситуацией в целом, прекрасно понимали, что этот «котел» будет. Уже осенью [20]14-го это было понятно.

Зимой [20]15-го я пришла в свой полк. Сразу же, на тот момент, медиков, естественно, как не хватало тогда, так и не хватает по сей день, мало кто из врачей готов идти на войну, еще меньше тех, кто готов идти на передний край. Мы побыли, фактически, два месяца (условно) на базе. Боевые выезды были, но они были не постоянно. Приехали, минометами «накидали», уехали. Когда пошел Дебальцевский

«котел», когда начали бомбить Мариуполь, тогда было понятно, что нужны какие-то активные военные действия, и оттеснять территорию; почему — потому что если их не оттеснить, то от Мариуполя через две недели не останется ничего.

Тогда было принято решение: для того, чтобы оттянуть «котел» из Дебальцево, и для того, чтобы обезопасить Мариуполь с десятками тысяч гражданского населения, было решено штурмовать Широкино. Почему — потому что Широкино — это тот населенный пункт, который является на своей территории доминирующим, имеет доминирующие высоты. Если эти высоты займет противник, он сможет спокойно «с чистой совестью» достигнуть до Мариуполя.

И тогда, когда началась Широкинская операция, так называемый «штурм», мы поняли, кто чего стоит. Когда мы штурмовали, по сути, одной ротой населенный пункт, когда мы просили 14-го числа поддержки у ВСУ, Нацгвардии, да у кого мы только не просили. На тот момент мы уже были Нацгвардией, когда наш командир ([полевая почта] 3057) военной части, к которой мы были приписаны, открыл склады и сказал: «Ребята, грузитесь». То есть вот единственный человек, который все делал, который помогал нам. Больше не помогал нам никто.

Когда я увидела картину 14 числа в самом Широкино. Можешь себе представить, вот ты едешь, вот дорога, достаточно узкая, ты едешь там, где стреляют, а оттуда выходят колонны тяжелой техники морпехов, я уже не могу сказать, помню только, что

эмблема морпехов была у них на «коробочках». Я остановилась: «Ребята, ну куда вы? Бляха-муха, там нас утюжат по полной программе, у меня пятый десяток раненых за день пошел». А они говорят: «Мы отходим». Я говорю: «Почему?» А они говорят: «У нас нет приказа». В итоге от меня они много чего услышали на тот момент, но я прекрасно понимаю, что этот человек абсолютно не был виноват в том, что у него не было приказа, может быть, он хотел остаться.

В итоге мы штурмовали голой пехотной ротой, фактически. Мы выстояли, нам удалось забрать часть Широкоино на тех доминирующих высотах, которые были необходимы, чтобы они у нас просто до Мариуполя не достали и чтоб дальше не прошли. На тот момент, ранеными и убитыми у нас было больше 70 человек. То есть, я Вам скажу так, что относительно роты, положили практически большую половину личного состава. То есть это та цена, которую мы заплатили, чтобы Мариуполь сейчас жил спокойно.

То есть, на данный момент в этом населенном пункте уже находятся другие, нас тогда сменила морская пехота. То есть, ребята сейчас молодцы, я могу сказать, что на данный момент, уже на момент 2016 года, наши «Збройні сили», они начали намного лучше относиться к своим бойцам. Генералы, скажем так, перестали считать их за «пушечное мясо», ребята научились воевать. Очень много командного состава, именно тех, кто остался с 2014 года, средние [должности] (ротные, взводные, в звании лей-

тенанта, младшего лейтенанта). То есть те, кто там непосредственно командует, они уже научены, они подписали контракт, это те люди, которые будут менять в корне систему этой армии.

Ну, а что касается самого ощущения на войне — наверное, страшно. Первый свой бой, наверное, не помнит никто. Я мало знаю людей, которые первый бой от начала до конца могут воспроизвести, я его воспроизвести не могу. Страшно было потом, когда ты понимаешь, что могло бы быть. А потом ты уже привыкаешь. На самом деле, во втором бою уже не страшно, не страшно уже абсолютно ничего. Самое страшное, что война не так страшна, как мы думаем. На войне мы живем, общаемся, дружим. Есть какие-то совсем простые людские вещи и эти вещи, вот именно передний край, именно фронтовая зона, это место, где очень контрастно является черное и белое, и практически нет полутонов, где люди, зная, что вот в принципе этот момент жизни может быть для них последним, эта стойкая привычка вырабатывается на подкорке, и соответственно это позволяет вести себя по-настоящему. Там очень быстро понятно кто есть кто.

У каждого сложный характер, каждый не просто так пришел сюда, что касается добровольцев, люди, которые оставили все, это люди войны, это «псы войны», по сути, которые уже третий год, практически, воюют. Воюют, при этом не имея ни зарплаты, ни каких-либо социальных льгот, ничего, они просто воюют. Каждый из нас шел за каким-то экстримом, романтикой, патриотизмом, желанием защи-

цять. А сейчас у нас слишком много личных счетов там осталось. У нас уже, по сути, больше ничего не остается, как или победить, или после этого ты уже уважать себя не будешь. Ты вернешься, и все, чем ты пожертвовал, окажется просто впустую. Соответственно, такие люди с войны не уходят, и таких людей очень сильно ценят. Потому что у них есть мотивация и эта мотивация — не деньги, ни соцльготы, ни слава, ничего, они просто воюют каждый день.

Каждый день мы «отжимаем» по метру, по полметра своей территории. Сейчас мы вгрызаемся в эту мерзлую землю, копаем свои блиндажи, реально можно сказать «вгрызаемся». Потому что Широкино уже наше полностью. Если на момент [20]15 года была только часть, казалось, ну сколько там той земли, то оказалось, что это настолько стратегически важно. Мы потихоньку идем все дальше-дальше-дальше, мы дойдем к своему. Пусть это не будет таким наскоком, но там, где мы есть, мы уже свое не отдадим, мы уже свои позиции просто не сдадим, или мы на них же и останемся.

У многих людей, которые пошли в добровольцы с самого начала, а не тогда, когда война уже перешла в позиционную (как в большинстве случаев), они все слишком многим пожертвовали, чтобы уйти с этой войны без победы или без какого-нибудь логического завершения. Поэтому да, страшно иногда бывает поначалу. Сейчас уже давно ничего не страшно. Страшно «накосячить», страшно, если из-за тебя пострадают твои друзья. Больше

не страшно ничего. Ты привыкаешь засыпать под артобстрел, ты привыкаешь просыпаться под артобстрел. Находясь в подвале, ты даже не заморачиваешься, что стреляют, потому что если попадет что-то мелкое, типа «80-ки»⁷⁵ — ничего не будет, а если в стену ударят с танка, то ты все равно ничего не почувствуешь, вот и все. И когда приходит вот это понимание, то ты на жизнь совсем по-другому смотришь.

Когда меня спрашивают: «Вот что тебе дала война? Какой ты была и какой ты стала?». Я вам скажу, что на войне, как ни странно, люди становятся более человечными. Когда четыре года назад у меня спросили бы готова ли я человеку бесплатно (вот без всяких-либо заморочек) помочь в чем-то, я бы сказала: «Да кому это надо?». А вот сейчас — пожалуйста, если надо.

Когда ты с людьми служишь, есть еще одна «фишка» — ты очень быстро привязываешься к людям. На войне, это единственное место, где ты с людьми просто срастаешься до такой степени, что они уже для тебя становятся как родные. Хотя буквально полчаса назад ты их еще не знал. То есть с каждым из них ты воюешь, кто-то уходит домой, кто-то переходит, но вот это чувство остается навсегда.

Почему сейчас мы все смеемся, что те, кто воевал, кто служил, могут поехать в любой город Украины абсолютно спокойно — у тебя везде есть те, кого ты знаешь, те, с которыми ты был там. Мы

⁷⁵ Идетесь про міни калібру 82 мм.

всегда будем делить людей на тех, кто там был, и тех, кто там не был. Это будет наша основная проблема. Приходя домой, не каждый из нас понимает, что здесь все по-другому. Там другой мир, мир контрастов. Здесь мир, в котором этих контрастов быть не должно. Здесь дети не должны знать, что такое выстрел, что такое граната, что такое взрыв. Потому что когда ты приезжаешь в прифронтовое село (перед Широкино есть Бердянское), там практически не осталось населения, но есть люди, которым идти некуда. И там дети понимают, где «приход», а где «выход» («выход» — снаряд вылетел, «приход» — он упал). И они отличают с чего стреляют: «80-ка», «120-ка»⁷⁶, «СПГ»⁷⁷, «САУшка»⁷⁸. Детям по шесть лет, ребята, это страшно. Наши дети не должны это знать.

Поэтому, в принципе, все нормальные адекватные люди там сейчас. Там они должны быть до момента, пока хоть как-то логически не закончится эта война. Я не хочу идти на Кремль, на Красную площадь на танке. Я хочу вернуть свою территорию, территорию своей Родины, больше ничего мне не нужно другого. Я не хочу, чтобы никто из людей, детей, стариков знал, что такое война по-настоящему.

Многие не понимают, но каждый из нас должен в какой-то мере за эту страну заплатить свою цену, за будущее детей. Мы — вырванное поколение, поколение, которое никогда уже не будет нор-

⁷⁶ Йдеться про міни калібру 120 мм.

⁷⁷ Станковий протитанковий гранатомет.

⁷⁸ Самохідна артилерійська установка.

мальным в общечеловеческом понимании. Люди, которые убивали, у которых вот этого табу нет, нет пунктика «не убей», который есть у разных религий, они... Мы уже будем вне общества в чем-то, когда вернемся. Мы — те люди, которые должны заплатить цену, для того, чтобы нашим и вашим детям в этой стране было комфортно, чтобы они не знали, что это такое. Если это моя плата за то, чтобы моя страна стала нормальной европейской страной, которой она должна быть, значит мы эту цену заплатим, и если надо будет — заплатим и десять, и сотню раз.

Я не хочу, чтобы в Украине вернулся режим Януковича, который я прекраснейшим образом застала. Я не хочу, чтобы мои дети думали придут ли «дяди» или не придут, чтобы «отжать» их бизнес. Я не хочу, чтобы продажные менты (простите за выражение, среди них есть очень много достойных людей, ментами я их не называю) беспределили так, как им хотелось. Я хочу, чтобы наша страна наконец-то за те 20 лет, которые мы «профукали», все-таки стала страной.

Когда-то одну очень интересную фразу сказал один человек (это опять-таки на раскопках на [балке] Генералке, он здесь не был, за год он уехал в Индию, до всех этих событий): «Странно, не жалко ли быть украинцем?». Этим все сказано, контраст людей, поменявшаяся психология.

Я понимаю, что сейчас очень тяжело. То есть мы там, и естественно, что каждый из нас считает, что он может сказать, сколько много он может сде-

лать. Да нифига он не сделал, каждый из нас — просто маленькая-маленькая капелька. И вот когда этих «капелек» много, то происходит что-то путное и дельное. Да, каждому из нас обидно, что пока мы там, здесь происходит во власти то, что далеко не всем нравится. Но у хорошего годного воина есть только одна мысль — защищать свою страну, и никто из нас не пойдет, наверное, сейчас на третий Майдан. Мы прекрасно знаем, что как только начнутся в стране какие-либо заварухи, то активизируется наш противник. Это ему сейчас только и нужно. Сейчас, к сожалению, мы не можем себе позволить то, что мы могли себе позволить в [20]14 году. Сейчас нашу страну нужно менять в корне изнутри. Мы делаем свое там, а люди, которые пришли к политике, должны это делать здесь. Вот, наверное, для этого мы там и находимся. Для того, чтобы было лучше. Кто-то это понимает, кто-то нет.

Тебя и самого «кроет»⁷⁹ от того, что тебе кажется: какого черта ты там делаешь, приди домой, живи заново. Был такой период, когда очень сильно этого хотелось. До первого звонка: «У нас нет ни одного медика на «передке». На вопрос: «Как нет?» — ответ простой: «Нет человека с медицинским образованием, нет врача». Вот на этом и закончилось то, что я хотела. Потому что когда ты понимаешь, что благодаря тебе эти мальчишки хоть как-то досмотрены, хоть как-то меньше болеют,

⁷⁹ «Кроет» — багатозначне слово з розмовно-побутової лексики. У даному випадку воно використовується для позначення дезорганізованого морально-психологічного стану.

что, возможно, ты сможешь как-то их спасти, когда тебе звонят и общаются те, кого ты вытягивала, кого ты спасала — ты понимаешь, что, в принципе, наверное, деньги, материальные ценности — это далеко не самое главное в жизни. Самое главное в жизни, правильно говорят в Израиле военные медики: «Если ты спас хотя бы одну жизнь — значит ты спас Вселенную».

В принципе, у ребят, которые пришли на войну, именно как медики, у них совсем другая психология, чем у нас. Потому что наша задача — не воевать, хотя нам приходится брать в руки оружие, честно скажу, и защищать, и наступать, и ходить на позиции, и все это делать, потому что людей не хватает, и естественно, что каждые руки, которые могут чем-то помочь, они на счету. Но наша основная задача — это спасать человеческие жизни. При всем при этом, на самом деле, врачу без разницы, кого спасать. Для нас нет чужих и своих. Для нас, если человек ранен, то мы ему поможем, даже если он с той стороны. Кем бы он ни был — это разбираться уже не нам. То есть наша задача — спасти жизнь, чем мы все и занимаемся.

У меня в медслужбе полковой было... Сейчас я вам скажу, раз, два три, четыре, пять — пять человек, это запорожские ребята, которые пришли под облгосадминистрацию, и сейчас они там. Это медики, которые пошли на войну. В принципе, там не только медики, там ребята есть, тот же Саша, водитель скорой помощи. То есть они пошли с определенной целью, и они эту цель до сих пор выпол-

няют. То есть хотя и тяжело, и многие хотели бросить, ну потому что тот же Андрей, тоже хирург, замечательный. Я понимаю, что он, как и я, пожертвовал своей карьерой для того, чтобы пойти туда. Потому что если человек два года не оперирует, то он как специалист закончился.

То есть у каждого там своя судьба, каждый для чего-то пришел на эту войну. Кто-то пришел для того, что бы «движевать», как это называют, получить адреналина, кто-то пошел, потому что во что-то верил, в свои идеалы, кто-то пошел просто для того, что бы защитить свой дом, кто-то пошел потому что там дают УБД и зарплату — у каждого свое. То есть каждый, кто захочет остаться и защищать свою страну дальше, тот останется не смотря ни на что. Кто пришел туда для того, чтобы получить зарплату, «корочку» и звание героя, ну — Бог им судья. Они вернутся сюда и запомните только одну вещь, что ребята, которые были там, которые хоронили, которые умирали сами — они никогда не будут ходить по форме по городу «бухие» и спрашивать тебя: «А чего ты не в АТО?». Они никогда не будут праздновать День ВДВ, купаясь в фонтанах, они никогда не будут ходить и рассказывать какие они герои, они не будут принимать участия в передачах и обсуждениях. Просто когда им будет хреново — они будут закрываться на кухне и «жрать» в одно лицо алкоголь, курить, возможно плакать, и понимать, что те, с кем они были — уже не вернутся. И рассказывать о том, что было там — это действительно тяжело.

Я могу вам тысячи раз говорить об общем, но не о конкретном, на протяжении трех лет я не могу рассказать определенных вещей. И никто, наверное, из нас, тех, кто там был по-настоящему, особо много вам не расскажет. Потому что комок в горле стоит и рассказать хотелось бы, да не получается. Вот это реальная разница между теми, кто был там, кто воевал, и теми, кто просто там был. Никого из нас «бухими» на улице вы не увидите. Никто не будет рассказывать «сколько он зарезал, сколько перерезал», как говорится. Во-первых, о таком и не спрашивают, потому что... Вот так, как-то так. Что еще интересного?..

Вы сперва были в «Азове»...

Сейчас в «Аратте», все то же самое, все та же медицина, все та же война.

Какая-то разница есть между этими формированиями?

Есть. Есть, потому что «Аратта» остался единственным... Не то что «Аратта», Украинская Добровольческая Армия — это единственное формирование, которое осталось добровольческим на все сто процентов. Почему так? Мы не относим себя ни к ЗСУ, ни к Нацгвардии, ни к МВД. Туда приезжают люди, зачастую — с достаточно-таки большим военным опытом, которые просто приезжают защищать свою страну. Мы, по сути, находимся там, где «де-юре» нас нет. Мы выполняем работу, ту, которую никогда не сможем озвучить, выполняем те задачи, которые никогда не сможем озвучить.

Сейчас Ярош делает, на мой взгляд, самую правильную политику. Он собирает людей в Украин-

скую Добровольческую Армию, и тех людей, которые еще остались патриотами и добровольцами, которым не все равно, которые приходят не за деньгами, не за УБД, не за наградами. То есть, он составляет вот тот костяк, который будет брать не количеством, а качеством. Да, мы постоянно не можем стоять на передовой, потому что у каждого из нас есть семья, есть какая-то работа. Нужно заработать семье для того, что бы ты опять мог поехать туда.

Вот «Аратта» осталась тем подразделением, которое не испорчено, то есть не испорчено по той простой причине, что делить нечего. Есть желание защищать свою страну, мы просто просим: «Дайте нам воевать и просто не мешайте», — мы ничего не просим у государства, мы не просим ничего у политиков. Просто дайте возможность выполнять то, что должны, по сути, выполнять хорошо укомплектованные части ЗСУ. Но у ЗСУ такая же проблема, у них нет комплектации. И мы с ними там находимся, мы с ними вместе, мы с ними сжились, как одна семья. Вот да, в отличие от «Азова», в «Аратте», нет финансирования. У нас нет такого количества волонтеров. То есть для нас там каждая посылка от волонтеров — счастье, потому что, по сути, мы живем до сих пор за их счет, мы кушаем на «передке» за их счет. Большинство из нас получают тоже форму, одежду, те же волонтерские машины, которые вечно без документов, вечно с поломками, тем не менее они ездят и вывозят нас, практически с того света вывозят.

Мы последнее подразделение, по сути, которое не прогнулось ни под кого. То есть, да, возможно некоторые нас не любят, но не любят, в основном, большие генералитеты. А те люди, с которыми мы воюем — те для нас стали семьей, и мы для них стали семьей. Те ребята-морпехи, которые стоят вместе с нами, да ну нет разницы кто ты: ты из УДА, из морской пехоты или ты, не знаю, из 54-го разведбата⁸⁰. Я же говорю, у нас настолько огромная «сборная солянка», что по сути без разницы как ты называешься, мы воюем вместе, мы одна семья там, делимся последним.

Это уникально, когда, допустим, ты заболела — буквально проходит минут 20, тебе уже находят где-то каким-то чудом какие-то мандарины, какие-то лимоны, при всем при этом, что никто никуда не выезжал. И тебе с каждой позиции кто-то что-то приносит и передает, потому что ты заболел. Простите, где вы на «гражданке» такое найдете? То есть там люди друг о друге заботятся, потому что знают, что без этого никак, в одиночку там не выживешь. Там настолько люди плотно друг к другу привязываются, что на самом деле, там фактически исчезают такие понятия как жадность, как подумать дать или не дать, если у тебя есть — на! Потому что если у тебя есть чем поделиться — ты обязательно поделишься. Если тебе там кто-то что-то передал из еды и так далее — ты в жизни не «захомячишь» сам. И за счет этого, я же говорю, когда ты ешь кусок и этим же куском ты делишься

⁸⁰ Йдеться про 54-й окремих розвідувальний батальйон.

со своим товарищем — так и есть! Особенно это актуально тогда, когда... Вот ребятам в [20]14-ом нечего было кушать, волонтеры не доезжали. То есть иногда это актуально и сейчас, когда несколько дней обстрел и тебе не довозят. И ты начинаешь думать: «Где бы его что найти, где бы что-то приготовить». И соответственно все это всегда поровну. Никто не пойдет и не «захомячит» сковородку с жареной картошкой, товарищей не оставит, такого нет. Там у тебя фактически вторая семья. Все просто: мы месяцами не видим свои семьи. То есть и те люди, которые считай полтора года он с тобой в одной комнате — он для тебя семья. Потому что, когда ты болеешь — заботится о тебе он, помогает, когда тебе плохо — слушает тебя он.

Большинство людей, которые возвращаются на «гражданку», у них есть такая очень актуальная болезненная тема... Почему многие возвращаются туда? «А я там своих пацанов оставил. Вот я ушел, а они остались». И это настолько «кроет», что ты возвращаешься обратно. Многие возвращаются обратно. Кто-то возвращается «на постоянку», кто-то начинает волонтерить и просто к ребятам ездить. Ну не могут они после всего, что произошло, оставить их.

Когда ты понимаешь, что ты с людьми под обстрелом сидел, в одном маленьком погребе 15 человек просидели, при всем при этом, когда нас «кроют», порассказывать анекдоты, посидеть друг на друге фактически, потому что тесно — это связывает, это сплавляет людей до неимоверности. Тот же

самый совместный бой, когда вы вместе идете, когда вы вместе понимаете, что идете на смерть, но при этом улыбаетесь. Но это уже, конечно, у тех людей, которые достаточно долго воюют, мы говорим: «Будем весело переходить в небытие, главное чтобы весело». Когда ты рассказываешь анекдоты, пока ребята меняют ленту в ПКМ⁸¹ — это нечто! Соответственно и естественно все.

Расскажите о системе подчинения в УДА. В армии все ясно, у вас есть какое-то деление?

Есть деление, есть очень строгая субординация, есть очень строгая дисциплина. В УДА дисциплина, наверное, здесь даже больше самодисциплина у людей. Есть определенные правила, есть командиры, есть субординационная линейка всегда, и это во многом похоже на армию, но это лучше армии по той простой причине, что в армии людей держат под контролем в силу давления каких-то факторов. У нас этих факторов нет. У нас, если ты пришел — ты на эти условия соглашаешься. Вот есть твой командир, у которого есть свой командир, который отдал приказ, соответственно, если ты считаешь, что ты не готов или не можешь — ты идешь к командиру и говоришь: «Я не могу, я не хочу по такой-то причине». То есть, грубо выражаясь, тебя никто на смерть не отправит, в этом огромный плюс. Потому что если ты не хочешь туда идти, ты доброволец, ты туда не пойдешь. Да, за тебя пойдет кто-нибудь другой. Возможно, он за тебя умрет, но это уже будет на твоей совести. У нас не бывает такого,

⁸¹ ПКМ — кулемет Калашникова модернізований.

*Шеврон Української
Добровольчої Армії.
Зображення з офіційного
сайту УДА*

что люди на передовой, простите, где-то «нажираются». По поводу наркотиков — короткий разговор, сразу «до свидания».

Есть какие-то воинские звания?

Нет, у нас нет воинских званий, абсолютно все бойцы равны. Если бойцы принимают решение о том, что мы в этой операции не участвуем, они говорят об этом командиру, командир об этом говорит комбату, что: «Вот мои так решили». Но об этом говорится заранее. Никто

вас специально выгонять не будет. Но у нас отказа, как такового, не было. Потому что если надо — значит надо. Если нам надо сегодня умереть — значит мы сегодня умрем, вопросов к этому обычно не возникает. Даже вопросов не возникает, если командир дал приказ и дал задачу, которая выполняется, ты ее сделаешь, ты должен ее сделать. У нас мотивация другая: ты это делаешь не потому, что так хочет командир, а потому что ты пришел сюда для определенной цели. И чтобы этой цели добиться, ты должен делать кое-что больше, чем просто стрелять. Война — это не только «постре-

лушки», война это каждодневный труд. Это рытье окопов, это рубание дров, это приготовление пищи, это чистка оружия, это расчистка места, где тебе спать. Это огромная большая работа. А «пострелушки» с нее это очень малая часть, на самом-то деле. Гораздо важнее бывает приготовить и сделать нормальный хорошо укрепленный блиндаж, чем побежать в поле и где-то пострелять с автомата, тем более, не факт, что ты дострелишь до их позиции. Люди это прекрасно понимают, которые приходят. Если ты приходишь и, как мы говорим, «врубаешь война» — все, ты классный пацан, без вопросов. Но, помимо «война» есть еще наряды, есть еще помощь девченкам в столовой, потому что она одна не может приготовить на такое количество [бойцов]. Представляете, у нас воины чистят картошку, а «викинги» рубают дрова.

Вообще женщин много в подразделении?

Нет, не очень...

Кроме Вас сколько еще?

В медслужбе самое большое количество женщин — это нас четверо, это все медики. Одна точно находится на базе, то есть она фельдшер, занимается амбулаторным приемом. Есть девочки, которые прошли курсы тактической медицины, они зачастую находятся на передовой, на экипажах. Есть люди, которые занимаются санитарной эвакуацией, тоже на передовой. У нас единственное подразделение, наверное, в Украине, где врачи с высшим медицинским образованием находятся в «красной» зоне на передовой. Нигде больше, ни

в одном подразделении, такого нет. Обычно есть стрелки-санитары, возможно фельдшеры максимум. У нас — нет, у нас все построено совсем по-другому. Наша задача сделать так, чтобы потери были минимальными, а оказанная помощь — максимально квалифицированной. Потому что от этой помощи зависит 70% успеха наших коллег, которые будут доправлять человека в госпиталь.

Женщин, в принципе, на войне не так уж и много. И причина не в том, что женщины не хотят, очень много женщин хотят. Но есть такие показатели, как физические данные. То есть да, классно, ты можешь быть медиком, ты можешь быть хорошим стрелком, хорошим снайпером, можешь быть хорошим связистом, но ты не будешь артиллеристкой, которой надо тягать 50-килограммовые снаряды, ну физически ты просто этого не сможешь. Из-за этого часть женщин хочет идти на войну, но они женщины достаточно отчаянные и они хотят на передовую, и понимая, что передовой у них может не быть — они немножко разочаруются. Те же, кто уже приходит на войну, очень многим платят: они платят семьями, они платят своей карьерой на «гражданке». Не каждый муж, если он не военный, выдержит жену, которая ушла воевать, которая непонятно там с кем, что она там делает, убьют ее — не убьют. К тому же, мужское самолюбие это такая штука, которая очень и очень легко уязвима. Зачастую, у нас женщины делятся на две категории: это те, которые уже в возрасте, допустим наша тетя Нина. У нее уже двое деток, как бы взрослых. Она

уже состоявшийся человек, она уже не первый год на войне. Она медик, ее понимают, поддерживают. Она уже человек состоявшийся. И пришла она туда с определенной целью, которую прекраснейшим образом выполняет. Она наша «Мама» со времен «Самообороны» и Майдана, нашей «Мамой» она и осталась, завтра мы с ней в очередной раз выезжаем на передовую.

Как Ваша семья отнеслась к уходу на фронт?

Моя семья изначально была малость в шоке, потому что родители у меня живут за границей уже много-много лет, до войны жила и я. Для них это было непонятно. У меня отчим чех, мама — украинка. Мама уехала в конце 90-х из Украины и больше сюда не приезжала, для нее это было настолько непонятным, у нее в голове не укладывалось как такое может быть. Она говорит: «Не могут российские войска здесь быть. Ну как это? Я же выросла в этой стране, я же училась в Москве». Вот для нее это было все. Я говорю: «Мам, ты понимаешь, что я сейчас нахожусь в этом месте, это «ноль», и «Грады» летят с российской территории, они просто нас перелетают». «Этого не может быть». Потом на протяжении месяца они уже морально были готовы. Да, переживали очень сильно по той простой причине, что они понимали, что удержать меня будет невозможно от передовой. Я всегда им говорила, что я нахожусь на базе, просто веду амбулаторный прием, я врач. Это было до момента пока я в очередной раз не привезла своих раненых в больницу скорой помощи, в Мариуполь,

а там оказались журналисты. Журналисты оказались из Чехии. Естественно, что взяли интервью, естественно, что сделали фотографию. Естественно, мы поговорили на чешском, я его более-менее знаю и понимаю, могу говорить. Спросили что да как. Говорю: «Знаю, потому что там родители». Ну, на этом все закончилось. Они сказали, что это для какой-то очередной книги и этих фотографий не будет. И в итоге где-то месяца через три позвонила моя мама и сказала, что она была на замечательной фотовыставке в Праге. «Красиво ты, — говорит, — в бронежилете и в каске выглядишь, перемазанная кровью. Я поняла какой ты амбулаторный прием ведешь на базе». Ну, в итоге, она приняла. Так же, как принял и отец.

Муж так принять и не смог, бывший. Тогда, когда я еще на войну уходила, было понятно, что поддержки от него не будет. Я его прекрасно понимаю, потому что жена, которая там, пусть и благородно, пусть и врач, но во многих понятиях она должна быть дома. Хотя Андрей очень много сделал, он очень много объездил, намного больше, чем я волонтером. Он ребятам в Луганск, в Донецк привозил массу всего, собирал. Он, возможно, сделал гораздо больший вклад, чем я. Ну, так получилось, что именно сам уход на войну он не поддержал.

Ну, а родители... А что им оставалось делать? Сейчас моя мама в Чехии еще та «чехо-бандеровка», как я ее называю, они с отцом очень много помогают. Отец, будучи тоже врачом, принимает наших ребят. Мама, естественно, как только кто-то

из ребят попадает в любой госпиталь в Чехии, сразу уже там. Потому что надо мальчикам помочь. Я говорю: «Мама, ну зачем?». А она: «Та ну я їм хоч борщу приготую. А що ці чехи? Вони навіть борщ не готують!». То есть она за ними присматривает. Немного, но тем не менее, если есть кто-то из хлопцев — мама делает свой вклад.

Как относятся сослуживцы, не пытаются как-то помочь?

У меня, наверное, ребята... Дай Бог, чтобы о каждой женщине так заботились, как обо мне там! Я могу сказать, что, наверное, я за всю жизнь встретила нормальных людей меньше, чем за три года войны. Потому что (я уже говорила) тут пол не имеет значения. Мы помогаем друг другу и заботимся друг о друге, или мы просто по-другому не выживем — психологически, в первую очередь. Относятся, честно скажу, замечательно. Не без того, что бывает, что я, как командир, с подчиненными... Есть и субординационная линейка, и я очень четко ограничиваю работу и личностные отношения. Если по работе я могу дать выговор и все остальное, то как бойцу, а не как человеку, переходить на войне на личное — это глупо. То есть: «Да, ты сделал ошибку, хорошо, что эта ошибка закончилась просто ошибкой, а не трагедией и не горем, больше такого не делай». Как ты будешь к человеку плохо относиться, если он пришел изначально такой же, как и ты? И он потерял, и ты потеряла что-то чтобы быть здесь. По меньшей мере, его только за это стоит уважать. Пытаться как-то обидеть человека на войне — это

глупо, и переходить на личности тоже глупо.

Отношения... Я за эти фактически три года не могу сказать ничего плохого. У мужчин есть такая «фишка», особенно на войне, у них, как у женщин включается материнский инстинкт, во многом — защищать и оберегать, у них включается инстинкт защитника. И во многом я заметила, что ребята очень часто, с которыми мы в группе работаем, они не столько уже пытаются выполнить задачу, у них параллельно включается инстинкт защитника, они уже меня защищают. Это есть и хорошо, и иногда не очень хорошо, потому что они могут отвлечься на что-то. Но, в целом, вот так и происходит. Им легче, им проще, потому что всегда с женщиной легче поговорить, легче открыться, чем с мужчиной. Конечно, о каждом из них я знаю практически все, начиная от каких-то «траблов» в личной жизни. Помимо этого, это не «уходит» никуда, им психологически легче. И психологов у нас нет, во многом их роль выполняют женщины. Особенно, если эта женщина старше и годится в мамы, как тетя Нина. Я говорю: «Тетя Нина, я боюсь знать то, что знаете Вы, просто боюсь». Человек выговаривается, ему легчает и он идет воевать дальше. С точки зрения психологии это очень и очень тяжело. На «гражданке», наверное, еще тяжелее.

Многие уходят?

Уходят с войны? Да с войны невозможно, наверное, психологически уйти, она навсегда в тебе останется. Уходит часть ребят, допустим, в ЗСУ, потому что есть такой показатель как семья, обеспечение

семьи, финансовые обязательства перед семьей и так далее. Другие уходят на время, то есть приезжают, месяц — полтора воюют, на месяц уезжают домой зарабатывать. И опять. То есть вот таким вот образом. Некоторые сидят, как я, практически безвылазно, потому что имеют пассивный доход с определенных проектов, я себе могу, условно говоря, это позволить. На самом деле нет, уходят не много, и то уходят вынужденно, в основном, потому что обстоятельства вынуждают, состояние здоровья вынуждает. И это люди, зачастую, которые если ты уже воевать не можешь — значит они помогают как могут.

То есть, из «добробатов» практически не уходят, нет такого как в ЗСУ, допустим: ты разорвал контракт, ты уходишь, и все, ты больше не возвращаешься. Нет у нас контракта, потому что и нас там, по сути, нет. Поэтому тебя никто не держит, ты сделал то, что мог, полтора — два — три месяца — полгода — год. Нужно тебе отдохнуть, нужно тебе к семье — ты поехал, необходимо — ты вернулся, посчитал нужным, возможность есть — ты приехал, помог.

На самом деле это очень хорошая политика, правильная политика, потому что есть люди, которые готовы идти воевать, но которые не могут посвятить этой войне все свое время, но они могут быть хорошими стрелками, хорошими корректировщиками. Они могут приехать научить, в первую очередь. Потом они могут приехать на месяц — полтора повоевать, потом он уехал себе, у него семья, у

него работа. В свое время это называлось «сафари». Наверное, это неправильное немножко понятие, потому что сафари — это охота на животных, а у нас здесь нет охоты, у нас война. В принципе, я считаю, что если бы такая политика была в нашей армии, то возможно, немножко по-другому была бы Добровольческая армия, которая являлась бы резервной в стране, как это есть в очень многих странах Европы, то в принципе, поставить это все «на поток» и задействовать можно, то люди были бы все полностью (призывного возраста, любого пола) знали бы, в случае чего, куда идти, где взять оружие, как скомплектоваться во взводы и роты, кто чем занимается, где встречаться, кто командир. Вот если бы так было — тогда люди, которые мне сейчас гвоорят: «Я возьму в руки оружие когда сюда придут», — их слова были бы более, чем актуальны.

Но учитывая то, что у нас этого нет и не планируется, то инициатива такая есть у «Аратты», у Дмитрия Яроша есть инициатива и законопроект о Украинской Добровольческой армии, но на данный момент или не хотят, или не могут, причины я не знаю, но такое есть, и то, что мы могли бы сделать то, что наши люди могли бы быть подготовлены, пусть бы это не понадобилось, пусть они всю жизнь бы просидели дома, на работе, чтобы у них все было хорошо, растили детей и внуков, но каждый мужчина должен знать, простите, как пользоваться автоматом, как одеть на себя бронежилет, что такое каска, как копать блиндаж, где спрятаться и где

спрятать свою семью в случае чего. Вот тогда у нас была бы и страна, и армия, на которую перед тем как напасть, нужно было бы очень серьезно подумать, чего бы это стоило. Сейчас пока что этого нет, но очень надеюсь, что когда-нибудь будет, даже если я этого не застану, возможно застанет более младшее поколение: мои племянники, мои внуки и так далее, это обязательно будет.

У Вас до войны были какие-то навыки обращения с оружием?

До войны у меня был только КМС⁸² по стрельбе, еще со школы. После школы я оружия в руках не держала.

Вы здесь школу заканчивали?

Нет, в Черкассах. Просто у нас в школе был тир, и для того, чтобы не ходить на физкультуру, можно было заниматься стрельбой, платить за это какие-то копейки и все.

А вот этот переход (Вы «волонтерили» сначала), Вы на фронт ушли или вернулись? Вот для себя, внутренне.

Вернулась. Вот даже когда оказалась в Широкино (это была осень [20]16 года), когда я там оказалась опять, вышла из машины и была короткая фраза: «Я дома», — и пошла дальше. Все, кто там был, психологически хотят туда вернуться, сознательно или подсознательно, даже если было бы совсем все страшно, совсем все плохо. Люди определенного склада характера — они созданы для войны, и эта война — она внутри их, с нее вер-

⁸² Кандидат в мастера спорта.

нуться уже невозможно, она всегда будет в тебе, пройдет 10 лет, 20 лет, 30 лет, ты об этом забудешь, не будешь ее вспоминать, но она будет тебе сниться. То есть ты всегда будешь подсознательно хотеть на нее вернуться, потому что человек, прошедший такое, особенно человек, который изначально был адреналинозависимый, как я, тут все сложилось: и адреналинозависимость, и мое желание изменить страну, и мое желание защищать свою страну, свой город, свою Родину, оно все накладывается, то есть соответственно, я ушла и я прекрасно понимаю, что пока эта война не закончится — я с нее не вернусь, точно так же, как очень-очень многие люди.

Что стало причиной?..

Дело в том, что и вопроса не стояло: идти или не идти, только началось — мы все пошли в военкомат.

Здесь, в Запорожье?

Да, я в Запорожье живу уже очень много лет, с 2002 года, когда пришла в Запорожский мед[университет], здесь и осталась. Мы пошли в военкомат и сказали всей «бандой» дружно: «Мы хотим воевать». На нас посмотрели, из категории: «Мы рады, мы сами не знаем, что с вами делать». То есть и на тот момент не было вопроса: идти или не идти, был вопрос куда идти.

Когда в мае хотелось уходить, в июне хотелось уходить, мне всегда говорили: «На данный момент ты делаешь больше как волонтер, помогаешь больше, чем можешь помогать как боец. Сейчас массовых больших потерь нет». Потом, когда

уже пошло Старобешеве, когда уже пошел Иловайск, тогда стал вопрос о наличии хорошего квалифицированного медицинского состава, вот тогда уже нужно было выбрать куда идти, поскольку в тот момент фактически все мои были в «Азове», поскольку «Азов» это добровольческий полк. То есть по сути своей изначально был [добровольческим], так и остался, туда людей не набирают. Естественно, это полк, который воевал, который сделал себе имя за счет тех людей, которые в нем служили и некоторые из них служат до сих пор. То есть в ЗСУ на тот момент я просто видела, что творится, когда было далеко неумелое руководство, ребят, можно сказать, «сливали». То есть мне не захотелось в какой-то момент просто... Умереть не страшно, вопрос только умрешь ты годно или негодно. То есть когда был вопрос, был «Донбасс» или «Азов». Решила в «Азов», поскольку просто на тот момент там было большинство из тех ребят, с которыми я прошла еще Майдан, безумное количество людей, которых я уважаю, которых я знала еще до того, потому что в «Азов» я еще до того приезжала [в качестве волонтера]. Естественно, сказали: «Оставайся», — и я осталась, вот и все.

В «добробате» есть зачисление на довольствие, или как это оформляется документально?

Особо нет. Когда мы заполняли анкеты, естественно, мы оставляли свои данные, данные родителей, если вдруг с нами что-то случится. Оставляли свои данные, какой-то там размер обуви, и все. Ты писал кто ты по профессии гражданской,

все. В «добробатах» нет доводьствия, у нас нет его в принципе, у нас нет зарплат, нам не платят за это деньги. То же самое в «Азове», не платили денег до того, когда «Азов» стал в составе Нацгвардии, тогда нас оформили, мы подписали контракты, мы получили «службовое посвідчення», мы получили определенные звания, каждый из нас, то есть там уже было все структурировано. До этого этого не было, по сути, точно так же сейчас «Аратта».

Когда Вы переходили в УДА, Вы это все сдали, получается?

Да, конечно. То есть все, не то, что только «Азов». «Азов» — это военное подразделение в составе военной части 3057. Естественно, что когда ты увольняешься, у тебя там жетон, «ксива»⁸³ — все это сдается, остается у тебя удостоверение участника боевых действий, которое, допустим, кто получил, кто не получил, ну и «витяги з наказів про присвоєння нагород», когда ты зачислен, когда ты уволен, все.

Широкино, это Вы в составе «Азова» брали?

В составе «Азова» мы его штурмовали, а сейчас в составе УДА я работаю опять.

То есть Вы в этом секторе всегда оставались, или меняли?

В этом секторе я была не всегда, но большинство времени — да, как правило в секторе «М».

В Широкино, когда его занимали, мирных уже не было, все эвакуировались?

Там последние, кого вывозили, это были 3 человека, которые очень долго отказывались эвакуиро-

⁸³ Посвідчення.

ваться. То есть, слава Богу, в Широкино при штурме из гражданских никто не пострадал, потому что их предупреждали, просили: «Ребята, выезжайте, потому что здесь будет пекло». Ну, пекло русские нам устроили, потому что мы шли без «тяжеляка», а у них было все, вплоть до «Градов».

Вы пехотой шли?

Да, да.

А БМП, БТРы? Не было поддержки?

В первый день нет. Потом у нас было два «танчика», два «мишки», и в принципе все. Мы очень надеялись на то, что нам помогут части ЗСУ, но приказа на это не дали. То есть 11, 12, 13 числа стреляли хорошо, «утюжили», не спорю, но как-то все у меня (по моей работе) было условно, там 1-2-3-4 ребят привезли раненных. Но когда у тебя проходит за день больше 60, то есть это просто «машина»⁸⁴. Они не заезжали в Широкино, ребята, мы ездили под обстрелами, только потом мы насчитали в своей машине кучу дыр от осколков, но особо на тот момент никто не заморачивался. Главное было туда доехать, загрузить раненных, потом самое главное — вывезти оттуда.

Ранений от чего больше, осколки?

В большинстве — осколочные. Стрелковой бой на самом деле нечастое явление, кто бы там не говорил, в нашем секторе это не часто. Большинство санитарных потерь (это не только у нас, а в мире вообще) это ранения осколочные, потому что разлет очень большой, поражающая способность

⁸⁴ У данному випадку слово «машина» вжито у значенні «конвеєр».

очень высокая. Да, тот же бронежилет спасет, но ты же весь в броню не оденешься, и соответственно, если пуля поражает одного человека, то осколок поражает 2-3-4 человек, как угодно, на самом деле, как прилетит. Больше было осколочных ребят, то есть контузии, осколочные ранения. Было такое, что у нас мальчика танк переехал, когда он был в машине, чудом не взорвался весь боекомплект, который был в машине находящийся.

Танк их?

Да. Вытащили, довезли, живой остался, с пластиной во лбу, но тем не менее живой.

То есть в Широкино и танковые бои были?

Ну как, танковых дуэлей не было, но с артиллерии они нас хорошо «дубасили», то есть там в основном артиллерия, хорошо «утюжили» тогда. При чем, на самом деле, очень большая заслуга Гали Однорог, это волонтер из Мариуполя, которая по сути тогда просила транспорт для того, чтоб вывозить раненных. Если бы не она, то было бы намного больше жертв среди гражданских. Она приходила к каждому и практически на коленях просила: «Ребята, уезжайте, потому что здесь будет бой». Люди некоторые слушали, некоторые не слушали. Те, которые не слушали, потом прибежали к нам в подвал и прятались вместе с нами от обстрелов. А им было индифферентно, есть там гражданские или нет, били по селу. То есть для них чем больше пострадает гражданских, тем лучше, потому что зачастую, скажем так, люди не особо разбира-

ются, откуда прилетело. А для них — мы пришли на их территорию, а они хотели в Россию, потому что большинство людей пророссийские там, и естественно, что в большинстве случаев «Раша-ТВ» показывает, что это была наша работа. Мы людям рассказываем, что у нас даже оружия такого нет. Но люди сами хотят в это верить, пропагандистская машина работает очень здорово.

У нас частенько бывает, что можно поймать российские каналы, российское радио. Я вам скажу так: посмотрите полдня российские каналы, через полдня вы Украину возненавидите, даже если Вы самый «щирий бандерівець», Вы ее просто возненавидите, настолько промывают мозги, это что-то нереальное. Люди это слышат, видят, что стреляют, значит кто, значит «укропы», потому что они пришли. А то, что мы пришли только по той простой причине, что не прийди мы — вас бы просто «отутюжили» «артой», зашли бы в город, жили бы вы не пойми как, а за любое ваше высказывание в адрес действующей власти как минимум бы хорошо «отколбасили», а то и расстреляли, об этом не говорит никто. Почему же тогда дедушки-бабушки через пункт пропуска «Пищевик»⁸⁵ постоянно ездят на «укропский» Мариуполь (как они это говорят), постоянно ездят за пенсией и за тем, чтоб купить покушать подешевле, и едут обратно.

Среди них есть замечательные люди, которых очень хотелось бы оттуда забрать, чтобы они

⁸⁵ Йдеться про КПВВ, відкритий у грудні 2015 р., розташований поблизу однойменного села Волноваського району Донецької області.

могли достойно встретить старость в Украине. И то, что мне говорят, что все пенсионеры [пророссийские] — да ничего подобного. Точно так же, как и среди нас. Возрастная категория здесь ни при чем, глупость не имеет ни имени, ни отчества, ни возраста, просто на тот момент даже те люди, которые находились там и были нейтральными, увидев всю эту разруху, увидев всю эту войну — единственное, чего они хотят, что бы это все быстрее закончилось. Но, простите, мы Рашку не приглашали в нашу страну. Да, у нас, может быть, не все хорошо, да, мы вечно выбираем не ту власть, которая нам нужна, но это наши, исключительно внутренние проблемы. И приглашать сюда страну, которая, простите, отжала у меня Крым, приглашать еще и на Донбасс, ходить расстреливать людей только за то, что они имеют проукраинскую позицию, говорят на украинском языке... Я говорю всю жизнь на русском, я украинского практически не знаю, да и в зоне АТО вообще не стоит вопрос на каком языке ты разговариваешь. Кто меня когда-либо гнобил за то, что я не говорю на украинском языке, вообще в Запорожье или в Украине? Это наигранные, надуманные вопросы. То же самое, очень многие оперировали на тот момент, считали, что вот придут «бандеровцы», всех вырежут, снегирей съедят, младенцев распнут, даже не буду говорить что светит бабушкам с эпилепсией. На самом деле, люди там во многом просто зомбированы, сначала говоря, все смеются, но просто посмотрите как это все происходит.

Это Вы про Мариуполь?

Нет, это даже не Мариуполь, я говорю сейчас про оккупированные территории. В Мариуполе есть часть людей, которые достаточно-таки нормальные, адекватные, разумные, которые прекрасно понимают (особенного после [обстрела] Восточного [микрорайона] в [20]15 году) что такое «русский мир», и они такого «русского мира» не хотят, они сидят и говорят: «Лучше пусть хоть эти сидят, — как говорится, да, есть плюсы, есть минусы в солдатах ЗСУ, — но по меньшей мере у нас не стреляют. Прийдут непонятно кто, отожмут все, что можно отжать», — если честно, никому не хочется.

Вы общаетесь с местными [жителями], или только на блок-постах, как [происходит контакт]?

Общаемся, и очень много помогаем по той простой причине, что в Широкино людей нет, там гражданских нет. Вот рядом Бердянское, Сопино, там еще пооставались люди, достаточно много. То есть что ближе к фронту, то остаются те, кому ехать некуда, что дальше — там уже народа побольше. То есть прилетает не так часто, прилетит-не прилетит. Помогаем, даже не смотря на то, что люди наглухо «застегнуты», наглухо «ватные», там есть дети и старики, потому в обязательном порядке что-то привезти и что-то дать хотя бы покушать, потому что вырастить урожай нет возможности. То есть какие-то медикаменты получить — это нужно ехать, не всегда есть возможность. Работы там, соответственно, нет, если человек не пенсионер, то взять деньги ему негде. Я же говорю, даже если ты

наглухо «застегнутый», как они были поначалу, то все равно помогаешь, все равно помогаешь, потому что по-другому ты себя просто человеком не будешь чувствовать. То есть в зоне АТО такая штука как не поделиться или оставить человека голодным или без помощи — этого в принципе быть не может. Поэтому изначально они там были против нас, это кошмар: «Вы хунта, вы бандеровцы, вы каратели». А сейчас даже детвора, когда ты заезжаешь, им что-то привозишь, они выбегают встречать, уже мы не хунта, уже мы не каратели: «Оказывается вы нормальные люди, и оказывается кроме вас, мы ни власти, никому не нужны».

Мариуполь ощущается прифронтовым городом?

Да, в Мариуполь ты заезжаешь, и даже стоя в центре, ты можешь услышать как у нас там в Широкино громыхает. Сейчас уже такого нет, как в [20]15, сейчас люди уже привыкли, то есть такая страшная штука как привычка у них есть, для них уже «бухает» значит «бухает». То есть они, живя в постоянном «напряге», будут штурмовать город, этот несчастный Мариуполь, или не будут (уже два года это длится). То есть им уже стало абсолютно индифферентно, вот именно для большинства, это «серая масса», им уже лишь бы не среяли, а кто тут будет — одинаково. Вот это безразличие играет [свою роль]. Но в принципе сейчас, в отличие от [20]14, [20]15 года, в Мариуполе, фактически кроме как на окраинах, где вы видите блокпосты, не ощущается, что это прифронтовой город, люди живут как и жили, детки, школы — все функционирует,

функционируют кинотеатры, какие-то ночные клубы, торговые центры и так далее. Единственное, что выдает, это большое количество людей в форме, вот и все, но и к этому мариупольцы уже привыкли.

А вот сами солдаты, которые думают о конце войны, в реальности верят, что мы выйдем на границу, или мы будем стоять по этой линии разделения? Ведь с той стороны Россия, их авиация...

Понимаете, я Вам скажу так, если сюда придет авиация и будет картина о второй сирийской кампании, которую мы сейчас наблюдаем, то Украины не будет, мы не выстоим. Что такое авиация, к сожалению, каждый из нас знает.

Вот поэтому и вопрос, как наступать?

Поэтому потихоньку, медленно, но верно забирать свои территории, это будет не месяц, и не два, и не год. Просто потихоньку доводить до конца, как можно меньшей кровью. Потому что кинуть всю армию туда можно, но мы захлебнемся в собственной крови. Да, мы их выбьем, возможно, отчасти, не забываем о том, что там сидят далеко не глупые люди, которые тоже прекрасно понимают толк в военном деле, и у них, в отличии от нас, шансов еще меньше, они еще более дикие, еще более озлобленные. Озлобленные по той причине, что если это российский офицер, приехавший сюда «в отпуск», то он себе отработал и уехал домой в какой нибудь Оренбург к жене и теще. А если он «ополченец», который из Донецка, который воюет с [20]14 года, то он просто понимает, что если сюда

*У військовій формі.
Фото опитуваної*

придем мы, в живых его, скорей всего, грубо выражаясь, никто не оставит, в лучшем случае его посадят. Ехать туда ему — он там никому не нужен, реально. Он нужен России? Нет. «Кто ты?». «Ополченец?». То есть, ты продал свою страну?». Посмотрите на отношение к крымчанам, особенно посмотрите на отношение российских кадровых военных к украинским военным, которые им сдались⁸⁶. Уважения там нет никакого, а понятие офицерской чести есть у всех

абсолютно, без исключения, независимо от того, в какой стране ты находишься, к чьей армии принадлежишь. И отношение к таким людям будет соответствующее. И вот там они будут драться до последнего, потому что идти им больше будет некуда. То есть если мы пойдем нахрапом, мы будем иметь слишком большое количество потерь, но и отдавать Донбасс на условиях, каких хотят они, с референдумом о присоединении к России, простите, никто не будет. Там слишком много осталось людей, которые не смогли выехать. В конце-концов, это наша земля,

⁸⁶ У даному випадку слово «сдались» вжито у значенні «перейшли на бік супротивника».

почему я должна кусок нашей земли кому-то отдавать? Почему я должна отдавать часть квартиры, в которой я живу, неизвестно какому дяде, который сюда пришел? Не хочу и не буду.

По Вашим ощущениям, вы воюете с российской армией?

Сейчас да. Это организованные люди, которые понимают толк в своей работе. Даже штурм Широкино — против нас воевали дилетанты, такие же, как и мы, такие же добровольцы, только с их стороны, которые не умели фактически ни черта. И когда туда зашли российские кадровые военные, изменилось все, начиная от стиля переговоров, заканчивая тем, как они начали стрелять, как они начали попадать «артой», их научили, и конечно же, я знаю прекрасно, кто у меня стоит в моем секторе, какие российские подразделения там стоят. Да, там есть добровольцы, но их, как и нас, практически не осталось там (тех, идейных). Скажем так, товарищи, которые выступили за «русский мир», за «русскую весну», они уже или ушли, или на том свете. То есть сейчас там уже четко, красиво, толково сделано, даже если судить по их укреплениям, по их блиндажам. Если их учит вояка, который всю жизнь этим занимался, особенно имеющий практический боевой опыт, то он сразу видел, правильно построены укрепления, правильно ли построены блиндажи, позиции. И тут же вспоминается [20]14 год: «Да какие блиндажи, вы что, нам окапываться что ли? Тормоза придумали трусы, и окопы тоже», — и мы идем в полный рост. Сейчас там в полный рост

никто не ходит, то есть сейчас мы тихо планомерно вгрызаемся, потихоньку-потихоньку, и должны мы так делать.

Все кричат: «Вот дайте нам приказ, мы будем...» Ребята, у вас в руке данный вам приказ, с чем вы будете воевать? С недоукомплектованной армией, даже сейчас? Нет. С добровольцами? Да, мы пойдём, нам это не тяжело, нам-то там не страшно это сделать, вопрос: а толку с этого? То есть, нашу территорию мы будем отвоевывать постепенно. Это будет и нам меньшей крови стоить, и меньше энергозатрат, человеческого ресурса. И это будет правильно, нужно потихоньку, мы все-таки их выдавим.

Если же будет сценарий того, что Россия введёт войска — скажем так, в зависимости от того какие войска она введёт. Если это будет авиация, то будет совсем-совсем туго, если это будут наземные⁸⁷ войска, ну будем надеяться на то, что наша армия все-таки выстоит. Потому что это все-таки не [20]14 год, ребята уже подготовленные, ребята уже наученные, у них уже есть чем стрелять, как стрелять, они знают что для этого нужно сделать, уже как-то налажены коммуникации между службами ЗСУ, и не только ЗСУ, а вообще. Уже какая-то координация в каждом секторе в штабах проходит, а не так, как это было в [20]14 году, бегают и не знают за что взяться. Нормально научились воевать, вот соответственно тогда уже будем отбиваться.

⁸⁷ У даному випадку слово «наземные» вжито у значенні «сухопутные».

А заходят ли их ДРГ? Они постоянно в своих новостях [сообщают]: «украинская ДРГ, украинская ДРГ». То есть это все фейки или ходят туда-сюда? Наши перестали об их ДРГ показывать, раньше было, были подрывы в Запорожской области...

Как Вы думаете, заходят ли их их ДРГ? Ходим ли туда мы?

Наши ходят, показывают и видео, и все. А их?

Я не знаю, я не знаю. Вы задаете те вопросы, отвечать на которые я не могу. Вы же сами можете сделать абсолютно логичный вывод, на войне разведка работает тоже — и их, и наша.

Просто я представляю линию фронта [как это было раньше], сейчас же она разорвана, получается, в основном блокпостами идет...

Вот давайте, к примеру, вы живете в Запорожье — я тоже, каждый из нас знает каждый блокпост, учитывая как мы знаем Запорожье, объехать можно не одним и не двумя путями, каждый знает свой район, где он живет, как свои пять пальцев, особенно если он там вырос. Естественно, есть люди, которые на той территории жили...

[У респондента звонит телефон, коротковывала пауза].

Естественно, что каждый человек, особенно будучи местным, знает всю местность, знает как что обойти, это вполне естественно.

У вас есть местные в УДА?

Есть ребята с Мариуполя, со всей Украины есть. То есть нормально в принципе, наш состав не есть

секретом, можете это все найти на сайте. Где мы находимся — тоже секретом не является.

[У респондента повторно дзвонить телефон, короткотривала пауза].

Поэтому ни количество, ни то, где мы, ни то, что мы делаем, ни для кого это не является секретом. Потому что мы, мое подразделение, которое только воюет, мы же не занимаемся никакой деятельностью на привлечение, я не знаю, то есть мы не занимаемся ни «отжимом», ничего. Мы не влазим в политику, мы не влазим в какую-то «межгалактическую дележку», нам это не интересно. То есть у нас собралось сорок людей, каждый из которых пришел просто защищать свою Родину, свою землю, больше нас не интересует. Ни большая политика, которая играется в Киеве, мы заняли четкую нейтральную позицию, так как должны это делать воины, мы не собираемся в какую-либо партию вступать, нам это не интересно, по меньшей мере я говорю за тот состав, который я знаю, и за своих командиров. Как говорит мой комбат⁸⁸: «Ви, — каже, — сюди прийшли вигнати цих москалів к чортовій матері з нашої землі, все, більше я нічого не хочу. Потім, — каже, — я приїду додому і буду ростити дітей, все». То есть ну не интересна нам политика, этим должны заниматься те люди, которые в этом квалифицированы.

Опять-таки, когда говорят, что вам бы ваших сыновей, детей политиков, отправит бы на фронт.

⁸⁸ Йдеться про командира 8-го окремого батальйону УДА «Аратта» Андрія Гергерта (позивний «Червень»).

Да на какой черт они нам там нужны, простите, пожалуйста. Нам нужны люди, которые готовы воевать, «шлак» нам там не нужен, поэтому не надо, пожалуйста, как говорится, рекомендовать детям политиков и самим политикам приходиться воевать, они нам будут лишним грузом, вот и все.

Вам не приходилось общаться с противником?

Да, приходилось.

О чем они говорят в первую очередь?

О чем они говорят в первую очередь... В первую очередь они просят не стрелять, они зачастую (то, с чем сталкивалась я) это люди абсолютно или психологически сломлены, или «застегнутые», вот и все. То есть они настолько зазомбированы, что трудно переубедить в том, что ты сейчас не будешь его [убивать]. Особенно по [20]14 году было такое: «Пацаны, только не ешьте нас». Вот это была фраза, которую слышали ребята из 93-й бригады, когда взяли двух «замечательных» десантников из России. Те на них смотрят, потом просто начали смеяться, истерически хохотать. При чем: «Ребята только не ешьте нас», — до такой степени нужно было промыть людям мозги, чтобы они в это поверили. Говорят: «Ребята, вы что втирали там?» Этот: «Ты что, — говорит, — на русском языке говоришь?» «Я как бы всю жизнь на нем говорю». Когда они уже соображают (особенно по 2014 году, очень многие из них), что на самом деле все не так, как им описывали, тогда у людей происходил психологический надлом. Многие из них шли за идею, не поверите, за то, чтобы защищать от фашистов

население Донбасса, именно от фашистов — тех, которые были во Вторую мировую, которые занимались карательными операциями, которые сжигали деревни, я не знаю, маленьких партизан вешали и так далее. Вот у них четко это было: «Фашисты, убийцы детей, убийцы женщин, убийцы стариков». Но простите, конечно, за все время моей войны (а увидела я многое) такого я не видела. Мало того, у нас есть жесткие законодательные пункты обращения с пленными. И простите меня, их никто не бьет, с них никто не издевается, они просто, когда ты их взял в плен, передаются определенной структуре, все. Да, если он оказывает сопротивление, ты можешь в мерах разумного это сопротивление пресекать, ну никто не занимается ни садизмом, ни каким-либо рукоприкладством. Грубо выражаясь, по голове дали, ну что, ну немножко рассекли бровку, к примеру, медика позвали, заклеили пластырьком, все. То есть это максимум, что я видела. Остальное — никто никого не бил и никто ни из кого не издевался.

Есть наши, которые возвращались из плена?

Конечно есть, их масса, сами знаете.

Они сейчас служат в АТО?

Вернулись, да, есть многие, которые возвращаются. Скажем так, с пленными там совсем другая ситуация. Если мы имеем в виду классический плен... У меня есть коллега-медик, который после Иловайска был в плену, вернулся, воюет до сих пор. Есть люди, которые... Вы же не забывайте, плен-плену рознь. То есть то, что в плену с нашими

ребятами делали — я их, честно, никогда их не считаю людьми, потому что я насмотрелась на ребят в Мечике⁸⁹, которые поступали после плена.

Я видела как мы берем в плен, это две большие разницы. То есть у нас нет этих издевательств, у нас люди как-то к этому [по-другому относятся], у нас скорее даже начинают их жалеть, понимаешь, то есть чисто наша украинская ментальность, как только он [оказывается] без оружия, я всегда говорю: «Он мой противник, но если он без оружия — он перестает быть противником, он пленный, соответственно с ним будут работать те, кто на этом специализируется». Твоя задача, просто его живого, целехенького и невредимого передать, все.

Я видела, что в плену, в том же Донецком [областном управлении] СБУ делали с нашими ребятами, это [не идет ни в какое сравнение]. У меня есть одно желание, с такими людьми, кто такое делал, нет, не поступить точно так же, абсолютно. Просто их хорошенечко и на долго посадить. Потому что даже смерть для них была бы слишком замечательным выходом из ситуации. То есть я не могу сказать, что это люди. У меня язык не повернется сказать, что это люди. Такие вещи люди не делают, таких вещей даже животные не делают. Такие, когда нам отдавали тела, и на этих телах не было живого места, на этих телах были отрезанные уши, на этих телах просто... Дальше рассказывать не буду, но поверьте, хоронили их в закрытом гробу. Это те ребята,

⁸⁹ Йдеться про Дніпропетровську обласну клінічну лікарню ім. І. Мечнікова, яка спеціалізується на хірургічній допомозі.

которые после штурма Широкино в плен попадали, по чистой случайности выходили, их (добровольцев) никто в живых не оставляет никогда. То есть вот единственный «добробат», который остался в живых, допустим после Иловайска, это батальон «Донбасс», ни один доброволец полка «Азов» или «Аратты» в живых никогда не будет оставлен. То есть почему у нас ребята, находясь на передовой, всегда носят с собой гранату, граната — классическая «эфка»⁹⁰ у каждого, зачастую у каждой из них есть свое имя. То есть это та последняя граната, с которой ты спишь, с которой ты ходишь, с которой ты ешь, с которой ты из блиндажа выходишь, извините, в туалет и т.д. и т.п. Она не для противника, она для себя. Потому что прекрасно знаем, что лучше так, чем тебя возьмут в плен. Там тебя все равно в живых не оставят, поэтому вот так есть. К этому уже все привыкли. У меня на гранате написано коротко «План Б», и все. Ты с ней живешь, она становится частью тебя, точно так же как волосы часть тебя.

Бывают ли передачи пленных на местном уровне?

Нет, этим всегда занимаются соответствующие структуры. Я знаю, что по [20]14 году что-то подобное было, тогда еще, сейчас такого нет. Сейчас передача происходит при участии СБУ, при участии ОБСЕ и так далее, на местном уровне мы не имеем права такого делать и не должны так делать, потому что мы людям работу просто «перекрываем», они

⁹⁰ Идетесь про ручну протипіхотну оборонну гранату Ф-1.

на это квалифицированы. Наша задача выполнить военные приказы, и не надо нам лезть ни во что другое, это правильно. Ты пришел медиком — вот и выполняй свою работу, все. То есть [тех, кто пытается] пленных, я же говорю, что я никогда не буду считать определенных людей людьми за то, что они сделали.

Бывает ли, что противников видно [невооруженным глазом]?

Да, бывает. Бывает видно в бинокль, бывает видно невооруженным глазом.

Это всегда бой, или увидели и все?

Ты не будешь стрелять, пока тебе не дадут приказ, о чем речь. Ты можешь видеть противника хоть вот так возле себя, если он не стреляет — и ты не стреляешь, без приказа ты стрелять не будешь. Это нормально, это дисциплина называется. Никто не ходит и не: «Ребята, давайте подвигуем, а?» — или: «А пошли с тобой возьмем автоматы и насыпем». Нет, о чем Вы говорите. Есть приказ командира, есть приказ стрелять — стреляем, нет приказа — наблюдаем, все. Потому что, может, кто-то проводит какую-то спецоперацию, может это наши. Может, это, допустим, наша разведка пошла, мы этого не знаем, нас в такие вещи не посвящают. Нам сказали — мы можем открывать огонь, не сказали — не можем, все. Так что с этим тут совсем просто, «самодеятельности» у нас там нет.

Ваше отношение к этим, как это называется, «пункти перетину»? Ведь проезжают не только местные, наверное, да, там же наверное ездят?..

Ездят.

...и разведка, и все это.

Ездят конечно.

Вот, на Ваш взгляд, надо закрыть полностью, или нет, Ваше отношение?

Я думаю, скажем так, закрыть полностью пункты — это означает лишить большое, огромное количество людей, способов выжить. Нам не нужно закрывать пункты, нам нужно ужесточить их контроль и все. Скажем так, поставить там достаточно квалифицированных людей для того, чтобы, ну опять — тут должна быть система электронная, которая проверяет, сканирует и сверяет с базой данных, которая есть на тех же боевиков и так далее. Потому что зачастую у каждого из них есть страница в соцсети, и если даже у него нет, он появляется на фотографиях. Естественно, что определенные структуры в нашей стране крайне неквалифицированы и не понимают как это делается. Просто, опять-таки, это финансирование, это государство, это определенная программа — это будет не скоро. А просто взять и просто перекрыть их — это означает, что детей, стариков, женщин лишить возможности вы-жи-вать. То есть у многих там родственники, у многих там родители, кто-то живет на оккупированной стороне, то есть это не вариант, любые, скажем так, кардинальные вот такие вот действия в нашей ситуации это не есть хорошо. Мы скорее добьемся усугубления ситуации и там люди будут до последнего стоять, когда мы будем приходить туда.

Да, ездят боевики, я не спорю, но их в процентном соотношении намного меньше, чем людей, которые едут в тот же Мариуполь, видят, что город живет нормально, что там стало жить лучше. То есть это те люди, которые приезжают с оккупированных территорий и видят, что тут не звери живут, что эта страна как-то развивается, что эта страна платит, не смотря на все, им пенсии и какие-то социальные выплаты. Для них это должно быть просто примером другой жизни, потому что это маленькое такое окошко, через которое они могут видеть, как может быть по-другому. Потому что без поддержки людей, ну хорошо, завоюем мы эти территории, пусть кровью, пусть там положат всех нас, ну все, мы дошли до границы, Донецк обнесли стенкой, Сеня⁹¹ все деньги все-таки не украл и может-таки на проволочку хватило.

Окей, а дальше что? Мы получим детей, которые еще три поколения минимум будут нас дико ненавидеть, будет партизанщина, будут плевать в спины нам, ты будешь идти по Донецку в военной форме и ночью тебя будут пытаться «посадить на перо», все. И ты никак эти ценности, которые есть у тебя, им не принесешь, потому что у них сразу будет отрицание этих ценностей, потому что будет страх, будет ненависть. А так, скажем, да, это дольше будет, но это будет меньшей кровью, а поверьте мне, ни одна замечательная идея, ни один лозунг

⁹¹ Йдеться про тогочасного прем'єр-міністра А.Яценюка та його проект будівництва стіни на українсько-російському кордоні, який в народі став символом колосального рівня корупції.

политический, программа — оно никогда не стоит жизни, жизни ребенка, жизни женщины, жизни старика. Я не говорю за солдат, то есть мы свои жизни отдаем для этого, мы туда для этого пришли. Как говорил: «У нас есть одна задача — защищать Украину, единственная прерогатива — умереть за нее», — все. Жизни и здоровья ни одного ребенка, любая идея, она того не стоит, как и сломленных жизней ни одна идея не стоит.

Те, я Вам так скажу, кто достаточно долго воюет, все одного мнения: война — это война, вот мы воюем, выкиньте, как я часто говорила: «Выкиньте нас чистое в поле, сведите две армии, и кто кого. Чтобы вот те люди, которые там, чтоб они не страдали от этого». Самое страшное, что может быть для человека, для гражданского человека, это война, которая рушит все, делит его жизнь на «до» и «после».

Мне приходилось с такими людьми общаться, всегда будешь в этом виноват ты, потому что он тебе скажет: «А я всего лишь жил там, я всю жизнь копил на этот дом и всю жизнь его строил, вел какое-то хозяйство. Вот вы пришли, это ваши разборки, я тут при чем?». И ты, в принципе, по сути, все твои идеи, все твои идеалы, вот ты такой классный, такой идеологически подкованный, но когда стоит, вы меня понимаете, бабушка с дедушкой, которым уже за 80 лет, уже под 90, которые уже одну войну видели, они смотрят и говорят: «А как нам жить дальше?». А ты стоишь, и ты со своими идеями, извините, просто обосранный, и ты не знаешь что

им ответить. Действительно, как им жить дальше, потому что мы пришли, мы разрушили, вот и все. И страдают, я же говорю, минус войны, огромный минус, кроме того, что там фактически нас калечат и убивают, страдают те, которые страдать не должны, страдают невинные люди. Поэтому наша задача не допустить войны больше нигде. Не только там, допустим, выгнать их из Донецка, выгонем, догоним их до «нуля», но и сделать так, чтобы вот у нас в Запорожье, в Бердянске, в Токмаке, неважно где, никто нигде и никогда не знал что такое война. Для этого люди на войну идут, а не для того чтобы принести медальку, УБД, социальные льготы и «клаптик землі», Господи прости.

«Сейчас мы с недавних пор стали добровольческим подразделением со всеми своими плюсами и минусами. Минусы в отсутствии зарплаты. Но опять же, у меня нету ни жены, ни детей. ... Мы деньги не получаем. Взамен мы имеем свободу. Мы не строим планов утром и вечером. Если сегодня на Широкино спокойно, а на Марьинке война, то мы на Марьинке, а не на Широкино. Мы свободные люди».

Ім'я: **Олексій**
Рік народження: **1990**
Статус: **солдат**
Добровольчого
Українського Корпусу
«Правий Сектор»
Інтерв'ю записане
М. Павленком
25 січня 2017 р.
Поточний архів проекту.
Ф.29. Оп.1. Спр.42.

Назовитесь. Как Вас зовут?

Алексей меня зовут, позывной «Бродяга».

Расскажите немного о себе, о довоенной жизни.

Мне 27 лет. Я родился и жил в городе Донецке. Как все: в школе учился, в техникум ходил. Потом на СТО работал, гайки крутил. А потом началась война и я попал добровольцем в «Збройні сили України» — 55-ю артиллерийскую бригаду.

Расскажите, как проходило Ваше детство?

Детство? Да нормальная у меня семья, полная (мама, папа, сестренка). Вот, нормальная жизнь была.

Чем занимались?

Отец мебель делал, в военном запасе. Мама в госпитале военном работала. Вот. Когда война началась...

Военных не было в семье, кроме отца?

Все военные.

А, и мать тоже в госпитале, да?

Кроме меня, были все военные.

А Ваше мировоззрение [как формировалось]?

Нет, вообще никак. Оно меня не колыхало, если честно. Я даже от службы когда-то в свое время «откосил»⁹², специально, потому что я не хотел служить в армии. И у меня еще дед (Царство ему Небесное) и отец постоянно «кошмарили». Говорили: «Вот, ты в армии не служил!». Вот и меня армия не обошла. В [20]14 году в августе приехал в Запорожье.

Расскажите, как Вы попали в 55-ю бригаду? Ведь на то время Донецк был уже оккупирован.

Да, это был август месяц, 5-е число. И я поехал в город Мариуполь, уже тогда освобожденный. Приехал в мариупольский военкомат. Говорю: «Доброволец, мобилизуйте». Тогда как раз 3-я волна шла. Мариуполь тогда не имел таких прав и полномочий, они не мобилизовали, потому что Донецкая область.

И мне сказали отправляться либо в Днепропетровск, либо в Запорожье. Они мне напишут сопроводительное письмо. И мне написали это письмо, что просят рассмотреть такого-то кандидата в добровольцы в Запорожье, в областной военкомат.

И я опять вернулся в Донецк с этим письмом, в трусах, собрал «шмоточки» свои чуть-чуть, сказал маме, что я поехал к куму ночевать и покатил в

⁹² Знайшов можливість не служити.

Запорожье с этим же письмом. И когда я приехал в Запорожье, произошла одна большая «фигня». Я перепутал областной военкомат почему-то с коммунаровским⁹³. И коммунаровский военкомат меня определил в 55 бригаду. Хотя нужны были люди тогда в другие бригады. 3-я волна⁹⁴ как раз шла и я бы мог в какую-то бы, например, 93-ю [бригаду] и отправиться сразу же, через месяц в Иловайск.

У Вас не было цели попасть именно в какую-то конкретную бригаду?

Нет, никакой цели не было. Была цель попасть в армию, чтобы убивать «косорылых», которые мне уже в печени на то время сидели. Они...

Какой-то тяги не было в добровольческий батальон пойти?

Мама ж к «Збройним силам» тоже «відношення мала на той час». И как получилось. Я долго ходил, долго смотрел, что там. Я решение принял пойти воевать, когда первый раз увидел именно российских военных и технику. Пока там стояли вот эти вот — «шушара» — вот это вот они меня не интересовали. Только я увидел, что техника заходит и именно военные российские, я тогда уже решил, что это все надолго и пора мне сторону выбирать, я выбрал эту.

До того Вам «сепары» предлагали перейти на их сторону?

«Сепары» всем в Донецке все предлагали.

Расскажите, как это происходило.

⁹³ Комунарський район — один з районів м. Запоріжжя.

⁹⁴ Третя хвиля мобілізації до Збройних сил України (24 липня — 6 вересня 2014 р.).

Как? Агитировали, ходили люди специальные, приглашали вот, в частности в «Оплот»⁹⁵, молодежную организацию чи спортивную, как она правильно. Вот так все равно, что боевиком стать. Получаешь оружие, если в армии служил, сразу получаешь оружие, если не служил, через месяц получаешь оружие и «шаришься» по городу, как все эти «слоны». Непонятно чем занимаешься, грабишь там, еще что то делаешь.

И что обещали за такую деятельность?

Обещали какие-то деньги платить, я не уточнял, потому как мне неинтересно было. Я такой вариант не рассматривал.

Это Вам какой-то знакомый предлагал?

Они заломились в госпиталь, в тот госпиталь, где мама моя работала. Их [медперсонал] там избили,

Пограбування супермаркету «Метро» в м. Донецьк (травень 2015 року). Фото Коментарі.UA

⁹⁵ «Оплот» — напівмілітарна організація сепаратистського спрямування. У 2014 р. трансформувалася у батальйон терористичної організації «ДНР».

выгнали и сделали там себе учебный центр. После этого я как бы сторону уже однозначно выбрал. Нельзя так делать, нельзя маму обижать. Я не то, что бы большой прям патриот, я до сих пор не считаю себя патриотом, но нельзя мою маму обижать. Патриотизм патриотизмом, но именно из-за этого я пошел. Ну, и потому что они надоели уже все очень.

Надоели вот чем именно, можно какие-то конкретные примеры?

Всем надоели.

Как вообще происходила оккупация Донецка?

Вот представьте себе мегаполис, город, огромный богатый город, где живет официально миллион, а неофициально два миллиона. Где все хорошо, у всех есть работа и у меня в том числе, любимая. И тут вот происходят вот такие от вещи: «референдум», какие-то люди непонятные. Поначалу, кстати, очень много было непонятных бородатых людей, они потом постепенно менялись и менялись на местных, чтобы это так в глаза не бросалось, но было, я видел «дофига» наемников с далеко не с советским оружием. Так сказать, много было интересного.

Вот и у меня, получается, из-за этого всего вся жизнь под откос пошла. То есть у меня все было нормально. Я жил себе красиво. Зарабатывал пусть немного, но 8 тысяч гривен своих. Я не был женат и мне этого хватало вполне, машина у меня была, мотоцикл. Все у меня было отлично. И здесь вот такая вот «фигня».

Город начал...То истребитель летал, то еще что-то, потому люди начали уезжать. Я свой дом не узнаю. Из любимого города превратился в какую-то дыру помойную. Какие-то лезят. Они ж поначалу бесконтрольные были, все вот эти «ополченцы», они куда хотели стреляли, где хотели «бухали» и что хотели делали. При мне «выставлялся»⁹⁶ автосалон «БМВ». Видел, потому что моя работа по соседству находилась. Очень много было всего такого.

То есть, грабили такие крупные предприятия?

Разные они предприятия грабили, они вообще грабили все поначалу, все что можно было грабить. Пока у них не было определенной системы контроля, пока они были на таком уровне.

К гражданским как они относились, к местным жителям?

По-разному. Там тоже как бы разные эти «ополченцы» были: кто-то на всю голову больной, кто-то адекватный человек. Но это все уже нюансы.

В какой момент вошли именно российские военные уже?

Я вот увидел первого где-то 2-го августа, на блокпосту я его увидел. И видел еще на станции железнодорожной Ручникова, выгружали танки «семьдесятдвойки»⁹⁷. Я так чуть-чуть знаю, что у нас «семьдесятдвоек» не ахти и сразу понял, что «кацапы».

Я Грузию помню до того (2008 год) — как это все происходит. Я сразу: «А, понятно». Вот я один из немногих, кто считал, когда это все начиналось, что Украина это все не спустит. Потому что Крым

⁹⁶ Тут: був пограбований.

⁹⁷ Т-72.

Крымом — там немножко другая была ситуация. А я видел, как у нас разворачивается в Донецке ситуация в частности.

В событиях Майдана Вы принимали участие, не принимали?

Нет.

Как относились?

К Майдану? Та нормально относился. «Презик» и меня, пожалуй, достал. Но так, чтобы прям проникся я этой идеей, то нет, на тот момент нет. Я себе работал, крутил гайки. Когда был Майдан в Донецке, было как бы спокойно. Единственное, я видел, что куча «мусоров», «Беркута» едет из города в Киев, вот прям автобусы ночами. Я иногда таксистом подрабатывал, видел часто автобусы едут с «Беркутом» туда, на киевское направление.

Попал в 55-ю [бригаду], как дальше началась Ваша жизнь? То есть, семья осталась в Донецке, да?

Да. Попал в 55-ю. Я уже стою в форме в строю, позвонил домой. Говорю: «Я вот в армию пошел».

Как родители восприняли?

Да нормально восприняли. Они до этого подозревали, что я куда-то «ломанусь».

Попал я в 55-ю. Сначала я попал в батарею управления. Это, короче, такая батарея, у которой нет оружия, которая занимается, должна как бы заниматься, связью. Но она занимается погрузкой снарядов. Вот и я попал как-то в эту батарею, не знаю почему.

Кто куда попадает в 55-ке во время 3-ей волны определяли вообще случайным образом. Ты стоишь

в очереди, заполняется первый там гаубичный дивизион допустим, второй, все — пушки кончились, пошли дальше грузчики, ремонтники и так далее. И ты так в порядке очереди и все равно. Поэтому у нас в батареях, можете посмотреть там на фотографии, в боевые батареи попадали всякие старые, в РМЗ⁹⁸ попадали десантники, танкисты. В общем, это все было очень ужасно «безалаберно». «3-тя хвиля», что вы хотите? Это как раз «котел» Иловыйский назревал уже и поэтому никто там сильно не разбирался, когда там определяли должности.

Вы долго пробыли в батарее управления?

В батарее управления я пробыл где-то месяц. Та и то, не месяц, меньше. Я знаю, что вернулись вторая гаубичная [батарея] с третьей [батареей], разбитые под Старобешево. И у них после этого события было очень много людей, которые не желали больше ехать в АТО. Очень много всего страшного пережили. Комбат нас построил, говорит: «Желающие в АТО?». Я ж сразу, слава Богу, только не грузить снаряды. Шаг вперед и еще со мной около 8 человек из батареи управления, я сейчас вообще не помню.

Всё. Из нас сделали расчет огневой на гаубицу 2А65. Мы стали доблестным 4-м орудием и в составе 2-ой гаубичной батареи поехали 1-го сентября под Волноваху и Гранитное (есть такое, такой населенный пункт на Кальмиусе). Там отработали месяц. Я с орудия, кстати, сразу... Я изучил орудие и меня перевели в пулеметчики, в охрану батареи. Когда

⁹⁸ Ймовірно, рота матеріального забезпечення.

батарея на огневой [позиции], мы немножко выдвигаемся вперед, в кольцо садимся, в секреты, чтобы там её на случай никто не обижал. Ну, её никто не будет обижать, потому что мы стреляем на 20 км. То есть, перед нами еще войска наши есть.

Ближнего боя не было?

Тогда нет, тогда не было.

Не приходилось, да?

Месяц мы пробывали в Волновахе, приехал такой (или он не приехал, или распоряжение пришло — я уже не помню) полковник. Сказал, от каждой батареи по два человека, которые будут управлять огнем в донецкий аэропорт, добровольно. Никто не заставляет — по два человека. С нашей батареи я вызвался и «Борода»⁹⁹ (Вы с ним знакомы). И мы вот так с ним попали. И мы отправились через некоторое время туда с «Бородой».

Какая-то подготовка была перед отправкой в АТО?

Немножко побегали возле штаба в разваленном здании, поучили технику боя внутри здания. Опять же ничего, чтобы оно мне пригодилось там. Все равно там все делалось по-другому. Все иначе выглядело, чем представлялось.

Какие были ожидания в тот момент?

Да не было никаких ожиданий, страшно нам было с «Бородой», страшно. Я вообще первое место, куда попадаю воевать, [по-другому представлял]. А то, что непосредственно в такое, в такой бой попа-

⁹⁹ Інтерв'ю з Віталієм «Бородою» опубліковано в збірнику: Усна історія російсько-української війни (2016-2014 рр.). Вип.2. Київ: К.І.С., 2016. С.450-366.

даешь, тогда это уже совсем по-другому все воспринимается. Ты стреляешь за 20 км с гаубицы, тебя никто в ответ не обижает. Может быть, рядом прилетит. И то, если успеют навестись. А там совсем другое было.

Повторюсь, я пошел добровольно, мне было интересно. То есть, такое испытание пройти. Я не надеялся в аэропорт попасть. Потому что аэропорт для меня на тот момент был, как и для многих других, точкой, где какой-то ад. Как по телевизору его тогда показывали (страшные бои, гибнут люди). И ты уже как бы уже высаженный «на измену»¹⁰⁰, уже едешь заранее уже подготовленный. Не наоборот — у тебя поднятый боевой дух [как должно быть]. А наоборот ты уже как бы запуган всеми кому не лень: те, кто оттуда вернулся, когда была там наша подготовка к заезду, офицеры там. Волновались все.

Мы с «Бородой» попали в такой сводный отряд добровольческий. Там мы на БТРах туда заезжали, было очень много нас из разных бригад. Вот мы двое из 55-ой, были с 28-ой хлопцы. То есть тогда, я так понял, в октябре месяце, начало октября это было. Тогда, я так понимаю, дефицит людей был в аэропорту, что туда пускали всех подряд. А мы отправились именно по боевой задаче от штаба артиллерии управлять огнем. И были такие ребята, я помню, что руками и ногами в БТР упирались. Уже на выходе на терминалах не хотели вылазить. Дороги одной не выдерживали. Дорога прикольная.

¹⁰⁰ Сильно нервуеш.

Расскажите детально, как вы въезжали туда, что с собой везли? Потому что «Борода» говорил, что вы везли с собой целые баулы.

Да, привезли целые баулы. Потому, что «Борода» всегда считал, и я его слушал, что давай будем брать все. А там будем разбираться, что нам надо, а что нет.

Второй заход — я уже когда ездил и у меня был рюкзак не больше этого, и все. Тогда мы поехали, как цыгане. У меня была лично такая клетчатая сумка, огромный рюкзак и там...что там только не было. Прикол в чем в заезде? Что ты едешь по взлетной полосе, на которой расположены три здания, вдоль которой диспетчерская вышка, новый терминал и старый терминал. Вот, остальное все чужое на тот момент было. Это я не помню, врать не буду. Вот. И весь этот маршрут по взлетной полосе от Песок до взлетной полосы. Только ты выезжаешь на «взлетку», только она начинается — сразу начинают по нам стрелять со всех кустов. То есть, заходишь с боем, по броне стучит, пули прям стучат по ней, ляпаются мины рядом, враг пытается попасть по «коробкам»¹⁰¹, потому что они едут перед носом. Это вы можете увидеть в «Ютубе», там «сепарские» видео есть, как мы заезжаем. Это самое страшное, пожалуй, — дорога туда и назад. Потому что приходится на улицу выходить.

Когда уже приехал, ты уже в здании. Здания там, слава Богу, были крепкие. Не считая старого тер-

¹⁰¹ Коробка — БТР чи БПМ (військовий жаргон).

минала (он был кирпичный), а так это был бетон. Тогда, в октябре 2014 года, здания были сильно, конечно, повреждены, Но не так, как я, допустим, в декабре вернулся. Я «обабдел», не узнал «вышку» вообще. Очень быстро это все происходило.

Вы приехали в вышку первый раз?

Первый раз мы с «Бородой» приехали на «вышку».

А должны были?

Должны мы были, вроде как, отправиться в старый терминал сразу. Но опять же мы когда только покинули батарею, с нами начали происходить разные вещи непонятные. То мы туда едем, то мы туда не едем. То этот командир сказал это делать, этот командир сказал то делать. И какой-то умник подумал, что [мы все-таки] корректировщики, решил нас посадить на высокое здание. В принципе логично. И мы туда и попали. Хотя, потом я позже расскажу, все-таки пришлось в старый терминал поехать.

Когда мы попали на «вышку», там стояли десантники 79-ой аэромобильной бригады. Мы вылезли из БТРов, схватили ж эти свои баулы и побежали в эту вышку. «Стрелкотня» такая, я думаю представляете себе хоть чуть-чуть, что это такое. С разных сторон стреляют, ты прикрываясь коробкой БТРа, берешь свой баул огромный и бежишь в здание, забегаешь в это здание. Как-то так, в общем все быстро и страшно было, тогда казалось. Та не казалось, а было страшно, че тут врать.

Мы туда зашли и там что мы увидели? Мы увидели веселых «десантов» 79-ки. Они усадили нас в

уголочек такой безопасный (там был такой жирный бетонный угол, там все сидели отдыхали и чаек пили). Нас туда посадили, говорят: «Пацаны, сидите полчаса, привыкайте к обстановке, я через полчаса подойду и все вам расскажу дальше». Так и получилось, мы посидели пока, отдышались, «отошли»¹⁰² немножко. Начинаем привыкать к этому грохоту, он уже как бы нормально начал восприниматься. Потом Виталя — это пулеметчик [из 79-й бригады] — приходит и говорит: «Ну что, пошли на экскурсию?» И показывает нам все позиции, откуда стрелять можно, наблюдательные пункты, откуда можно огнем управлять. Вот так вот мы все это изучили быстро и сразу вступили. Начали работать в общем.

В этот же день мы с «Бородой» полезли повыше, созвонились со штабом и отработали.

Созвонились вы по телефону?

Да, у нас тогда телефоны работали. Нам выдали 10 стартовых пакетов «лайфовских»¹⁰³. Потому что раций... Ну, у «десантов» [они] были, но нам не хватало тогда.

Первый заезд был нашим командованием никак не организован. Он был лишь бы поехать, знаете. Отправили двоих туда людей, они, типа, будут огнем управлять. Тогда и огнем управлять не управлялось. И как-то и связи не было с батареями. Ну, в общем, первый заезд был ужасный.

А вот вы говорите неорганизованность — это на уровне комбата или выше?

¹⁰² Пришли в себе.

¹⁰³ «Life» — один з операторів мобільного зв'язку.

На уровне не комбата, а на уровне штаба артиллерии. Смотрите. Это 2014 год, октябрь месяц. Мы заезжаем в ДАП с такими картами — это картой сложно назвать. Это снимок с Google Maps, который сверху заклеили скотчем... Нанесли надписи, плановые цели, еще там что-то. И заклеили скотчем, чтоб оно у меня подольше прожилось. Все. И с этим вот как где-то воевать? Я с этой карты должен там каким-то огнем управлять. Хотя на тот момент уже были программы «Армия SOS», если вы знакомы, которая все это в разы упрощает.

Первый заход мы поехали с картами, с линейками, «дедовоевательными» методами управляли огнем. Потом я начал вникать уже, конечно же. Мы первый заход... «Борода» провел там, я не помню, сколько дней, он немножко раньше меня уехал, а я еще остался. Я 20 дней первый раз просидел, я помню. Десять дней мы пробыли на вышке. На 10-й день на нас вышел Майк¹⁰⁴ такой, все о нем знают, прикольный мужик. И Майк нам говорит: «Эти двое с 55-ки пусть едут в старый терминал, они мне там нужны». Мы: «Ну ладно». И мы из самого высокого здания отправились в самое низкое и самое восточное. И самое штурмуемое, где до врага там каких-то 80 метров.

А от башни сколько было до «сепаров»?

До ближайших где-то метров 450, до забегающих. До позиций 800 кажется, до монастыря.

¹⁰⁴ Максим Миргородский («Майк») — командир 1-го батальону 79-ої ОАЕМБр.

То есть, в принципе, Вы видели воочию результаты своей работы?

Конечно видели.

Какие ощущения?

Ощущения? Сначала страшно. Опять же потому, что я нигде, даже на полигоне, не управлял огнем «152-ки» — это гаубица дальнобойная. Вот она может работать на 24, кажется, километра максимум. Это очень серьезное орудие. [Снаряд] 152-ой подлетает — кажется, что самолет падает, внушительно. Поначалу — да, было страшно. Потому что цели, опять же я говорю, сейчас про эти дистанции, они близко были и приходилось держать на расстоянии именно «артухой»¹⁰⁵. Я даже, когда уже лучше начал понимать, как это все работает (управление огнем, корректировка), я уже даже в старом терминале первый заход вел огонь по восточной части старого терминала умышленно. Получается, наводил «артуху» в свое собственное здание потому, что они с восточной части заходили, у нас там людей не было. Чтоб они не забежали к нам в здание или хотя бы боялись это делать, я вот такие штуки иногда делал — стрелял сам по себе.

С «сепарами» контакта не было непосредственного в тот момент?

В тот момент нет. Они бегали там везде под огнем [на расстоянии] так 200 метров.

А каких-то пленных там такого не было?

Нет, только «жмуры»¹⁰⁶ валяющиеся. Какие

¹⁰⁵ Артилерією.

¹⁰⁶ Покійники.

пленные? Вы в здании, вокруг вас бегают эти «шимпанзе», стреляют. Их «гасят»¹⁰⁷, естественно.

А кто там был?

Та обычные «чуваки», такие же, как мы, бегают и стреляют. Просто часто видел, как люди вот эти вот все, враг гибнет из-за своей тупости просто. Потому что можно было там за забором бетонным спрятаться, нет — надо ломиться как «дедовоеватель». Все, раз его «баранят» — он там лежит, например, 4 месяца и такое было.

То есть, «жмуров» никто не собирал?

Нет, мы собирали потом зимой, в декабре.

Сколько людей в башне с нашей стороны и в терминале?

Когда мы были с «Бородой», было 22 человека.

Это в башне?

В одной башне, да, 22 человека. Около сотни в новом терминале и около сотни в старом, ну, может, в старом меньше.

Тогда в октябре были... чем вот как бы эти события отличаются от зимних. Тогда был «Правый сектор». Они заходили по 20 человек, усиливали. Сидит 20 ЗСУшников-десантников, еще сверху 20 «правосеков» — это уже в два раза больше огневая мощь. Зимой же ж «правосеков» не было. Один там дружбанчик мой, братанчик Яшка приезжал в башню зимой и уехал потом через пару дней. Просто тогда уже «ПС» зимой вывели из аэропорта. А когда они там были, было все значительно повеселей. Больше народу, больше огневых средств,

¹⁰⁷ Вбивают.

больше убитых врагов. Никто аэропорт не может взять.

Если вас история интересует больше... Как бы историческая часть всех этих событий. То если Вы посмотрите, как начались первые наши вот эти маленькие поражения и приведшие впоследствии к потере аэропорта. Первое, что не было «ПС». Я считаю, потому что людей не хватало действительно. Второе — наш штаб как всегда дырявый, дырок я не знаю сколько. Потому что когда каждый раз у нас ротация — враг уже об этом знает. Мы еще не знаем, а враг уже знает. Старый терминал, как Вы помните, штурм начался в день ротации. Представьте себе картину: обстрелянная как бы опытная 79-ая бригада на этих позициях. Знает, дескать, с какой щели вылазят «тараканы»¹⁰⁸. Она полностью снимается и на её место приходит свежесформированная 81-я аэромобильная бригада. Частично уже люди были в боях, частично в первый раз, попадают с военкомата. Сразу же приезжают в аэропорт зимой, когда уже здания были уже очень сильно разрушены. Даже прятаться уже не было где. Когда холодно было очень, когда БТРы, которые приспособлены для транспортировки, меняются. Это опять очередной бардак.

Аэропорт был сдан банально опять же из-за нашей армейской тупости — все. Когда зашла эта 81-я бригада — сдали терминал. Я находился в тот момент на диспетчерской вышке. Это уже второй заход, меня туда отправили просто как более опыт-

¹⁰⁸ Тут: піхотинці.

ного. Потому что у меня, например, вокруг вышки 38 активных целей постоянно, которые надо контролировать постоянно и обстреливать их. На старый терминал я отправился вместо сослуживца, тоже из 55 артиллерийской бригады. Потом 2-ой заход заменил Юзвенко. Потому что он по некоторым причинам не смог поехать. Ну и вот я живой очевидец этих событий. Мне рассказывали такую вещь, что 81-я аэромобильная бригада, когда меняла 79-ю старую на терминале в трехэтажном здании заняла подвал, естественно, первый этаж, второй этаж, а на третий не получилось. Кто-то что-то там «натупил» и они оставили его пустым. Что и привело впоследствии к захвату. Враг зашел на пустой третий этаж и сверху вниз выбил наших. Всё очень просто.

Сама оборона аэропорта насколько была эффективно организована?

Организовано было все, в принципе, достойно. Нас постоянно прикрывала система американская (фиксирование залпа). С вышки, с терминала, с высоких точек мы не видим, откуда нас обстреливали, — есть вероятность большая, что это система вычислит откуда и «ответка» кидается. У меня больше болела голова за вокруг происходящее, потому что у меня бегали, у меня ездили танки, у меня ездили машины. Что у меня только не было. И СПГ по мне стреляли в упор. Потом, как я уже набрался опыта, уже силу у себя какую-то чувствовал, я мог даже автоматную очередь в ответ швырнуть.

Очень много погибло там прикольных «чуваков» с 93-ей [бригады]. Вот мне запомнился хорошо — Виталий его звали. Он пошел в армию в 93-ю бригаду, чтобы его сына не забрали. Тогда была такая «фигня», что если отец служит — сына уже не мобилизируют. Когда сыну повестка пришла, он пошел, договорился и в общем так и попал. Он погиб в январе, по-моему, да в январе, как раз я в госпитале валялся, мне позвонили, сказали. Прикольный мужик был такой. Очень много достойных людей. Представьте себе, все боятся ехать, во-первых за угол туда не затащишь даже из десантников. Из десантников лучшие едут туда умирать, с других бригад с механизированных, лучшие люди едут туда умирать, те, кто не боятся. Ты это все видишь и осознаешь, а потом сюда возвращаешься и видишь все это отребье здесь.

Насколько Вы сами поменялись в аэропорту в плане морального, психологического? Вас как-то это изменило?

Считаю, я сильнее стал, психологически устойчивей. Раньше, как бы до войны, был такой человек жалостливый, где-то, возможно, слабый характером. А сейчас я про себя такого сказать не могу, а и пацаны про меня такого не скажут.

Все-таки закаляют все эти события?

Та конечно закаляют! Все зависит от человека. Если человек психологически устойчивый, с ним в любой [передрыге] ничего с ним не произойдет. Ему не будут страшные сны сниться. У нас такого нет. До сих пор взрывается, а мы нормально мыслим,

кошмары нас не мучают, не стали убийцами, мы не режем котов, собак — все нормально у нас.

Разница между первым выездом в аэропорт и вторым выездом?

Під час чергування. Фото опитуваного

Огромная разница. Первый заезд я как бы все изучил детально. Опять же, повторюсь, я как только туда попал, это первое место, куда я попал. И у меня было такое ощущение, что мое командование избавиться от меня хочет. Меня никто ничему не учил, никто мне ничего не объяснял. Вот поехал, вот тебе телефон — звони, говори, куда приземляются снаряды. Было все очень быстро. Я понимаю, конечно, тогда война была в активной фазе и все такое, но

можно было бы хоть что-то объяснить. По возвращению мне дали 10 дней отдохнуть. Спросили, поеду ли я еще, я сказал, что поеду. Мне сказали тогда: «10 дней отдыхаешь». Я этот отдых потратил на изучение по артиллерии, то что не знал, доизучал. Походил, здесь в Запорожье есть такой Сергей, мне рассказал некоторые секреты корректировщиков, как быстрее работать, даже технические нюансы все. И уже когда поехал я второй раз, уже тогда мне «правосеки» первые привезли вот эту программу «Армия SOS», которая вообще «ого-го». Я сколько всего делал на листочке, а тут на тебе все само считается. Это все очень ускорило мою работу и вообще ситуацию вокруг. Когда я уже разыгрался более-менее, в работу, так сказать, вошел, у нас тихо было, высыпались уже вокруг вышки.

Почему именно «Армия SOS»? Есть же еще масса других программ, «Укром» или другие аналогичные программы.

Мы к ней привыкли, она появилась первой. Мы эту программу любим и уважаем за то, что она когда-то в свое время... Вообще, если вы разберетесь в составе этой программы, она очень вовремя была создана на скорую руку. Без нее, я вас уверяю, сейчас бы линия разграничения была бы в другом месте, потому что войско было тогда не подготовлено. И вот такие штуки... она, во-первых, очень дешёвая, если разобраться, во-вторых, очень эффективная. То есть, она не уступает российским аналогам и она в разы дешевле из-за того, что система генштабовских координат наложена на «Google Maps» снимки и все.

Чья это разработка?

[Ярослава] Шерстюка, насколько я знаю, есть разработка. Он ее придумал. Если честно, не знаю с кем там есть. Я по-прежнему контактирую с этой организацией. Программа постоянно усовершенствуется, мы ею постоянно пользуемся и сейчас тоже. Потому что вся артиллерия от АГСника (автоматического гранатометчика) до «Урагана» устроена одинаково и одинаковый принцип действия. Наводится она на все одинаково и идентично. У них разная характеристика, но наводится она одинаково по одному и тому же принципу работает. Минометы, «Рапиры», все на свете, все что угодно, СПГ. Мы активно пользуемся, все работает по одному и тому же принципу, что и гаубица 152[-мм].

Вот 10 дней отдыха — дальше?

Дальше все по той же схеме, по накатанной. Только я ехал второй раз. Я знал, где я буду грузиться в БТР, где я буду с него выгружаться. Я знал, что с собой брать.

То есть, уже было проще?

Конечно, второй заход проще, первый — эмоциональный интересный.

Ранения были у Вас?

Да, есть в ногу осколочные. В левую с АГС-ника получил.

Это на второй заход получил?

Да. Получается, 14 декабря мы собрали «двухсотых» вражеских. Тогда, если Вы помните, была уже «хрень», когда наши машины заезжали через

Донецкий блокпост. Я в этом не поучаствовал. Когда подстрелили... Дело в том, что 14 числа мы лазили собирали этих «жмуров». 15-го меня подстрелили наглым образом. Я этого не ожидал, никто этого не ожидал, ну да ладно.

При каких обстоятельствах?

Та ни при каких. У нас дырявое здание, оно уже шаталось, эта выщечка замечательная. Я лично был подстрелен, когда был от танка выстрел — огромная дыра весь бетон камнем внутри. Я это все в мешочки и выкладываю в эту дырку, будет у меня новая позиция. Врагу это не понравилось, по всей видимости. Он швырял прям в дырку с АГС-а. Первые выстрелы выше пошли. Я понял, что [стреляют] по мне и начал убежать, но не успел. Отпрыгнуть [только] успел. Насыпалось в одну точку, в комнату. Такая комната была, как мы сейчас сидим. Дырка, как окно в стенке и в нее залетали гранаты. Можете себе представить, я возле этой кучи нырнул, в меня и позалетало. Много в одежде позастреловало мелких осколков и такой один пробил вместо пули левую ногу.

Вас оперировали?

После этого мне укололи обезболивающего. Посмотрели, нельзя ли на месте вытащить, потому что командование было против, чтобы я уезжал. Спросили: «Может, на месте вытащим, потому то надо, чтобы он работал». Доктор говорит: «Не, не будем здесь резать, условия не те». Короче, меня решили эвакуировать. Эвакуировался я на месте с этими же «жмурами», которых мы собрали, в этой

же машине. Туда закинули мои вещи: «броник», каску, а меня в кабину посадили и я покатил через новый терминал.

Машину не обстреливали во время выезда?

Обстреливали.

Не было обозначено крестами красными?

Был обычный военный грузовик «Урал» открытый. Мы стали напротив старого терминала, там еще пацаны должны были догрузиться. Мне говорят: «Эта машина с двухсотыми едет до "сепаров", пересажуйся в другую». Я говорю: «Я ж трехсотый», они: «Хорошо». Они взяли меня перенесли в другую «тачку», в кузов закинули, а «шмотки» мои: броник и это оставили вместе со «жмурами». Я еду, набилось еще десантников 20 человек в эту машину и мы тогда уже все дружно поехали. По нам стреляли всю дорогу, проезжали мимо-мимо... Рядом с нами «Моторолла» кстати стоял, ныне покойный. В 10 метрах с фонарем бегал, пытался по эфиру выйти на кого-то из своих успокоить, чтобы они не стреляли, потому что там и он стоял, и другие «сепары». Наши точно тогда не стреляли, потому что было видно откуда и с чьей позиции летит. Был хаотичный огонь, больше шумели и колеса простреливали. Как бы специально, чтобы сейчас «укропы» на спущенных колесах ковыряться будут или что-то это... можно будет тогда и с миномета накинуть. Именно в том месте враг был никудышним, «крыса», а не враг, я бы так назвал. Вот эти даже видео захвата старого терминала снятые. Я знаю, уже после, не во время захвата, то как выставляется, на самом

деле уже снималось после. И картины — кидание в какие-то подвалы гранаты и еще что-то. Там уже никого не было на самом деле. Когда его штурмовали, там было гораздо шумнее. «Крыса», а не враг. И враг победить, если честно, не смог. И это все знают, захватили аэропорт каким образом. Первое, это мы действительно «натупили»¹⁰⁹ со старым терминалом — это наша ошибка. А остальное только обманом: как бы мы заберем «200-х» своих и замирируем вам потолок...

Они постоянно «на мышу»¹¹⁰ так?

Да. Враг никудышний. Танки ездили, меня кошмарили, постоянно вышку и то не потому, что враги там [хорошие] танкисты. Это все тоже обман, танкисты были никудышные. Постоянно страдала вышка от этих обстрелов. Объясняю почему. Потому что, чтобы тебе с кустов [стрелять] и тебя не видно... Попасть в здоровенную вышку — тебе не надо особо рисковать. Наводишься себе в верхушку. На верхушке, понятно, мы не сидели. Мы сидели там до 6-го этажа, кажется, такие позиции были. Потом все ниже и ниже опускались по мере повреждения. Наводишься себе в верхушку, а потом делаешь меньший прицел и попадаешь куда хочешь. Все я не вижу. Мне, чтобы увидеть откуда это «чучело» стреляет, мне приходится лезть на верх, а там уже то шатаются ступеньки, то их нету, надо прыгать. Залазил вот так. Не зря залазил. Я помню, видать, танкисты действительно были не

¹⁰⁹ Зробили помилку.

¹¹⁰ Підло.

очень опытные, все время стреляли с одной точки. У них была позиция удобная, мы тоже сейчас так делаем, когда позиция хорошая и не обстреливается, почему бы с ней и не работать. Вот я видел откуда он это делает. И когда он следующий раз приехал туда, отправил «кабанов»¹¹¹, «сто пятидесяти двочек» насыпал. Но не сторела эта машина, она просто остановилась. Я так понял, что какими-то осколками ей повредило «движок». Я видел только, как весь экипаж вылез. Один сразу с этого [танка] вылез, где водитель сидел, оттуда и вылез. Другие, двое, через башню повывлазили и убежали. А потом стемнело и на утро уже этой машины не было, куда-то утащили. «Насыпать» еще просили в тот квадрат, но по каким-то причинам наши батареи не отработали тогда. Или кто-то обстреливать начал в ответ, или перекатывались, или менялись. Я уже, если честно, не помню, времени много прошло.

Вы не подсчитывали, сколько в аэропорту врагов подстрелили?

Вот у тебя здание, допустим, перед тобой пятиэтажное. Ты руководишь, управляешь огнем тяжелой артиллерии, 152 мм. Сколько их [врагов] там в здании, я что знаю? Летит туда, «бах», один, «бах», другой. Может, после этого обстрела ни один не пострадал, а может всех убило, я не знаю. Я считал для себя сам. Мне потом в штабе сказали, что за время как бы моей работы по подсчетам (в штабе кто-то сидит считает) с осколочными убитых

¹¹¹ «Відправити кабанчика» (військ. жаргон) — відправити крупний снаряд у ціль.

и раненых около 200 человек. Я себе это и считаю. Может, это правда, может и нет, я точно не могу подсчитать.

Вам награду дали за аэропорт?

Волонтеры дали, государство ничего не давало.

Дальше, получается, был госпиталь, да?

Дальше был госпиталь, да. После я собирался третий раз, потому что пацаны звонили (те, кто там пооставались) и говорили, что я не работаю и взамен никто корректировщика не прислал. Именно «сто пятидесяти двойками» руководить. Там постоянно приданные аэропорту были минометы и пару «самоходов». Минометчики раз на раз [не приходится]. Бывало и так, когда «ляпают» — вообще песня, а бывает, что всякие бывают недо-разумения, это же война. И «сто пятидесяти двоек» не хватало. Пацаны звонили, говорили, что надо что-то придумывать, чтобы я возвращался, потому что обижают. По вышке стреляют, весь БК¹¹² уже выпускает танк и ничего ему уже сделать не могут. Все прячутся, никто не понимает откуда... И эта система американская, по всей видимости молчала будто. Я уже не знаю всех этих нюансов. Я знаю, что вышка рухнула, потому что 2 танка выехали и безнаказанно выпустили полные свои БК в неё. И она упала, только из-за этого. Пока я был, я как бы не хвастаюсь, но я пока был я и охранял от этих танков. Он меня стрельнет 2 раза — все, ему уже в ответ летит и он уже не хочет стрелять с этой точки. Он где-то перекатится, может быть, постре-

¹¹² Боекомплект.

ляет, может, скорее всего, просто уедет. Потому что видит, что «кроет артуха». Все, «артухи» нету, день нету, два нету, — ага, уже можно выезжать и дальше безнаказанно стрелять.

Какие там были условия бытовые, скажем: питание, сон? Как это все происходило?

Первый заход у нас с «Бородой» там был в октябре. Мы сильно уставали, потому что мы помогали десантникам, стояли. Мы ж корректировщики, мы стояли. Там был пост, «Небо» назывался (на вышке самый верхний с этажей он назывался «Небо»). Десантники стоят там 2 часа или сколько, я не знаю. Час стоишь, час спишь, час стоишь, час спишь. Как раз тогда такое количество людей у нас вышло вместе с «правосеками»-добровольцами и десантниками, что мы все так и дежурили — час спишь, час стоишь. И так беспрерывно, не какой-то промежуток отстояли. И мы все ходили очень злые, ругались там грызлись из-за страшного недосыпа, потому что ты час отстоял — ложишься спать и ты хрен поспишь, потому что вокруг «рубилOVO» такое. «Бу-бух-бу-бух» — кто там спит! Спать получается лишь тогда, когда вообще рубит. И не на час. Если отрубился, тебя потом очень сложно разбудить. Первый заход было тяжеловато именно на вышке. Потом как нас с «Бородой» перекинули, мы уже только корректировщиками работали, мы не стояли на позициях. Днем то участвовали в каких-то стрелковых боях, одновременно управляя огнем. Так, что у меня там, допустим, с 12 до 3 надо на пулеметном гнезде сидеть, такого не было.

Первый заход на вышке был. Второй заход я настолько работой был загружен на этой вышке (мне нужно было и танки гонять) — я по 3 дня бывало не спал. Я начал скучать за теми временами, когда я стоял на таких вот постах, потому что бывает как завяжется вот эта «фигня» и не прекращается. То, бывает, день повоюют они, побегают, ночью чуть успокоятся. А [нет], день, ночь, еще следующий день и без перерыва. Вот так бывало, что и 3 дня. Как ты поспишь? Когда надо постоянно стоять... Я где-то бывало спрячусь, пойду где-то покемарить¹¹³, меня находят десантники, берут и тащат туда в любом случае. Я как бы рад, что это все пережил в том плане, что я набрался опыта очень такого серьезного. Больше ничего хорошего про это не могу сказать, остальное все плохое.

Плохое в каком плане?

Друзей погибло... При мне 3 человека-«пацыка» вот таких, ты с ними сидишь и тут их нету. Та и вражеские смерти, валяющиеся трупы вокруг уже неприятно видеть. Не то, что оно мне жить мешало. Теперь после этого всего, ну как бы это есть плохо, я это понимаю как нормальный человек.

Пребывание в госпитале. Вот у Вас мать работала в госпитале, Вы говорили, и вот Вы попали в госпиталь. Вы могли сравнить? Как бы Вы охарактеризовали?

Запорожский госпиталь?

Да.

¹¹³ Поспати.

Та хороший госпиталь. Тогда, когда я лежал, это был декабрь 2014 года, там еще ремонты какие-то шли. Волонтерские средства, с бюджета выделения только начали выделяться. И оно все там «галопом по Европе». Тут и куча раненых, и в то же время какие-то ремонты. И кормить нужно, я понимаю, как в «больничке» тяжело. В целом, отличный госпиталь запорожский, претензий никаких у меня нету. «Докторишки» — так, конечно, есть разные «полусепарские», ну это уже такое, они же «докторишки». А так нормально.

А как в плане отношения?

Все замечательно. Нога была у меня гнила. Я знаю, что в некоторых медицинских учреждениях могут на это просто «завтыкать» по занятости или еще как-то. Меня брали за ухо, вели в операционную, все промывали-промывали. Я чувствовал это всё, что мы [получали] бесплатно, что беспокоятся. Пока на костылях прыгал, где-то все время там «медсестричка» и чай делает нормально.

Выписать, правда, пытались. Какие-то документы вручить, которые раненым не вручаются. Такая какая-то бумажка, как будто ты на гвоздь наступил, а не в аэропорту воевал. И был там небольшой скандальчик. Его быстро в этот же день [замяли], мне дали нормальные [документы], потому что я заметил. Мне это было неприятно, если честно. Или обмануть хотели, или что они сделать [хотели], не знаю.

Подлечившись, дальше...

Подлечившись, дальше я пришел сразу к комбригу. Говорю: «Давай меня забрасывай назад, там пацаны звонят». Он говорит: «Подожди, мол, ситуация там сейчас напряженная. «Коробки» наши, — он говорит, — дорога отменилась. Опять с боем заезжаем. Уже одной «коробки» нету. Пока тебя не буду забрасывать. И так уже третий раз едешь. Другой едет». Я: «Не-не, я поеду!». «Ладно-ладно, потом поговорим, езжай пока в состав батареи назад своей».

Я вернулся в феврале [2015 г.]. Я возвращаюсь в любимую... С октября по февраль меня не было. В любимую свою вторую гаубичную батарею. Там, конечно, народ спрашивает, что там, как у меня дела, что интересного было там? Все ж знают, что подстрелили. Тоже долго скучно мне там было, потому что батарея стояла, работала-не работала. Я выпросился, через комбрига попросил дать мне возможность создать группу артиллерийской разведки мобильную. Мне комбриг пошел навстречу. Мне дали самостоятельно выбрать этих людей. Сколько у меня их там было? В подчинении четыре человека.

Задача была следующая — ездить по передовой и организовывать контрартиллерийскую борьбу. Приехали в ту же Авдеевку. Залезли на крышу — ага, оттуда на нас стреляют. Вычислили координаты, дали ответ. Всё очень просто. Остальное — технические нюансы. И мы так действительно поехали, успешно работали некоторое время в Авдеевке, Верхнеторецком, Водяном, Опытном — весь пере-

дний край. Но это всё продолжалось недолго, где-то до мая месяца уже пятнадцатого года, когда запретили наш «тяжелаяк»¹¹⁴.

Мы тогда месяц просто наблюдали как нас [обстреливают]. Одно дело, когда ты отвечаешь, другое дело — сидишь, [обстреливают]. Из-за этого мы там уже начали тоже скучать, лезть куда-то воевать с десантниками плечо к плечу. Командование это все видело и нас оттуда убрали. По приезду я конечно сказал командованию, что на их совести очень много «двухсотых» наших, что от боязни открыть огонь в «ответку» (типа «Приказа нет») — это не всегда правильно. Я, будучи сержантом, позволил себе полковнику это всё высказать. После этого у меня там немножко проблемы начались

В общем, ушли Вы с 55-тки. Это когда было?

Это было летом [20]15 года. Ушел я с 55-ой... а нет, в сентябре. В сентябре записал, что уволился А на самом деле уволили они меня в октябре, а написали задним числом уже. И на том спасибо. После «55-ки» я отправился в батальон «Донбасс». Попал в минометный взвод. Тоже многому интересному научился. Воевал в широкинских степях. Мне было интересно, потому что я в городских боях, получается, участвовал все время, всю мобилизацию. А это — поля, «растяжки», посадки, интересные всякие штуки. Мне тоже было интересно такого опыта набраться.

Кроме «Донбасса» там еще кто-то стоял?

¹¹⁴ Мова йде про заборону використання крупнокаліберної артилерії в рамках Мінських угод.

*Відпрацювання диверсійних операцій.
Фото опитуваного*

«Азов», конечно же, и потом морская пехота. «Азов», они меня часто выручали, сейчас мы с ними сотрудничаем.

Я как раз хотел спросить за взаимосвязь: как налажено [взаимодействие] между разными батальонами, подразделениями?

Налажена взаимосвязь не между батальонами, а между представителями этих батальонов. Например, мы — артиллеристы, у нас есть «120-ка»¹¹⁵, допустим, но у нас нету мин. Мы знаем, что у «азовцев» есть «120-ки» мины. Мы говорим: «Привет, "азовцы", дайте мины». «На мины». Вот так вот мы сотрудничаем.

В обмен на что-то или просто?

Минометчики с минометчиками. Люди, заинтересованные что-то взрывать, объединяются и что-то взрывают.

¹¹⁵ Міномет калібру 120 мм.

Сейчас же [Минские] договоренности [действуют]. Насколько это правда, соответствует действительности?

Никак не соответствует действительности. Нету там никакого мира. Мы ездили два дня назад к другу из 92-й бригады, у него ноги нет. Он её себе не отгрыз — её оторвало.

Вы сейчас в составе «Донбасса»?

Сейчас мы — военные инструкторы. У нас сейчас задача следующая: ездим по передовой, где нужна какая-то наша помощь. Мы помогаем армии в плане поделиться опытом, научить чему-то. И как бы я немножко «шарю»¹¹⁶ по артиллерии.

Я понял. Это лучше или хуже, чем пребывать в каком-то подразделении?

Сейчас мы с недавних пор стали добровольческим подразделением со всеми своими плюсами и минусами. Минусы в отсутствии зарплаты. Но опять же, у меня нету ни жены, ни детей. У «Лимона» тоже. У бойцов наших тоже, вообще ни у кого. Сложности у тех, у кого семья есть, им же надо какие-то деньги получать. Мы деньги не получаем. Взамен мы имеем свободу. Мы не строим планов утром и вечером. Если сегодня на Широкино спокойно, а на Марьинке война, то мы на Марьинке, а не на Широкино. Мы свободные люди.

Если сравнивать «Збройні сили» и Нацгвардию, по сути...

Всё одно и тоже.

Одинаково?

¹¹⁶ Розбираюся.

Да. Везде, понимаете, подразделения, бригады — везде найдется какой-нибудь «упырь». Везде найдутся приличные люди и везде найдется какой-нибудь «дедовщина»...

«Уставщина»?

Да, «уставщина», может и такое быть. «Уставщина» — какие-то еще несправедливые вещи происходящие, отсутствие войны (когда боевое подразделение берут и отправляют на полигон на два месяца). Не знаете судьбу батальона «Донбасс»?

Нет.

Батальон «Донбасс» сейчас существует в нескольких вариациях. Один их самых живучих оказался филинский «Донбасс-Украина»¹¹⁷, «офіційно зараз підпорядкований ЗСУ». Еще был второй, гвардейский, батальон, в котором мы служили. Он просто назывался «батальон спеціального призначення "Донбас"». Тот «Донбасс», что воевал в Широкино.

В Иловайске...

В Иловайске они еще полным составом до раскола воевали. Вот. И этот батальон сейчас ... Из всего, если вы спросите, у него осталось сколько человек? Один взвод остался. Остальные все расформированы, причем умышленно уничтожены командованием Национальной гвардии. Он был не нужен никому, он уже у всех тут сидел. «Добровольцы», всё такое...

А отношение вообще к добровольцам не очень?

¹¹⁷ «Філін» (Власенко В'ячеслав Вікторович) — командир 46-ого окремого батальйону спеціального призначення «Донбас-Україна».

Смотря у кого, опять же. У военных прокуроров, «мусоров»¹¹⁸, прочих, конечно, не очень. У волонтеров, у «ЗСУ-шников», которым помогали, [хорошее].

Я имею ввиду власть и представителей властей.

Да.

То есть, не очень?

Как всегда.

Статус участника боевых действий Вы имеете?

Имеем. Мы потому, что опять же служили в армии, по мобилизации. Многие вот из бойцов моих в нынешней группе, что я создал вместе с друзьями побратимами, они таких статусов не имеют.

Не имеют, потому что не дали, или потому что...?

Потому что они не служили. Они воевали в рабочем на блокпосту. И потому они нигде не числились. «Правый сектор» — это не армия.

Семья в Донецке?

Нет. В каком Донецке? Мы оттуда выехали давно, вот у меня УБД¹¹⁹ вместо кошелька. Семья на украинской территории, работают, всё у них хорошо.

Знакомых не осталось там в городе?

Та полно.

Вы с ними поддерживаете связь?

С некоторыми.

Как они описывают ситуацию сегодняшнюю?

По-разному. У кого целые дома и живы — те живут. Те, кого зацепило, они [не очень]. Дорога, «сепары» эти.

¹¹⁸ Поліції.

¹¹⁹ Посвідчення учасника бойових дій.

Контакты с местными жителями были?

Были.

Как они себя ведут?

Когда я уже солдатом был?

Да.

Та по-разному ведут. Разные люди. Опять же взять ту же Авдеевку: там одни нас обвиняли, что мы сами себя обстреливаем. Другие наоборот, молодежь в основном, положительно настроена. Преклонного возраста люди, все-таки больше среди них «сепаров», чем среди молодежи.

Многие выезжают оттуда?

Сейчас многие въезжают туда.

Возвращаются?

В [20]14 году все уезжали оттуда, потому что там летали бомбы, летали истребители, вертолеты, было страшно. А сейчас наша политика внешняя, военная, настроена на... Вы сами видите прекрасно, Вам не надо объяснять.

Два в одном вопроса: в чем причина этой войны и долго она еще, по-Вашему, будет?

Причины войны в чем? В перемене политического курса, внешней политики нашего государства, невыгодной соседу. Это, например, для меня причины войны. Какой был второй вопрос?

Как долго продлится?

На этот вопрос я не могу ответить.

По Вашим ощущениям, на Ваш взгляд?

По моим ощущениям... Ощущения везде разные. Приезжаешь, лазишь по позициям — кажется, что она никогда не закончится. Приезжаешь, напри-

мер, в Запорожье, с некоторыми людьми общаешься и понимаешь, что тут уже закончилась эта война, оказывается.

Сейчас подразделение это прекрасно ощущает. Потому что мы помним поддержку по [20]14-му — началу [20]15-го года. Для нас люди последнее несли: «Только воюйте, ребята!». И сейчас. Нас люди поддерживают и их какая-то идея в стране объединяет, когда они боятся, когда они в страхе большом. Что вот Янукович с «Беркутом» победит и будут репрессии — поэтому надо ехать на Майдан. Точно так же и война. Напала Россия... По телевизору [рассказывают], что вот всё там нормально, президент договорился, миротворец. Как стреляли, так и стреляют. Армию уже не так поддерживают, знаете прекрасно.

Вообще, донецких, крымских представителей много воюет?

В нашем подразделении хватает.

Если в процентном соотношении?

Почти процентов 80 у нас местных. Ну и так много, но не специально получилось, просто получилось.

Ваши планы дальнейшие?

Планы на дальнейшее у нас как были, так и остаются — минимум наших погибших лучших людей на фронте. Мы хотим, чтобы лучших там меньше было, чтоб они вернулись. А они не вернуться. Потому что им дали СПГ, а что с ним делать, не показали. Потому будем ездить, делиться боевым опытом и помогать, конечно же, пацанам воевать.

«Нас вийшло чоловік 7-8 із цією установкою, зав'язали бій. Так вийшло, що, коли ми зав'язали бій, була підтримка мінометів — маневр, щоб людей загнати в бліндаж. Вони в бліндаж зайшли і тоді досить непогано ми скористалися цим самим ПТУРОм. Ракету завели туди, куди потрібно, і «со старта», як то кажуть, мінус 27».

Ім'я: **Володимир**
Рік народження: **1989**
Статус: **солдат батальйону «Донбас» і полку «Азов»**
Інтерв'ю записане
В. Мороко
3 квітня 2016 р.
Поточний архів проекту.
Ф.29. Оп.1. Спр.38.

Почнемо з того, що Ви про себе розкажете.

Звати мене Володимир, народився я в 1989 році, 20 жовтня. Народився у місті Запоріжжя, виріс у селі Розумівка.

А чого з Запоріжжя перемістилися в Розумівку? Батьки переїхали?

Народився в Розумівці, пологовий дім просто що...

А в Запоріжжі.

Все життя [прожив у Розумівці]. Закінчив школу Розумівську середню загальноосвітню. Після школи пішов отримувати знання вищого рівня у Класичний приватний університет. За вищою освітою здобувати, на факультет управління, спеціальність «Землеустрій та кадастр».

З міста навряд чи пішли б на таку спеціальність — «землеустрій та кадастр»?

Там багато людей каже на цю спеціальність «агроном». Далеко не агроном. Наприкінці нав-

чання повісточка прийшла у армію. Від армії я благополучно «відкосив». Не захотів йти в армію, скажем так. Пішов працювати у запорізькій земельній ресурсі міській, там попрацював. Потім запропонували поїхати до міста Бердянськ. Як кажуть, «підіймати цілину». Туди на роботу. Пропрацював я у бердянських земельних ресурсах пару років, потім покинув це діло, бо часи змін настали, Майдан.

Майдан, тобто це Ви наближаєтеся до кінця [20]13-го року... Що значить, покинув це діло? Як Ви його покинули? Сказали: «Я звільняюсь, я пішов», чи що?

Просто офіційна зарплатня співробітника 1247 гривень. Проблема полягала саме от в чому. Я виконував свою роботу, я не робив чогось незаконного. Ніколи в житті я людині не казав: «Я цього не зроблю, поки ти мені не принесеш...» чи іще щось.

Наближається оцей бурхливий період. Працювали у Бердянську десь до осені [20]13-го року, ні?

До зими.

До зими [20]13-го року, так? І що далі?

Далі зірвався, бо побачив оцю неравність, тоже проблема нашої країни. Дуже контрастно, як то кажуть, по одній стороні лежить бомж, а по другій їде «Порш». Оця нерівність викликала спалах такий в мене. Я не бачив там [на Майдані] людей проплачених, як кажуть, наркоманів чи ще когось.

Я ще трошки втручусь, але в принципі Майдан нібито починався під лозунгами не стільки боротьби за рівність, скільки як Євромайдан, як заперечення того, що відмовилися від асоціації із Європейським Союзом?

Це був початок. Насправді це просто переросло, переросло в іншу хвилю, бо у мене було дуже багато знайомих серед людей на Майдані, які не пропагували того, що нам потрібна Європа, або не було там людей, які «нам потрібна Росія». Бо ми країна незалежна, ось і від цього треба, як кажуть, танцювати. Ми самодостатня країна, у нас дуже-дуже гарні надра є, у нас промисловість, у нас є моря, у нас є земля.

Тобто, Ви прийшли на Майдан боротися проти олігархічної системи, так можна сформулювати?

Проти їхнього свавілля, проти людей які вже давлються «золотими батонами»¹²⁰, які занадто люблять розкіш і які забувають про те, що насправді вони являються слугами народу.

Як це організаційно було? У Вас визріла така думка: а як потрапить на той Майдан, через кого? Просто самі по собі поїхали?

Будучи у Бердянську, я просто дочекався до того моменту, коли почали по телевізору давати інформацію про силовий розгін. Багато роликів було [про те, як] забивали людей. І це й визвало такий резонанс, що з'їхалася вся країна непроплачених патріотів, які рішили виступити проти цієї влади, яка є преступною. До речі, мало що змінилося з тих пір. Статки президента у такі тяжкі часи зростають за рік на 20%. Це наводить на питання насправді.

Як конкретно... Сіли в потяг і поїхали?

¹²⁰ Золотий батон — ювелірний виріб, знайдений у Межигір'ї після втечі Віктора Януковича в 2014 р. Символ корупції та бездумних розкошів на тлі тотального зубожіння країни.

На роботі я навіть заяву не написав. Була одна дуже гарна людина у Бердянську. Під час проведення мітингів у Бердянську я з нею познайомився. І буквально пару днів я ще походив на роботу, потім просто накипіло і ситуація уже...

Тобто, Ви в Бердянську в місцевих майданах, назову їх невеличкими, брали участь?

Так, так, так. Виходили на ті ж самі площі проти тих «ребят», які в нашій країні здіймали триколон.

Починали з місцевого бердянського Майдану, так же ж було?

Да, можна так сказати, я приїжджав у Запоріжжя до батьків. Тут тоже ситуація не дуже із владою.

Це теж був запорізький Майдан.

Я ввечері із цією людиною виїхав до Києва, ось. І ми проїхали одразу на адресу Хрещатик, 13. Раніше це був магазин «Київстар», а потім там базувалося відділення «Правого сектора».

Ви до Бердянська були аполітичним чи ні? Брали участь у роботі якоїсь організації?

Аполітичним був. Якимось другою людиною. Цінності були більш матеріальні.

Ясно. Приземлено, так би мовити все.

Потім я трохи роздивився і вирішив, що не може так бути. Як можна цей світ змінити чи хоча б країну? Це тільки почавши із себе.

Ви пристали до бази «Правого сектора»?

Так.

Далі що? От Ви приїхали, там розташувалися. Це коли приблизно було?

Це було вже після силового розгону, це було після розстрілів.

Розстріли починалися ще в січні. Ви про 18-19 лютого?

Так, так, так. [Це був] кінець лютого, бо на початку березня я вже вступив до лав першого батальйону Нацгвардії, який тоді тільки самий перший формувався у селі Старе під Києвом. Майдан завершувався. Побачили, що ідея не пройшла. Воно б і продовжувалось би. І свого б ми все ж таки добилися б. Але просто зі Сходу загроза дуже серйозна стала. Крим анексували.

Це вже початок березня. Коли Ви в батальйон Нацгвардії вступили?

Батальйон Нацгвардії. Так, це в березні.

Тобто, Ви з Майдана потрапляєте... Вам пропонували чи самі шукали можливість?

Сам шукав можливість. Уже було багато джерел, що повідомляли про те, що озброєні люди заходять на територію нашої країни. Це також той же самий силовий захват Донецької, Луганської облрад, райрад. Всі вже в той час, на початку агресії, вони вже знали, звідки ноги ростуть, це все розуміли.

Ви проходили перепідготовку чи початкову підготовку, перш ніж потрапити на Схід?

Я потрапляю до цього батальйону... Я в армії не служив. Потрапляю до цього батальйону, але там у нас йде підготовка дуже в'яла. Все по тим же самим стандартам, шаблонам армійським. Нічого не було нового. Інструкторів тоді ще не було, які мають саме бойовий досвід. Тоді ще всього цього не було.

Було дуже дуже погане «обеспеченіє». Форму ми чекали дві неділі. А потім так сталося, що відносини почали із керівництвом цього батальйону накаливатися, бо різні погляди були. Місяць тому ми в цих же самих лавах сходились на Майдані. У нас проблема була з цим забезпеченням, потім приїжджали високопоставлені командири, генерали, фамілій я не пам'ятаю. Казали: «Хлопці все буде, все буде...». Ми це все «їли» їхні «завтраки», так сказати. Потім нам привезли форму «Міліція». Велика кількість людей відреагувало на це не дуже добре. І вони просто по іншим підрозділам розійшлися, вони покинули цей батальйон.

До Вас багато приїжджали, обіцяли і нічого не робили. Це чи щось інше, бо якось так прозвучало, що на ідеологічному ґрунті якісь там у Вас протиріччя були з командирами батальйону?

Переважна більшість людей, які вступили в цей перший батальйон Нацгвардії, — це були люди, які пройшли Майдан. А тренували цих людей і намагалися підготувати ті люди, які розганяли саме цей Майдан.

По Майдану у Вас розмови не було з цими людьми, які Вас тренували, чи були якісь суперечки?

Були суперечки. Вони прекрасно (розуміли), що їх головна ціль і мета на разі, так як вони являлися і держслужбовцями, військові люди — це навчити нас. Але це переростало в багатьох випадках саме в питання: «Ну що, стало краще? Зібрали Майдан...».

Вони, як і раніше, були противники Майдану? Як професіонали вони вас готували, але...

Так! А час уже підходив підготовки: полігони, зброя. Розумні люди просто уходили, бо на рівні психічному важко одразу після Майдану і тобі кажуть: «Ви неправильно робили. Всіх перебити треба було». І коли зброя є на руках, дуже важко вести з цими людьми діалог.

Говорити з людиною, яка каже: «Треба було вас всіх перебити»...

Так, так. Переважна більшість, майже всі. Не було таких випадків, що пробило. На мою думку, вони мудро просто уходили з батальйонів, бо толку не було б із цього. Ті, хто залишалися, були, в принципі, уже такі більш приверженці політики і старої, і нової.

Потім після цього я розчарований, у розпачі повернувся в Бердянськ, там запропонували поїхати знову ж таки в Київ. Це було уже десь з перервою в дві-три неділі, я в Бердянську пожив. Ще поспостерігав, як в Бердянську, наприклад, є військова частина, там де служать контрактники. Контрактники, які в мирний час ходили на роботу, отримували ці військові спеціальності, отримували за це гроші. Працювали люди, все було добре у них, хорошо. І спокійно головне. А коли почалася ця агресія, то звісно, що їх як перших людей, які мають навика, збиралися завозити на ту ж саму лінію фронту.

Вони не мобілізувалися, бо вони вже служили, а відправити на лінію фронту...

Так, ну там, де погарячіше. Але я подивився на ці відношення. Знову таки, людина здобуває собі спе-

ціальність, працює, все хорошо. Але коли от саме до неї приходять за допомогою, вона не знає, що робити, вона боїться. Не можна такого [допускати]. Я подивився на це, мені стало дуже прикро. Я зрозумів просто... Як девіз у ВДВ?

Ніхто, крім нас.

Да. Ніхто, крім нас. До речі, у ВДВ ще зараз новий прапор: «Ніхто крім нас» і в скобочках «Знову, блін, знову ми». [Сміх].

Вже остаточно, можна сказати, «впала планка»¹²¹. Поїхали із представниками бердянського Майдану Жекою, «Сарматом». Ці хлопці уже воювали в батальйоні «Донбас». Поїхали у Київ і хотіли добитися того, щоб у нас був територіальний батальйон оборони саме Бердянська. Звісно, із вилазками на «передок». Але щоб базувалися ми саме у місті Бердянськ, охороняли його. Поїхали до військової частини 3027. І саме в цей час туди прибув батальйон «Донбас», який, можна сказати, ще не сформований. Це були перші люди, які, можна сказати, з палицями на мікроавтобусі залітали на блок-пости і відбирали зброю у людей. У хлопців на початку були тільки от палиці, самодільні обрізи. Проти автомата Калашникова це не дуже такий аргумент вагомий. У них були втрати, потім вони переїхали до Києва. Приїхала їх кількість невелика, здається, один автобус. І вони почали мобілізацію. Семен Семенченко тоді на чолі батальйону «Донбас» почав налагоджувати «связь», він вже непогано спілкувався з Арсеном [Аваковим]. Це перед нами відбувалося.

¹²¹ Впала планка — наважився.

Це в Києві?

В цей момент я був уже в частині 3027. Ми туди приїхали одночасно з батальйоном «Донбас». На той момент були домовленості про те, щоб розробити або започаткувати, сформувати батальйон територіальної оборони саме Бердянська. І з цим питанням ми поїхали в ту частину, у яку приїхав і «Донбас». Ми вирішили об'єднатися.

На базі цієї частини і «Донбасу»?

На базі цієї частини. Приїхав «Донбас». Можна сказати, на таких же самих правах, як і ми.

Теж хотіли, що й Ви?

Так, так. Приїхали хлопці-добровольці, які на той момент вже перші [пішли на фронт]весною 2014-го [року]. [Вони] бачили бездіяльність влади, бездіяльність правоохоронних органів, хотіли домогтися порядку в своїх областях самі. Батальйон «Донбас», переважна більшість, яка приїхала із нами до Києва, — це були хлопці з Луганської, Донецької областей. І ми там об'єдналися.

Нам виділили полігон, нам виділили під палатки місця. Ми почали проводити мобілізацію, піар. Дуже, дуже, дуже швидко по всій Україні розійшовся [розголос] щодо батальйону «Донбас». Що такі відчайдушні, хороші хлопці збираються йти воювати, відвойовувати землю. Це був один із перших батальйонів і багато людей туди потрапило саме таких, як і я. Які йшли за правдою, але не з владою за руку. Так правди ніякої не домогтися. Ми там займалися. Це село Нові Петрівці, не доїжджаючи до нього, військова частина знаходиться. Ми

там займалися, на той час уже були дуже хороші інструктори із Грузії. Хлопці нас тренували, «личный состав» цієї військової частини, особовий склад [частини] 3027, офіцери також допомагали нам у тренуванні. Фізичну підготовку ми проходили, стрільби ми там проходили. Тоді, до речі, пропаганду можна було б і не включати в наші заняття. Але все одно на той час також багато часу уділялося саме пропаганді. Що ми є люди цієї країни і не можна з опущеними руками дивитися, просто споглядати на це. Справа в тому, що «отчеты» Міністерства оборони про «проделану» роботу в військових — напроти пункту «пропаганда» там уже третій рік галочки стоять пусті.

Тобто?

Цим там взагалі не займаються, ось.

Близько місяця або десь днів сорок ми провели у цьому таборі. Після цього прийняли присягу і вирушили на Схід.

Це коли приблизно було?

Червень, 22-го чи 24-го червня ми вирушили на Схід.

Як поїхали? Поїзд, автобус?

Вирушили на транспорті через Харків. На автобусах, у нас тоді не було техніки, БТР-ів. Це перші підрозділи, перші батальйони. Вони були штурмові, щоб відбивати територію уже захоплену. Артилерії на той час, як такової, ще не було. Із нею ми зустрілися тільки коли туди вже приїхали. Гранатомети, автомати — це вся зброя, якою ми займалися, тренувалися у Нових Петрівцях. З такою зброєю ми і

їхали. У нас не було артилерії, «пушок». Автомати, «пулемьоти», автоматичні гранатомети.

До Харкова Ви доїхали... Ви знали, куди Ви їдете, конкретно, ні?

Через Харків ми їхали до Ізюма. Перше бойове злагодження на території, можна сказати, окупованій, ми розпочинали із Слов'янська. Ми проводили там зачистки.

Коли? Уже після того, як був звільнений Слов'янськ?

Він був звільнений. Там була промислова зона, у якій, скажімо так, були ще залишки [терористів].

Ви прийшли туди, просто робили зачистку території?

Так, так. І у нас на той час відрізнялася робота від того самого ЗСУ. Бо ЗСУ він відкритого ворога, можна сказати, бив, а Нацгвардія тоді займалася і виявленням саме отаких осіб.

Нацгвардія так, але батальйон «Донбас» тоді ж ще не Нацгвардією був, окремий підрозділ..

Окремий підрозділ, [але] підписували контракти з Нацгвардією.

Значить, ви вже в той момент були контрактники Нацгвардії?

Так, так. Батальйон «Донбас» — всі, хто вирушав на Схід, — вони всі підписували контракт саме з Нацгвардією. Інакше нас просто із зброєю із частини не випустили б.

Потім зі Слов'янська ми вирушили далі через Ізюм. Ізюм був у нас перевалочний пункт.

Після Слов'янська і далі вглиб не пішли, повернулися в Ізюм?

Потім Слов'янськ. І потім із Слов'янська наступний пункт у нас був Артемівськ-Бахмут.

Що Ви там робили?

Перекинули туди. Там виявляли «групіровки», озброєння.

Що значить виявляли? Як виявляли?

Працювали з місцевим населенням, яке нам підказувало, всією інформацією ми не володіли.

Вам кажуть, що «отам-то й там-то, в такому будинку чи в такій-то квартирі є такий», чи як?

Отаким чином ми відпрацьовували — оперативна інформація надавалася стосовно того, де знаходяться озброєні люди.

І коли Ви туди приходили, дійсно були озброєні?

Вони дійсно були озброєні. У нас перший такий захоплюючий бій [був]. Він був коротенький, але із всіма «прелестями», як то кажуть. Із «двухсотими», і з «трьохсотими». З нашої сторони були тільки «трьохсоті». Це населений пункт Зайцево, який знаходиться під Артемівськом. Ми туди виїхали, бо там на гражданських машинах із символікою «ДНР» чи «ЛНР». Вони намагалися підібрати під себе блокпост і там уже потім працювала з їхньої сторони техніка. На той час тактично так я не орієнтувався. Нас привезли і почався бій. Із посадки почали автоматичним гранатометом нас закидувати. Потім на гражданських машинах теж почали під'їжджати. Люди висипались звідти і зав'язувався бій. Ми відпрацьовали непогано.

Перша ніч у Артемівську, коли ми туди тільки заїхали, ми були в «общезитії» педучилища, зда-

ється. За першу ніч, як ми тільки розмістилися, до нас у вікно майже залетів «джміль». Повезло. Це установочка по принципу гранатомета. Тільки там термозаряд іде. Ця штука, коли потрапляє до закритого приміщення, вона «вижигает», здається, 80 квадратів. Там не сховаєшся від неї. На відкритій місцевості це 40 квадратів. Попали тоді по підвіконню.

У нас була така тактика оборони. Коли ввечері ми були на тій же самій базі, у нас були секрети¹²², у нас були позиції кулеметні. Але якось воно все було досить так по-дурному. Бо машина звичайна, гражданська проїжджала, це під ранок завжди відбувалося. Звідти вискакували люди, обстрілювали гранатометом і уїжджали, просто уїжджали. Ось такі були недоліки у підготовці.

І така ситуація, що не воєнний стан, а АТО. З гражданським населенням на той час не мали та й зараз не мають права вламуватись до чиєїсь оселі. На це потрібні відповідні дозволи і все таке інше. Ці ж самі машини проїжджали, а ми нічого і не могли відповісти. І обшуки ми не могли проводити.

Тому що юридичних підстав не було.

Саме так. З Артемівська ми вирушили на Попасне, на штурм. Перший штурм у нас був невдалий, бо ми втратили людей. Тоді, як я пам'ятаю, «Донбас» розбився на дві частини і заходили: одна з южної сторони, а інша із північної. Частина, яка заходила тоді з південної сторони, вона попала у засідку. Пройшли перший блокпост, його пройшли дуже легко. І вони на емоціях, на радостях, можна

¹²² Тут — засідки.

сказати, там з піднятими у гору руками, вигуками «Ура! Ура!» пішли далі. Це відсутність досвіду. Пішли далі і попали в засідку. Де дали їм такого першого справжнього, справжнього, сильного про-чухана, коли поверталися із «двохсотими» бійцями. Це був невдалий штурм, планування було далеко не на вищому рівні, можливо навіть далеко не на рівні.

Бійці батальйону «Донбас» поблизу м. Первомайськ Луганської області (липень 2014 року). Фото з архіву ВО «Свобода»

Може, його і взагалі не було?

Небагато тоді думали, опиту не було. А щодо командування — звідки цей опит взявся б просто? Тоді розбили, повернулися до Артємівську, зібралися із силами. Через приблизно неділю, може 4-5 днів, у нас відбувся другий штурм. Ми знову виїж-

ждали. А у нас на той час іще не було бронетранспортерів, не було такої техніки. Був тільки БРДМ один на нашій базі. Який, здається, навіть волонтери надали, а не влада в обличчі Міністерства оборони. Ми виїхали знову на цих автобусах, знову вийшли на рубежі і другий штурм також у нас був невдалий. Він був ще більш невдалий. Кількість я не пам'ятаю «двохсотих», але тоді також поверталися з [вбитими] хлопцями. Звісно, і свої опонентів потрїпали. На той момент у Попасному була групировка «Призрак» Плотницького¹²³. Поверталися додому. Також там до пізнього вечора затрималися. Нічого із цим штурмом не вдалося і підтримки артилерії тоже ми не мали. Було дуже важко пройти їхні рубежі. За містом блокпости їхні були укріплені і зброї вистачало. На той момент там було багато людей із [військовим] навиком. Саме до тої «групировки» входили професіональні військові. Ще з того Попасного, коли ми брали у полон ворога, то серед документів були також військові квитки Російської Федерації. Уже тоді зіштовхнулися відкрито з агресією сусідів названих.

На третій штурм Попасного ми вирушили із міста Артемівськ. У нас там як база була перевалочна. Ми в Артемівську провели, мабуть, найдовше часу з усіх міст на Сході. Ми вирушили на третій штурм. Він у нас був вдалим, бо працювали уже із артилерією нашою з ЗСУ. Нас тоді підтримували міномети. Артилерія була, але як нею користуватися мало хто знав. Тому що вони роблять

¹²³ Батальйон (бригаду) «Призрак» очолював О. Мозговий.

залпи по координатам, коригувальник їхній просто не бачив тих самих розривів. Коригував вогонь артилерії ЗСУ командир нашого підрозділу першої штурмової роти — позивний «Тур». Коригування проходило в такому режимі. Хлопці по мобільному телефону: «Хлопці, 50 метрів ліворуч, 10 метрів праворуч». Артилерія відпрацювала по блокпостам і ми почали заходити в Попасне. Там дуже швидко. Вони оборону не намагалися тримати, всі тікали із міста. Деякі не встигли, в окопах залишилися.

У Попасному, коли ми вже проводили зачистку міста, дуже багато людей із підвалів підставали. Бо вони там сиділи довго, між другим нашим штурмом, який був невдалий, і третім. Десь на протязі неділі працювала артилерія: як наша по їхній стороні, так і їхня артилерія працювала хаотично. Свідки подій, чоловіки місцеві, які у підвалах ховалися, казали, що ці «призраки» на «Камазах» з вісімдесят других мінометів (калібру 82) стріляли на ходу. Ми розуміємо, що міномет доволі таки прицільна зброя, яка з правильною установкою, коригуванням і координатами попадає дуже влучно. А коли це на ходу і з «Камаза» — це просто геноцид населення, іншими словами не назвеш.

Був такий випадок ще, я думаю, цікаво буде. Був такий випадок, коли ми проходили по дворам, а там частного сектора уже багато, будиночків приватних. Ми проходили, ми перевіряли всі [будинки] на наявність [людей], щоб ніхто не залишився. Проходили по домам, діставали людей із підвалів. Це також входило в наші обов'язки, бо ми працювали

із населенням. Ми розмовляли: що і як, інформацію надавали. Спочатку перевірявся двір, потім дім. Ось туди зачасту доводилося просто вламуватись, як то кажуть, безпардонно: і вікна розбивати, і потрапляти до помешкання. Тому що ніхто не знав, що там, а ціна життя — цим краще не гратися. Практично у кожному другому підвалі по-сусідству, як вони йдуть, знаходилися люди. Багато дуже дітей було, бо батьки повиїжджали. Ми прочистили двір, дім і підвал приоткрыли, там внизу блиснули очі. Хто в підвалі? «Виходьте, будь ласка, скільки вас там?». «Я і онучка». Виходять вони із цього підвалу, ми стоїмо перед ними. Виходить жінка років 50-60-ти із дівчинкою років 5-ти. Вона тримає у лівій руці дівчинку за ліву руку. Коли ми зробили крок назустріч до них і кажемо «Сонце, свіже повітря» (ми отак всіх намагалися підтримати), то у відповідь на наш крок вона з-за спини правою рукою дістала ніж. Підвела дівчинку ближче до себе, ніж до неї не підставляла, вона просто тримала її в руці і сказала: «Не підходьте, ви її живою все одно не з'їсте».

Це Ви самі були свідком?

Я був тією людиною, яка відкривала підвал.

Прямо аж не віриться...

Аж не віриться. Зараз не віриться. Згадувати воно важенько. Практично весь особовий склад батальйону «Донбас», дуже розчулилися бійці, дуже сильно розчулилися.

Якою треба бути, щоб вірить у такі речі...

Пропаганда. А «мальчик» в очима Ісуса, розп'ятий на бігборді? А то, що ми снігурів їмо? Люди

вірять. Як кажуть, є товар — є купець. Є така інформація, є такі хворі люди. Зараз воно смішно, а тоді просто сльози наворачувались. Якою ціною це Попасне нам було дано — два штурми невдалих, хлопців втратили своїх. Якою ціною! Коли ми приходили, то звісно були адекватні, які от від радості «сознаніє» втрачали в обіймах. «Хлопці, ви прийшли!» — там радості було безмежно багато. А були люди дурні. Я не знаю, там далі. Може на перевірку якусь психічну цю жінку відправили. Допомогло, не допомогло — я не знаю долі, що як воно далі там відбувалося. Сусідка, яка жила перед нею, яку ми раніше цієї жінки з дитиною підняли із підвалу, за сусідів піклувалася дуже сильно, переживала. Був такий дуже емоційний стан, коли цю жінку дістали із підвалу, вона на радостях просто вішалася і «теряла сознаніє», приводили до тями нашатирем. Деякі люди віддавали останнє. Ми їх діставали із підвалу, вони бігли в хату, там де немає електричества і довго його не було. Із морозилки доставали кусочок «хлебушка», в пакет завернутий і з кусочком сала. Казали: «Тримайте, тримайте!». Їжі в них не було, а вони оддавали останнє. У деяких людей отака була радість. А деякі були готові зарізати дитину, щоб її не з'їли живою. Зараз це дурня, а тоді це було взагалі не смішно. І таких випадків було багато. Якщо всі згадувати, то можна тільки на предмет людської шизофренії чи параної книгу написати. Різні були у людей погляди, реакція тоже.

Ви щось згадували зв'язане з залізничною станцією?

Здається, за ЖД-станцію. Це у Попасному, у промзоні. Це була крайня точка, звідки ця вся «бандейка» драла до Лисичанська. І на цьому ЖД у нас же був перший штурм у Попасному, другий штурм у Попасному, були втрати з їхньої сторони. Я здогадуюсь, що вони знали про наш наступ. Це було зовсім не новиною, хоча і намагалися працювати таємно. Вони знали про наш наступ і кинули людей в тих же самих посадках, вони своїх не хоронили. У нас була людина, яка під час другого штурму зникла. Коли ми до них третій раз заходили, ми прочосували ті ж самі посадки, шукали свою людину. Доки ми її шукали, натрапляли на тіла, які за неділю уже під сонцем пекучим і під слоєм землі сантиметрів десь 5-10 були прикопані, щоб від них не тхнуло. Вони розлагались дуже швидко при такій погоді. Шукали своїх, ходили, не бачили, наступали — ноги провалювались в цих людей. І в Попасному на ЖД-станції — там вагони грузові використовувались тож для цих справ. Туди скидували як тварину забиту. У вагоні на той момент було чоловік 25. І тхнуло дуже неприємно. Як у Слов'янську від озера, куди також закидували людей і воно тхнуло. Ти його ще не бачиш, а воно уже тхне. Якби вода прісна в озерах була, то, мабуть, популяцію раків підвищили дуже...

Солоні озера у Слов'янську...

Ну да, я ж кажу, якби були прісними. У Попасному ми були зовсім недовго, буквально день-два. Потім планувались операції. Це ж все було таємно, щоб раптом в наших лавах якийсь «шпiон» [не діз-

нався]. У нас підготовка була всього один місяць. Підготовку там по документам, через СБУ спецперевірку пройти якісно на той момент було неможливо. До речі, коли ми Попасне штурмували, то під виглядом місцевих жителів там було пару хлопчин, яких один із бійців впізнав. Вони були із нами на базі ще в Києві, а тут вони якраз оказались там, де ми ведемо бойові дії. Взяли їх в полон, потім, як виявилось, це були «шпіони». Вони були в «Донбасі», в батальйоні, ще до того, як він виїхав на Схід.

То вони не тут змінили свою позицію, а з самого початку ще, під Києвом?

Вони в Києві побули, а потім із Києва просто поїхали. Чи то перед спецперевіркою, чи то ще із якихось причин. Просто що з нами вони не виїжджали. Вони раніше просто покинули лави батальйону.

Після Попасної...

Після Попасної ми вирушили до Лисичанська. Із ВДВ-шниками із півночі ми заходили. Туди вже артилерія вовсю працювала. Артпідготовка була дуже такою потужною. Били по координатам. По конкретним точкам вибивали. Штурм в Лисичанську відбувався десь приблизно (протягом) двох діб. Бій йшов від цього північного заїзду до міста, від частинного сектора і до краю, до «стекольного» заводу. На «стекольнім» заводі у них теж був пункт, бо там було багато і зброї після їхнього відходу, і по медицині там теж було багато препаратів. Декілька фур, здається, по об'єму.

Взяли Лисичанськ. Далі...

Лисичанськ... Там пробули тоже відносно недовго, днів 5, десь так. Потім ми вирушили до Курахового. Там артилерія попрацювала дуже до нашого заходу хорошо. Але на той момент супротивник знав про наші наступальні дії. І вони більше відходили, встигали, бо ми довго дуже телилися. Інформація вся витікала і текла з усіх «щелей». Нам приходилося бігти в прямому смислі.

Воно може й добре, що без боїв рухалися...

Не дуже добре, бо отак от бігли-бігли всліпу, бігли і добігли до Іловайська. Там, де, в принципі, і дитина могла побачити їхні позиції. Отут може сомкнуться [оточення]. На жаль, дітей не мав Генштаб там.

Курахове і Іловайськ — між ними велика різниця. Це трошки різні території, пішки туди не дійдеш.

Курахове. Первомайське. Потім Іловайськ.

Ви ж не пішки туди дісталися. Це велика відстань.

Все на тих же звичайних громадянських автобусах. Отак і добиралися.

Коли потрапили до Курахового, звідти їхні «групіровки» тікали. Вони залишали невеликі сили, які, в принципі, розбити не було складно. Курахово беззаботно взагалі взяли. Первомайське — там так же. Нічого біди такої особливої «не предвещало». Із картами тоже були неопитні і не працювали. От я ніякої проблеми не бачив, я не бачив там «котла», я не бачив нагнітання. Думав, що все буде якось от в такому руслі і проходити. Випро-

сив п'ятиденку¹²⁴ і поїхав у Запоріжжя, засумував дуже за своїми. Приїхав в Запоріжжя і буквально на вечір — це 24-го чи 23-го, намагався зв'язатися із своїми хлопцями, зі свого відділення взводу. На телефони ніхто не відповідав. А потім, коли пішли ці тривожні новини, то я по телевізору уже бачив побратимів, яких переносили на носилках, які були уже мертвими. Це все в хаосі відбувалося. Тобто, я поїхав в Запоріжжя, вони приїхали в Іловайськ. Тут було досить таки ну неприємно. З однієї сторони, хорошо, повезло, відвело, а з другої сторони я там повинен був бути.

Так склалося. До речі, із тими запорізькими, хто брав участь у Іловайських подіях, Ви з кимсь знайомі? Може, разом служили? Нема таких?

Цей Іловайськ він відіграв таку роль на ту ж саму психіку. Процентів 40 «Донбасу» в оцьому Іловайську не стало. Це не враховуючи тих людей, яких брали до полону. Фізично просто їх не стало, дуже хороших людей, багато потрапило до полону. Ми один одного знали по псевдо. Ім'я не розголошували і це самий початок війни, коли і про родичів всі дуже переймалися. Стосовно цього, щоб ніхто обличчя не впізнав, ніхто не сказав, з журналістами вони не спілкувалися. «Оце людина у нього там-то, там-то батьки живуть» — цього моменту ми всі боялися. Тому і знали один одного по псевдо. Із Запоріжжя — «Вожак» позивний. Хлопець з нами був, але якось після цих подій Іловайська перервали зв'язок.

¹²⁴ Відпустку на 5 днів.

Зрозуміло. Добре. Ви в Запоріжжі, закінчується ця відпустка. Що далі?

Я намагався раніше потрапити туди. Але це не було можливим на той момент. Бо він уже закрився, «котел» цей замкнувся, і на той момент це не було можливим уже [потрапити].

Ви от із Запоріжжя повертаєтесь...

Не повертаюсь, тому що там всі розбиті і з координаційного центру всіх звідти відзивали. Це все дуже-дуже швидко почало заспокоюватися з батальйоном «Донбас».

Тобто, тема батальйону «Донбас» закрита, виходить?

Так. Вона залишилась в Іловайську, бо і резервів, як таких, там не було. Люди довго відходили від цієї біди, яка сталася саме в Іловайську. Потім будучи в рядах «Азову», то я бачив своїх бойових побратимів, ще з того «Донбасу», які були у складі нового «Донбасу». Цей «Донбас», і перший, у якому ми були, — це різні речі.

Суб'єктивно?

Суб'єктивно, так сприймаю.

Кінець серпня...

Кінець серпня. Я повернувся додому.

Чим займалися?

На день Незалежності прийшла звістка про те, що мого товариша, якого я з дитинства знав... Він мобілізувався, не побоявся. Мобілізувався до 55-ої артилерійської бригади запорізької¹²⁵. Вони їхали на

¹²⁵ Мова йде про Дьячкова Юрія Анатолійовича, 1980 р.н. Детальніше <http://memorybook.org.ua/5/diachkov.htm>

допомогу до Іловайську і цю колону «55-ки» розбили в районі Старобешева. На жаль, він, як свідчать факти, не встиг зробити жодного пострілу, бо «Градами» накрило їх транспорт. Вони на автобусах пересувалися і їх просто накрило. Кінець серпня — тіло Юри доставили сюди. Перше, чим я займався після «Донбасу», це приїхав і товариша поховав. Після цього влаштувався...через місяць... в голові більш-менш, як кажуть...

Все прийшло в порядок відносно?

Відносно прийшло в порядок. По здоров'ю стан свій тоже поправляв. Випадок такий був, коли я в лікарні обстежувався і мене турбував кашель. Кашель був дуже сильний із такими неприємними мокротами сірого кольору. Лікарі «молодці», віру в мене вселили, що це туберкульоз, по мокротам все видно. Я тоді дуже розстроївся, бо молодий, не хотілося [хворіти]. А хоча всі умови на той момент були, бо там у ямах спали, під дощем спали. «Донбас» перший, коли рухався, як кочівники були. У нас не було перевалочних баз, де чекає столова чи ще щось. Іноді вживали ту ж саму зелену кукурудзу.

Одного разу село під тим же самим Попасним. Із групою однією зустрілися, вони намагалися протидію якусь «Донбасу» зробити із фермочки. Просто вони не знали про наші пересування. Там було, здається, чоловік 5. Із ферми вони відкрили по нам вогонь. На той момент у нас уже був трофейний АГС 17-тий. Ми їх закидали гранатами. Накрили, ще гуси там були, штук 15. І ми здуру два дні там харчувалися. Трохи тушоночки, трохи оці крекери

похідні, кукурузка зелена — таким харчувались. Вода іноді із калюжі, бо забезпечення до нас надходило дуже важко, бо ми вперед рвали-рвали, рвали-рвали. Накосили цих гусей в бою, здуру рішили, щоб не пропадало добро, — посмажили, поїли. Потім розлади такі були шлунку після таких дієт хороших, як жирного м'яса наїлися.

Повернувся в Запоріжжя, займаюся своїм лікуванням, бо зміна місцевості, зміна води — це все [давалося взнаки]. Ті ж самі зуби сипались просто. Одні діагностували, що у мене туберкульоз. Я після цієї от новини був в ауті, дома знаходився. Потім потрапив на одного спеціаліста, який мені пояснив, що туберкульоза ніякого немає. Це порохові розриви, які були в повітрі, при вдиханні потрапляли до дихальної системи. Цей горілий порох виходив з мене десь на протязі місяців 2-3. Слава Богу, що туберкульоза не було.

Ось десь через місяць після мого повернення подруга мені запропонувала роботу у магазині одяжі в Запоріжжі в CITYMALL-і¹²⁶. Пропрацював я там, побачив, що є проблеми на рівні людей, які побували [на війні], із соціумом. Не було цього сприйняття, що там війна. Деякі питали: «А що, там вбивають?». Пішов із цього магазину десь у січні.

[20]15-й вже рік?

[20]15-й рік, так! І потім пропозиція була від мого товариша, який після Майдану, він одразу потрапив до «Азову» і працював в цьому «Азові». Вони Маріуполь штурмували, вибивали звідти наво-

¹²⁶ Крупний торгівельний центр.

*Військові полку «Азов» у колишньому маєтку
Віктора Януковича в селищі Урзуф Донецької області.
Фото Hubs.ua*

лоч. У січні від нього поступило «пропозиція»: «А давай до нас!». На той момент це було досить таки непогане рішення, зважене, дуже зважене. Бо із соціумом знаходитися поруч було дедалі важче. Скільки людей, стільки думок. А під час того, коли ти деякі моменти переживаєш у житті, не то, що плювати на інші думки, на чужі, а дуже радикально їх не розділяєш. Я відгукнувся на цю пропозицію, поїхав у підготовчий табір у Києві, на базі «Атек». Там пробув близько 3 або 4 днів, бо я там весь курс підготовки не проходив, так як я на той момент уже мав навички поводження зі зброєю.

Я пробув там 3-4 дні і з групою новобранців, які там місяць тренувалися, займалися, вирушив

до бази, що знаходиться під Маріуполем. Урзуф, до артилерії. Приїхав туди. Це, до речі, це був лютий, лютий 2015-го. Я попав на базу на другий чи третій день Широкинської операції, яку «Азов» проводив досить вдало. Потрапив туди і працював там у артрозвідці мінометного дивізіону. У нас був створений один дивізіон гаубичної артилерії (Д-30-ті пушки) в Маріуполі. Другий мінометний дивізіон знаходився в Урзуфі. Вилазили на те ж саме Широкине. Опиту дуже багато. Людей туди дуже багато заходило. Широкино взагалі, на мою думку, та і думку багатьох людей, які недалеко від війни, в нас відзначалося як стратегічно неважливий об'єкт.

Ну, в тій ямі...

Да, це яма, в яку вони постійно лізли. Там уже були місця пристрелені, артилерія одразу їх накривала, бо мирних мешканців у Широкино під час Широкинської [операції] уже не було. Там досить довго чіплялися. Також працювали Комінтернове, Талаковка, Сартана, Гнутово. Під Гнутово ми досить так плодovито працювали. У нас були «смежні» ще підрозділи розвідки, які із часом також перейшли в «Азов». Бо там, допустимо, в 37-ий батальйон демобілізація відбувалася, а хлопці вже пороху скуштували. Повертатися вони не могли. Просто, як то кажуть, планка упала. І ми працювали з ними досить плідно. У тому ж самому Гнутово були наші крайні позиції. Виходили і з Комінтерново стежили весь час і за Заїченко, до Саханки також лазили, дуже далеко заходили.

От Ви коригувальник вогню, а вогонь вівся чи розвідка [лише]...

Вогонь вівся. Ми розвідкою проводили диверсійні дії також. Ми заходили далеко на їхню територію, намагалися обходити їх секрети. У нас досить непогано виходило. І проходили із такими установками типу ПТУРа або СПГ і наносили удари по їхнім бліндажам, звідки напередодні вони вели артилерійський вогонь. Підбирались до них метрів на 500-600, іноді до кілометра, і завдавали удару. Під Гнутово ми дуже хорошо одного разу так спрацювали. Нас вийшло чоловік 7-8 із цією установкою, зав'язали бій. Так вийшло, що, коли ми зав'язали бій, була підтримка мінометів — маневр, щоб людей загнати в бліндаж. Вони в бліндаж зайшли і тоді досить непогано ми скористалися цим самим ПТУРОм. Ракету завели туди, куди потрібно, і «со старта», як то кажуть, мінус 27.

Що значить «мінус 27»?

Мінус 27 — з тої сторони. Одним ударом. Ракета, коли заходить у бетонований бліндаж (у них конкретні були «перекриття»), то сама хвиля в закритому приміщенні — і мізки розлітаються від цього вакууму. Мінус 27 — це умовно. Підтверджених.

Ким підтверджених?

Радіоперехватами. Від початку того ж самого Широкино «Азов» працював більш професіонально. Якщо брати «Азов» і «Донбас», порівнювати. Тому що в «Азові» було багато бійців із інших підрозділів, яких багато залишилося в Іловайську. Частина із «Донбасу», хтось із батальйону «Кривбас» (40-й

Кіровоградський), який там дуже сильно постраждав. Люди з цими навиками робили нормальні речі.

Дуже багато також операцій проводилися спільно із Службою безпеки України у населених пунктах, таких як Октябрь, Павлополь, той же самий Пищевик. Відбивали і поверталися туди, де гарячіше, в теж саме Широкино. Люди писали ці закони про Мінські домовленості, про режим переривання вогню, якого як такого і не було. Просто «утюжили» з тої сторони, дуже хорошо утюжили. Відповідь ми достойно давали. Зони, які були укріплені, які були під нами, які були відбиті, — це те ж саме Комінтерново, Заїченко — їх відносили до буферної зони. Нас звідти виводили, артилерію виводили. Натомість зі сторони Саханки та Новоазовська підходила з їхньої сторони артилерія, набагато важча, ніж яка була у нас. У нас там 122-ті калібри, міномети 120-ті. Артилерії на той момент просто не було, бо її всю виганяли за Мінськими домовленостями. Ми ж добре всі правила соблюдаємо. Дотримуємося тих правил, які нам не на користь, у нас це дуже хорошо отримується, у влади.

Служба Ваша в «Азові» чим закінчилась?

Служба в «Азові» закінчилася бездіяльністю вищого керівництва. На рівні Міністерства оборони, на рівні тих самих Генеральних штабів, які проводили ці лінії розмежування. Практично війна перейшла в окопну. На мою думку, що свою лепту внести [не можна], це було уже без толку. Тому що це просто споживання забезпечення. Марнотратство. Плюс ще от із здоров'ям виникали проблеми.

Ви ж молодий, які проблеми можуть бути у такому віці?

Молодий, не молодий, в такому темпі [дається взнаки]. У мене парикмахерки питають: «А в такому віці звідки у тебе сідина береться в голові?» Це нервова система. Після Донбасу я узнав, що є термін «запас прочності організму». У людини є певний [запас] і вона може не спати неділю. Бо вживає самий страшний, мабуть, і самий сильний наркотик, що є, — адреналін. Людина може не знімати той же самий бронезилет неділю. За берці я навіть не кажу. І проблеми із здоров'ям звісно виникали на тій «почві», що у нас мирний план діє дуже хорошо. У лапках дуже хорошо. Він взагалі не діє. А нас нікуди не пускають. «Азов» консервують на базі, щоб ніяких бойових, нічого. Я просто свого подальшого перебування там...

Не бачив?

...не бачив. Плюс дуже, дуже непогано підкосило [здоров'я]. Повернувся я до Запоріжжя, у лікарні провів десь близько місяця, поправив здоров'я, скажімо так, до мінімального рівня життєвого. Після цього мене познайомили із людиною, яка виявилася, мабуть, найкращим психологом. Зараз багато кажуть про реабілітацію воїнів, про все, а насправді у нас немає кваліфікованих психологів. Одного часу, мені так здавалося, це чисто моя думка, люди йшли на спеціальність психолога або за дефіцитом грошей на якусь там більш [дорогу] спеціальність, або за дефіцитом мозку у голові, бо там особливо і думати не потрібно. Коли я стикнувся

з оцими людьми, які всі дуже, дуже, дуже хотіли допомогти, я зрозумів, що коли я з ними спілкуюся, я їм більше допомагаю, ніж вони мені. Тому що задають вони питання, як всі інші пересічні громадяни. «Людина, яка пережила досить такий непоганий стрес, яка, повертаючись звідти, голова? Пуста, бо ти не знаєш чим займатися, тобі цікаво що буде завтра?». Навпаки, тобі нецікаво що буде завтра. Коли я повернувся в Запоріжжя, я думав, воно дойде чи не дойде сюди? І що мені робить? З вилкою ворога зустрічать, з ложкою? Чим захищатися? Певний час [я] був заточений [на війну], в таких сурових умовах саме своє існування перекрутив. Був цивільною людиною, а там повністю зрозумів, що таке війна.

І запитання ті ж самі від психологів були. «Коли закінчиться, коли це все закінчиться, коли закінчиться війна?».

Вони у Вас запитували?

Так. Люди також питають, а коли це все скінчиться? Таке питання. Зараз я блокнот дістану: ага, в 2017 році, 4.08, у 17:23... Звісно такого немає. На це питання відповідав: «Якщо Ви знаєте, що буде завтра, то Ви дуже мудра людина. Якщо Ви знаєте що буде завтра. Бо ніхто цього не може [сказати]. Ніяка гадалка Вам наперед не побаче, ніякий аналітик».

Познайомили мене із людиною, з Притулою Олександром Леонтійовичем, який виявився, мабуть, найкращим психологом і радником. І взяв мене до себе займатися Спасом — бойовим

мистецтвом. Спас — він взагалі не як бойове мистецтво, це більше як філософія, як образ життя вільного козака. Займаюсь цим ділом, бойовими мистецтвами.

Ви в якості кого? Ви можете бути тренером?

Сам не спеціаліст і тренером поки бути не можу, але дуже хотілося б працювати саме з аудиторією, яка йде за знаннями і хоче отримати знання. Хотілося б дуже зараз і тим більше можливість є отримати друге вище.

Що Ви хочете?

Другу вищу освіту.

Ви вже зараз починаєте, десь зараз здаєте документи чи що?

Ще ні. Зараз просто дуже багато питань, які потрібно вирішувати. Зараз пріоритет просто не на цьому. Дуже хотілося б отримати вищу освіту, яка б надала всі умови в майбутньому для того, щоб була можливість виховувати дітей.

А яку конкретно спеціальність Вам треба, щоб виховувати дітей?

Щоб отримати той же самий інструкторський рівень на факультеті того ж самого фізвоспу¹²⁷. А там уже шляхом настирно йти до свого, отримувати відповідну сертифікацію.

Да, зрозуміло.

І це все можливо.

Давно Ви сім'ю завели?

Сім'ю я створив, у мене сьогодні, до речі, якраз річниця.

¹²⁷ Фізичного виховання.

Рік тому?

Рік тому. Рік тому я приїжджав із «Азова» на ротачію і просто зрозумів, що я не знаю, що буде завтра, але завтра може не бути мене. А дівчина, у нас стосунки. Вона чекала мене із того ж самого Донбасу, скільки було сліз і нервів, коли я був на Майдані.

Батьки хто у Вас?

Батьки займаються садівництвом, скажімо так. Офіційно не працюють, вони працюють на землі.

Приватне садівництво?

Приватне садівництво.

За рахунок цього живуть?

Так.

Ви один в сім'ї у батьків?

Двоє. Старша на 7 років сестра є.

Все-таки Ви не шкодуєте, що пройшов цей шлях?

Я не шкодую, що пройшов цей шлях. Спробую своїми словами пояснити. Зараз народ намагається провести люстрацію. Депутата хватають, кидають в урну, кажуть, що в АТО його відправлять. Це позиція ізначально неправильна. Бо в АТО не можна таких людей відправлять. Це не виправна колонія. Для мене люди, які туди йдуть, вони мають якусь привілею. Це честь. Просто там існує можливість за свободу України віддати найдорожче — власне життя. І люди, які йдуть туди добровільно, — це дуже, дуже велика честь і дуже велика їм шана. Народ вважає, що непотрібно людей, які привілейовані настільки, порівнювати з цими низькими «слугами народу».

Зрозуміло, якщо б всі наші Збройні сили склалися з вмотивованих людей, то ефективність їх була б на декілька порядків вищою.

Було б і набагато ефективніше. Невеличкий такий приклад. У мене товариш мій зараз служить у містечку Щастя. Одного часу він просився до мене також в «Азов». Він дуже просився: «Допоможи, допоможи!». Але на той момент мобілізація була відсутня. І не було можливим його перетягти туди. Він пішов до военкомату, його відправили в миколаївську частину разом із людьми, які просто дома сиділи, от, і отримували ті ж самі повістки. У кого були гроші, ті заплатили, щоб не йти воювати. У кого не було, хто побоявся, хто ще щось... Є люди, які пішли, але зовсім з іншими інтересами, я не знаю, на що вони розраховували. І він мені каже, що наскільки це важко бути з людьми невмотивованими. Бо коли йде обстріл, а ви у бліндажі пліч-о-пліч сидите, зараз ворог піде. Потрібно бій зав'язувати, а він ззаду тебе тремтить і розказує про те, що йому ця Україна взагалі не впала, йому це взагалі нецікаво і він би просто зараз зброю кинув би і втік. Він каже і на моральному рівні запал тухне просто у людини. Це різниця добровольців і ЗСУ. Набагато краще було б укомплектувати добровольчі батальйони, так, щоб вони могли працювати і працювати не у стані мирному, як ми називаємо АТО, а щоб це дійсно був стан війни.

Я так зрозумів, що у Вас моє інтерв'ю не перше? Так?

Ні, інтерв'ю не перше. Багато інтерв'ю цих було: і в гарячих точках багато, і по новинах свого часу

багато передавали. Знайомі телефонували, казали: «Ти зірка просто». [Сміх]. То «ІСТV», то «1 + 1», коли в Широкино було гаряче. Був повнометражний фільм про наші бойові дії. І знімала дівчина-журналіст Першого Національного. Вона відзняла цей фільм і коли в неї були вже готові всі матеріали, ліпила до купи, вона задавалася питанням, як назвати цей фільм? Її дуже надихнуло на назву цього фільму нагороди, які нам були представлені, — «Від спілки ветеранів МВД чи АТО».

Це ж мається на увазі іще «Донбас», так?

Ні, «Азов». Це про операцію, яку ми прокрутили із бліндажем, коли 27 чоловік відправили [на той світ]. Медаль називається «Без права на славу, на славу державі». Це для розвідника така дуже дуже, дуже важлива нагорода. І ця журналіст, яка знімала фільм, назва цієї медалі її надихнула і вона назвала фільм. У [20]15-у році на день Незалежності транслювали цей фільм, по Першому Національному. Її надихнула назва і фільм цей називається «Без права на славу». Досить цікавий фільм. Оце дуже добре подивитися людям, які питають: а що там справжня війна? От, ну там у фарбах.

На заключення все-таки, загальна оцінка. Ви були і в одній частині Донбасу, потім в іншій. Ставлення населення до вас і що трапилося з Донбасом, що у них там перевернулося?

Донбас просто став жертвою жорсткої пропаганди. Плюс дуже, дуже багато нав'язували із Сходу.

Вас як сприймали?

Нас сприймали взагалі по-різному, я ж кажу. Деякі люди від радості втрачали свідомість, а деякі люди були готові на такі дуже [погані речі]. Переважно це дуже змішаний [настрій], бо деякі люди просто аплодували, бігли продукти нам там відносили: «Молодці, хлопці, все хорошо!». А дехто в магазині плювали в спину. Коли це помічалось, це завершувалося дуже погано для «верблюдів». «Нащо ви сюди прийшли, нащо ви прийшли сюди зі зброєю, отут так хорошо, а ми тут так чекаємо Путіна, а от там країна живе, процвітає, з колін встає!». З колін на локті, з локтів на коліна.

Здебільшого проблема Сходу заключається в тому, що там це все готувалося, там велася пропаганда зі сторони країни-агресора — Росії. Там велася пропаганда про те, що вони дуже хороші і дуже добрі, вони прийдуть і захистять. А з нашої сторони — України — влада вела антипропаганду шляхом дискредитації просто свого становища. Ми знаємо організації, такі як там «ДНР», ці прапори. Інформація є, матеріали, що це готувалося дуже давно і така організація була там ще з 2009 року, можливо ще раніше. Відсутність пропаганди, здорової пропаганди, звісно. Воно руйнувалося, воно так хорошо руйнувалося, а прийшли за правду [на Майдані]. Те, що ми називаємо правильним, з їхньої точки зору це було зовсім неправильно. Вони готові були терпіти того, хто собі пече «золоті батони». Таким чином цей розкол і відбувався.

«Волонтери — це такі ж самі добровольці, тільки іншого напрямку... Тут купа людей підтримувала, і я їм надзвичайно вдячний. Тут нема навіть питань, я вдячний. Якби не ці люди — мабуть, там я би десь і згинув...»

Ім'я: **Тимур**
Рік народження: **1962**
Статус: **боєць батальйону «Донбас»**
Інтерв'ю записане
В. Мороко
29 березня 2016 р.
Поточний архів проекту.
Ф.29. Оп.1. Спр.37.

Отже, вступ. Розкажіть коротко про себе, основні віхи життєвого шляху до цих всіх подій: хто Ви, звідки.

Давайте [скажемо] так, що нічого надзвичайного в мені нема, звичайний мешканець Запоріжжя.

Ви весь час живете в Запоріжжі?

Да, я тут народився, тут в мене дід з бабою поховані, якимось так воно було все. Тобто завжди була звичайна радянська, будем казати, родина. Ну так, з відчуттям того, що ти українець у серці. Ніякого загострення не було ніколи до цього часу, тобто звичайний [життєвий] шлях.

Скільки Вам зараз років?

Зараз мені 53 роки.

Тобто у [19]91-му Вам було приблизно 28 років. Як Ви сприймали цей період, Ви відчували себе патріотом України, відчували це десь, чи просто так жили собі, та й жили?

Я дуже добре пам'ятаю референдум, взагалі пам'ятаю. «Я українець», — ця думка була, але не настільки близько сприймав все це.

Чим Ви займались уже в зрілому віці?

В зрілому віці я відучився, був інженером, був приватним підприємцем.

Де навчалися?

У нашому запорізькому інституті, «Машиностроїтельний інститут імені Чубаря»¹²⁸ (як він тоді називався).

Який факультет?

Машинобудівний.

Ви по спеціальності працювали?

По спеціальності, а потім пішов займатися (як багато моїх колишніх співучнів пішли) своїм бізнесом займатись, тобто жив-виживав, як звичайно.

Діти є?

Є, двоє.

Уже дорослі?

Дорослі.

Зрозуміло. Я знаю, що оці погії Ви зустріли у «Свободі»¹²⁹.

Так-так-так.

А з якого періоду Ви в ній?

Десь з [200]9-го року я почав, вже так — «вплотную», тобто вже було самовизначення, що я українець, ідея побудови української держави. Я бачив те, що відбувалося у нас в державі по відношенню саме до українців, саме до тої держави, яку ми колись хотіли бачити ще у [19]90-му році, за що ми голосували — саме це мене нашттовхнуло на той

¹²⁸ Нині — Запорізький національний технічний університет.

¹²⁹ «Свобода» — українська політична партія націоналістичного спрямування.

шлях, оце так я прийшов [у ВО «Свобода»]. Ну і, плюс, життєвий досвід нашттовхнув на те, що я все ж таки українець і буду будувати саме українську нашу національну державу, розбудовувати її, що потрібно — все робити, займати активну позицію. Ну, там були деякі особисті питання саме з приводу національної приналежності, був дуже важкий шлях, поки я став на шлях саме українського націоналізму. Але завжди було відчуття того, що треба бути господарем тут на землі, будувати й не відходити від цього, як і тисячі інших людей.

Майдан як Ви[зустріли]?

Майдан для дуже багатьох у Запоріжжі почався ще з Євромайдану як такого. Це шлях був, коли Янукович почав відверто здавати і повертати Україну до складу імперії. Тобто бачення було таке, що імперія приєднує свої землі. Тоді було це зрозуміло, одразу був перекреслений шлях на євроінтеграцію, шлях на майбутнє. Тоді багато запоріжців, вийшли саме протестувати проти згортання єврошляху¹³⁰, і ми почали саме з подій Євромайдану.

Ви маєте на увазі запорізький Майдан?

Євромайдан!

Що значить «Євромайдан»?

А тоді ми ще без Майдану, ми починали за євроінтеграцію України.

Коли це?

¹³⁰ У даному випадку під словосполученням «протестувати проти згортання єврошляху» розуміється початок народних протестів проти скасування тогочасним президентом В.Януковичем курсу на інтеграцію України до складу Європейського Союзу.

На запорізькому Євромайдані. Фото опитуваного

Це був кінець [20]13-го року.

Правильно, це ж і є Майдан, з кінця листопада.

Майдан потім пішов, почався пізніше. Це ще не з листопада, це ще був вересень.

А, ну тоді добре.

Коли здав Янукович, відмовився від єврошляху.

У жовтні вже остаточно.

Вересень-жовтень, оце саме тоді інші почали виходити¹³¹.

А у подальшому, коли у Києві став Майдан, Ви у запорізькому Майдані брали участь?

Я був і там, і там.

Я, скажімо, тут бував принаймні кожні вихідні.

А Ви ї туди їздили?

¹³¹ Як показують результати опитувань, переважна більшість мешканців Запоріжжя ототожнює початок Майдану з акціями протесту проти свавілля запорізького «смотрящего» Євгенія Анісімова, що розпочалися з жовтня 2013 р. і поступово збіглися в часі з початком всеукраїнського Майдану.

Так, часто, тому що багато людей наших, була координація. Взагалі «Свобода» приймала дуже активну участь, дуже багато людей наших запорізьких їздили, треба було.

Це був своєрідний вахтовий метод, в наметах, чи як?

Там були і намети наші, запорізький був намет, були «Свободівські» [від] організації. Тобто приходили, їздили, координували потреби людей, відправляли. Дивилися теж, займалися ще окрім цього, будем казати, службою безпеки — що за люди там знаходяться (саме від наших). Координували ці справи, щоб не було провокацій там, тобто намагалися вести. Сам я намагався себе вести як партійна людина, в нас був свій план розвитку. Тобто ми діяли вкупі, щоб це все було більш організовано.

Коли [скінчився] Майдан, Ви стали єдиним запорізьким «свободівцем», який пішов на Донбас. Інші все-таки тут залишились?

Ні.

Не так?

Ні-ні, дуже багато людей пішло з моєї структури, з моєї організації, рядових бійців, вони пішли.

Вже після Вас?

Навіть до мене. Разом пішли саме в [батальйон] «Донбас» я, Андрій Грушевський (це з нашої партійної організації). Після цього там ще є люди, які йшли в інші структури. Саме в «Донбасі» опинився я і Андрій Грушевський.

Коли Ви прийняли рішення, що треба взяти участь у цих подіях? Чому саме «Донбас»? Не було

спроб [потрапити] у Збройні сили? До цього Ви у армії не служили?

Ні, я офіцер запасу, військова кафедра. Курси перекваліфікації, так звані «офіцерські збори», і звання чергове було.

Яке у Вас було звання?

Старший лейтенант, воно й зараз є у мене.

Яка у Вас була військово-облікова спеціальність?

Командир вогневого взводу, артилерист.

Але чому пішли [у «Донбас»]?

Спершу намагалися соватись по військкоматах, але чомусь було дуже багато проволочок усіляких: «Чекайте, чекайте, чекайте». Події, бачимо, розгортаються все сильніше й сильніше. Тут якраз підвернувся випадок (просто так от вийшло, так склалося, доля так поклала). Приїхали хлопці з батальйону «Донбас» (тоді ховали людину [з батальйону у Запоріжжі]) і ми з ними домовились. Ну що, узнав процедуру вступу і що можна це зробити все. І поїхали, це було десь 29 травня [2014 року]. Хлопці запорізькі в тому складі [батальйону] (це там один чи два моїх хлопці). Вони їхали 29-го, я з ними домовився, бо я тоді вже виконував [обов'язки], був головою місцевої організації. Я свої справи підчистив, як то кажуть, [і поїхав].

Місцевої організації міської?

Міської організації.

А Подлюбніков — це обласна організація?

Да. Я підчистив, як то кажуть, підбив свої справи партійно-організаційні, і після цього десь 2 числа [червня], здається, я вже був — тобто за 3 дні.

На той час Ви були приватний підприємець?

Ні.

Так Ви свою справу...

Я не свої справи, я більше партійні справи закінчував, тобто там була купа таких питань, чисто організаційні. Були заходи, які треба було [здійснити].

Куди Ви поїхали?

Я поїхав у Київ, там був збір у нас призначено. Це Нові Петрівці¹³², в/ч 3027 Національної гвардії. Поїхав туди, записали мене. Пройшов анкетування, пройшов медкомісію (там така, «взльот-посадка», як то кажуть). Ну і все, був зарахований до складу Нацгвардії.

Як довго це йшло в Петрівцях?

Ну, в Петрівцях, я Вам так скажу, десь 2-3 червня ми були там, а вже в липні місяці, 17 липня ми вже були в зоні АТО.

Де?

Ми починали з Артемівська.

Зразу вас з Києва в Артемівськ перекинули?

Так. Служити ми почали вже там, тому що в мене була така цікава рота, рота охорони. Ми були скрізь, по всіх місцях наші люди були: що табір охороняти, що стрілянина де якась...

Ви рядовий у роті охорони?

Одразу я починав — мені було наплювати на все, я пішов просто. В мене перша «корочка» була спеціальність «снайпер». Потім прийшлося: і кулеметником був, і все пішло у мене. Не дивлячись на

¹³² Йдеться про село Нові Петрівці Вишгородського району Київської області.

те, що як офіцера не мали права брати на рядову посаду. Пішов, будем казати, одразу фіктивно призначили там десь, приписали до роти.

А чого не офіцером? Чого так поспішати?

Не було часу тоді. Тоді вже не було часу, дуже події були серйозні, йшли втрати, люди тікали. Коли реально знаєш... Я реально знав через що воно все це стається, ми проводили опитування. Я реально знав стан речей в військових підрозділах.

Тобто вони не дуже боєздатні були?

Вони не збирали багато людей.

Воювати не збиралися?

Оці старі структури (тоді ще початок [20]14 року), вони не збиралися воювати. Просто тупо було, без [бойових дій планувалась] здача і закінчилося б дуже воно погано. Саме через це (ну, я знав, який відсоток офіцерів згодні воювати, а скільки людей взагалі не бачать в Росії ворога) реально бачив стан речей.

Наскільки ситуація в Збройних силах змінилася відтоді і по сьогодні?

Дуже змінилася, Ви знаєте, я скажу.

Але в нас що, 100-відсотково [готові воювати], чи все-таки залишилися ще такі, які ухиляються?

Ні, ну такого багато, такого багато лайна, я перепрошую, як то кажуть. Ті, що тікають при будь-якій можливості, намагаються не йти, [відкупаються] за гроші, якось там...

Це ті, яких по мобілізації беруть...

Не тільки, не тільки. Я вам скажу, серед мобілізованих дуже багато достойних хлопців. Я от коли

повернувся в армію після полону, після всього — дуже багато хлопців, які добровольцями не йшли. [Але] коли прийшли їм повістки на мобілізацію — вони просто пішли. Це, можна сказати, ті самі добровольці, тільки других хвиль. Там було багато, відсоток такий був, нормальний.

Кажуть, що з кожною хвилею мобілізації склад мобілізованих погіршувався. Це так чи ні, як Ви вважаєте? Найкращих спочатку взяли, а потім почали підчищати?

Десь так воно й було. Тобто той, хто не тікав, як то кажуть, прийшов час, Батьківщина покликала — ті пішли в перших хвилях. Перша — друга, третя, навіть четверта. Далі вже, коли пішли підчистка і підбирання — вже будь-кого тягли, то, канешно, якість погіршувалася.

Зараз іде на демобілізацію четверта хвиля, наскільки я знаю. Це ті, що були взяті в січні десь приблизно 2015 року.

Січень — квітень. Це якраз моя хвиля, виходить. Я теж в цій хвилі, от якраз січень — квітень.

Давайте повернемося назад. Отже, з Петрівців ви відправляєтесь в Артемівськ...

Да-да-да.

Що там? Коли це було?

Це липень, липень місяць. Ми почали туди виїздити, там у нас база була. Вже оформлювали базу, там робили, заїжджали-виїжджали, тому ми працювали. [Нашою задачею на той час була] і охорона табору, і бойовий супровід штурмових груп, і супровід вогневої підтримки. Тобто якісь батареї

артилерійські, або ще щось. Це доставка грузів, поранених безпосередньо вже...

Це був ще період ейфорії? Мабуть, здавалося, що ось-ось [буде перемога]? Без втручання прямого російського нібито за липень-серпень, ще тижень-другий, третій і у вересні все закінчиться?

Ну, ми все ж таки вважали, що ми зможем закінчити з цим усім. Тоді почалися переформатування, вже бачили ми. Тобто люди підтягувались, саме люди підтягувались такі, що налаштовані були воювати, навчилися воювати.

Батальйон «Донбас» асоціювався взагалі з Гришиним-Семенченком¹³³, так чи ні?

Ну, так.

Він тоді перші кроки в районі Мар'їнки [робив]?

Ні, Мар'їнка це вже було, це вже кінець, це було закінчення епопеї. Після Артемівська була Попасна, був Лисичанськ. Був ще, значить, там Червоноармійськ. Здається, там декілька дрібних таких завдань, тобто [ще кілька] населених пунктів звільняли.

Ви відчували себе в тій ситуації комфортно? Всі, які вас оточували, були однодумцями?

Так, більшість.

Тобто проблем не було?

В більшості не було, які були проблеми? Люди прийшли свідомо.

Люди прийшли свідомо. Але ви ж не у вакуумі, так скажемо, вас якісь частини Збройних сил

¹³³ Гришин Костянтин Ігорович (він же Семенченко Семен Семенович) — командир 2-го батальйону спеціального призначення «Донбас» у 2014-2015 рр.

чи *Нацгвардії оточують. Що ви знали про них: наскільки тоді вони були боєздатними? Ви з ними координували дії? Чи діяли автономно, знали лише свої завдання?*

Ні, ми знали наші завдання. Але тоді вже, я ж кажу, що там десь місяця два пройшло, тобто почали вже люди, будемо казати, навіть змінюватися — самі війська ЗСУ, Збройні сили. Було там, було ненадійно, була недовіра велика до офіцерського корпусу. Але все ж таки бачили, що підтримка десь вже починається. Навчилися ті ж вже артилеристи там, або ще щось. Не дуже надіялись ми на них, навіть саме на Збройні сили. Але вже підтримку почали відчувати, саме бойову, вогневу.

Контакти з місцевим населенням?..

Ну, контакти з місцевим населенням... Я Вам скажу, що доволі таки [неоднозначні] враження.

У мене така підозра, що вони і досі там такі.

Вони такі й залишились, я вже не беру саму окуповану територію, де інтервенція відбулася. Навіть тут, знаєте, чим ближча, теж — будем відверто казати: [вони] не українці.

Отже, липень місяць. Які завдання виконуєте?

Після Артемівська, Попасної і Лисичанська нас перекинули на Донеччину, ми зайняли базу в Курахово...

[Після короткотривалої перерви].

Ми там свою справу зробили по визволенню цих міст, і потім перекинули. Так як батальйон вважався територіально Донбас, то вже, мабуть, було це вмотивовано політично, може ще якось. Тобто,

так як ми вважалися територіальною обороною, то перейшли на Донецький край.

Але якщо Ви кажете Курахове, це все-таки не зовсім передові позиції, там перед Кураховим Мар'їнка.

А у нас там була тільки база, от як завжди — там сама база, а операції ми їздимо, працюєм на передовій. Декілька операцій було по зачистці Мар'їнки, потім пішли, нас перекинули тоді на Іловайськ...

Та історія з Іловайськом. «Донбас» брав участь у спробі, здавалося б, успішній початку входу [ЗСУ в місто й подальшої його зачистки].

Ми два рази брали. Перший раз ми брали — ми його не взяли. Була, так сказати, розвідка боем, от. Взяли перший блокпост. Вже туди [у межі міста] не втягувалися. Тому що операція була [здійснена] не тільки [силами] батальйону «Донбас», там ще були добровольчі батальйони. Вони не пішли. Ми пройшли вперед, вирвалися, зав'язалися бої, бої вуличні. Побачили, що ми просто своїми силами не зможемо ввійти. Ввійдемо, але потім можемо не вийти звідти, тому що немає підтримки, ми відійшли. Це 18-е, здається, число було, серпня, ми відійшли.

18-го ще не було вторгнення російського?

Не, вже може десь попадались, але як такого не було, масового. Десь біля 20-х чисел ми вже почали перший раз перестрілюватися з росіянами. Ми повністю тоді відійшли [за] Старобешеве, відійшли туди на Курахове, коли невдалий штурм був. Були в нас втрати тоді бойові, ми вже зайшли майже в сам Іловайськ, перший блокпост, «роздовбашили» його, все вже, зайшли, все, вже будівлі почали...

*У зоні бойових дій.
Фото опитуваного*

А «роздовбашили» чим? У вас стрілецька зброя. Якась потрібна більш серйозна.

У нас ні, Ви ж не забувайте, що таке «Донбас»: у нас окрім стрілецької [зброї] — автоматів, кулеметів — у нас були зенітні установки, у нас були БМП, гранатомети.

Безпосередньо в батальйоні чи у приданих підрозділах?

Ні, безпосередньо те, що було у «Донбасі», безпосередньо. У нас вистачало такої [зброї], тобто середньої: АГСи були в нас, автоматичні гранатомети, плюс до цього в нас була підтримка артилерії, вони нам здорово допомогли.

55-а [артилерійська бригада]?

Я не можу сказати. Дуже допомогли вони нам там, підтримали нас вогнем, лупонули поруч, там і склад якийсь їхній підірвали. Все вже, от-от, все, 100 метрів, все вже, взяли, ось він, блокпост перший — все, заходь у місто. Почали, сунулися, вже почали гранатометників, снайперів винищувати, зачисткою займатися. Але без підтримки військ це був би абсурд туди заходити.

Причина? Ви вважаєте, що не спрацювало командування, яке не спрямувало туди більші сили?

Я не буду, знаєте, [трактувати] такі масштаби великі, я знаю, що «суміжників» не було, щось порушилось в планах. І саме через те, що ми більш нахабно діяли, більш активно, ми вирвались вперед. Потім побачили: зараз тут заїдемо, а підтримки не буде, ми не втримаєм це. Тобто, зараз почнуть підтягувати, ми просто не втримаємось. Тому що нема підтримки поруч. Ми так ото на вістрі йшли. «Айдар» там був, ще хтось там був. Вони стали, півтора кілометра пройшли і стали. Попали десь там під снайперів або ще щось, тобто всі стали: «Ми не підємо, а-я-я-й!» Ми ж зайшли туди, ну що: зайшли, постріляли, дещо там роздубали їм, як то кажуть, вийшли назад. Тому що треба операцію, це ж місто займати так.

Далі був другий штурм, коли взяли майже півміста. Уже з підтримкою, із ЗСУшниками другий раз ми пішли.

Окрім «Донбасу», батальйони були там спецпризначенців, були Кіровоград¹³⁴, були ЗСУшники, був там «Дніпро». Кого там тільки не було, там дуже багато було людей вже тоді, коли наступний раз ми зайшли. Ми майже півміста вже [звільнили].

Наступний раз це коли?

Ну, це початок 20-х чисел, тобто дня через три, через чотири.

До 23-25-го ви не зіштовхувалися з російськими підрозділами?

Уже почалися вони там, уже були. Тому що там вискочили десь на перехресті, лупонули, два
¹³⁴ 3-й окремий полк спеціального призначення, який базується у м.Кропивницький.

«ГАЗика» збили. Дивимся — блін, десантники російські. Там десь хлопці в селі, там поруч, на опіллі, був бій — теж захопили десантників.

Прямо точно з кінця серпня вже?

То вже було остаточно.

То вже без вас було?

Як без нас?

Чи ви там і залишилися?

Де? Я там до кінця, я останній виходив, мій підрозділ останній виходив з Іловайська, я останній виходив і знімав пости з Іловайська.

Ви там як зайшли другий раз — так і залишались?

Да, ми там так і залишались, ми виїжджали, вивозили поранених, привозили БК — ото тільки й того. Ми тримали все. У нас був штаб, штаб був у школі. По периметру це був мій підрозділ, ворота охороняли, стояли п'ять (п'ять!) блокпостів, оце ми тримали. Хлопці, ті що штурмовики, уходили вперед, поверталися. Але саме оце цю базу тримали ми і підтримували хлопців, коли вони йшли на штурм своїми силами. У нас були гранатометники там ще. Тобто, коли треба було, хлопці виходили, займали першу лінію оборони там по болотах. Ще там дамба була — хлопці туди безпосередньо [вирушали]. Це саме були житлові квартали, ми це займали. І останні, хто пішов, це була моя рота.

Ви вийшли?

Так, ми з Іловайську вийшли.

Багато хто не вийшов.

Ні, з самого міста Іловайськ ми вийшли, нам дали вийти, з міста Іловайськ нам дали вийти...

*А отой відомий розстріл?*¹³⁵

Ми не дійшли, це було це вже далі. Ми пішли, колони розділилися. Многопілля — там таке поруч (село чи посьолок, щось таке). Там ми розділилися, одна колона пішла туди, ми пішли на село Червоносільське, і там от на підході до Червоносільського попали вже під обстріл, тому що нам казали: «Не стріляйте».

Домовленість є, так?

«Є домовленість, "зелений коридор", не піддавайтеся на провокації, ми типу виходимо, нам дають можливість». Проте ми сиділи майже два тижня, ми сиділи в цьому Іловайську під «Градами», під артилерією — працювали, жили, стріляли, билися з ними, це ж не так, що...

Ну, скажемо так, коли ви потрапили в село, якби не було ілюзії...

Якби не було ілюзії, ми б, може, пробивалися, ми просто пробивалися б бойовим порядком, а не походним. Те, що нам сказали, що йдіть, тобто буде все добре, не стріляйте.

Так колони витянулись?

Ми були готові, а що ми, колона йде, поранені, все там, червоні хрести, люди позбирали, людей всіх посадили, їдем, все, ми їдем, їдем, їдем, ми виходим, все. Сказали: «Ми не воюєм, ми покидаєм, відступаємо». Якби було більше, може, те що була бронетехніка, була артилерія, були б там ЗСУ-шники...

Мабуть, з втратами, але...

¹³⁵ Йдеться про розстріл «зеленого коридору», яким виходили українські військові з Іловайська.

З втратами, такого не було, просто такого не було, ми попали просто, виїхали (як місцеві казали) вони два дня нас там чекали, ми просто тупо, як я не знаю, нас, як у тирі, тоді там розстрілювали.

І що галі?

А що далі, нормально було. Було село Червоносільське, був зустрічний бій у нас з ними. Було там офіційно від 4 до 6 підбитих одиниць бронетехніки російської, були взяті в полон їхні люди, росіяни, були побиті їхні (ми бачили їхні документи), збирали їх дохлих по кукурудзі.

Ваша подальша доля? Ось Ви із своїм підрозділом де?

В Червоносільському, оце ми там попали. Тоді там ми і залишилися, півтори доби там був бій. Ми билися з ними, ми очікували [підкріплення], нам передали, що до нас йде колона. Вона і справді йшла та колона, там багато було запорізьких в тій колоні.

Тільки не дійшли?

Не дійшли хлопці, розбили їх, от. І ми так само, почались потім перемовини з росіянами. Ми якби знали, ми ніч прогавили, може б щось... Ну я ж кажу, що дуже багато поранених було. Вони знайшли нас всіх, наших поранених, що ми вивозили з Іловайська. Тих, останню партію, вони всіх знайшли, а там їх було ще скільки ...

Скільки?

55 людей в мене було поранених.

Оті важкі дні. Запитання людини, яка такого не переживала: чи було відчуття страху, жаху? Що Ви в той момент відчували, чи просто ніколи було думати?

Відверто — думати дуже так тоді не було, потім було.

Гарячка просто якась була?

Так, гарячка була. Хапаєш все, стріляєш, тут люди, не знаєш, що робити. Люди не встигають. Бачиш все це: шматки оцього м'яса летять там, все таке, там не до переживань було. Одразу, коли лупонули, відчуття таке: «Вжити, вжити, врятуватися». Потім вже організуватися, потім зайняти оборону, тобто сама була думка одна-єдина: «Не можна так просто загинути, просто не можна загинути і покласти людей!». Відповідальність тут ще була: я офіцер, відповідальний за людей, я їх можу просто покласти. Коли ти як командир розумієш, що зараз ми вже не можемо нічого вдіяти. Росіяни відтяглися і я реально зі своєю зброєю нічого не можу зробити. Тому що вони далі досяжності того ж самого РПГ, так званого гранатомета РПГ-7 (це 400-500 метрів максимум). Теж саме з автомата [калібру] 5.45 — це 400 метрів, ну 500. Ти далі їм вже нічого не зробиш, ти не можеш нічого. А вони стоять від тебе [за] 800 метрів, кілометр, і твоїх людей просто нищать. І ти розумієш, що буде, як буде, розвиток цього. Бачиш, як роблять «вилку» артилеристи, і як знаходять позиції. Розумієш, що час втрачається, підтягуються сили, а наших стає все менше і менше. Просто оце саме тут було страшніше. Загинеш, покладеш хлопців молодих, у яких навіть дітей немає. І вони просто загинуть, просто так, їх просто зараз розстріляють — це був жах, оце був жах. І повірте, рішення було дуже важко прийняти, прийняти на

себе ганьбу. Ми, як офіцери, вирішили: або просто покласти (в мене залишилось 30% особового складу, взагалі в мене залишилось 24 людини, ну трошки там було більше). Ті, що зі мною в полон пішли, 24 людини. І відповідальність за кожну цю людину (а в більшості багато було хлопців просто молодих). От як можна було це зробити? Як? І ти розумієш: просто ти не можеш навіть відповідь дати. Тоді прийшлося думати, і ганьба була цього полону, і все таке. Зібралися, хлопцям сказали: «Пробачте, хлопці»...

Тим паче теж, нас же не так просто купили на це все, нам же другий раз пообіцяли росіяни: «Виходьте, хлопці». У нас їхні полонені, їхні поранені, ми зібрали... Нам запропонували так: «Здаєте зброю, і виходьте з ними звідси, ми вам даєм можливість, виводим вас туди». Потім вийшло так, що [було негативне відношення до] добровольців. Була все ж таки надія, вони ж таки давали слово російського офіцера. Тож була думка, що все ж таки ми вийдемо. Тим паче ми якось так, по-людськи, все-таки пораненим їхнім допомогою надавали, полонених не повбивали. Другий раз було слово офіцера, типу: «Хлопці, здавайтесь, що ви будете [робити у оточенні?]

Отже, «повелися» на ці слова, відверто дивлячись на реальні шанси, які можуть бути в цьому бою.

Ви потрапили безпосередньо до росіян?

До росіян, безпосередньо [до] росіян.

Як вони [до Вас ставились]?

Ну, більш-менш, вони з нами більш-менш, я ж кажу, що росіяни більш-менш по-людськи з нами

поводились. Все ж таки тоді були розмови, на їхні слова [офіцерської честі] здалися, тому, будем казати, що намагалися все ж поводитись, як воїни.

Вони фільтрацію не робили: Збройні сили ви, чи?..

Фільтрація пішла пізніше, відбулись якісь затасовки, нас зібрали всіх, то ми там поки поранених, то [ще щось]. А потім, коли вже дізналися, що це «донбасівці», отоді пішла фільтрація, і все було. Нас тоді відокремили від ЗСУшників. Я відчував це, ми відправили легкопоранених під виглядом [важко] поранених, там казали: «У тебе контузія». Відправляли всіх, кого могли, відправляли всіх. Дехто пішов просто із ЗСУ-шниками: «Ідіть, ідіть, хлопці, ідіть, вийде все нормально». Декількох людей [вдалось відправити] непомітно. Я ж кажу, я пішов (залишився) свідомо, просто з хлопцями. З 9-ки їхньої в мене було два поранення осколочних, які не зафіксовані у мене, але вони є (у ногу було, у поперек — осколочних два поранення залишилися). Просто офіцери, хто був, ми просто залишились, офіцери...

Трохи уточнення: Ви кажете «офіцери». Ви офіційно старшим лейтенантом були в той момент, старшим лейтенантом батальйону «Донбас», так?

Національної гвардії.

Ну, тоді батальйон «Донбас» вже входив в структуру Національної гвардії.

Входив, від самого початку входив, просто так вийшло — там чим більший був розвиток оцих подій, то йшли одразу будь-ким, аби дали зброю. А потім дивлячись на те, що як воно, розвиток [подій], просто вже люди змушені були ставати керувати.

З якої дати Ви в полоні?

Ну десь 30 числа, 31-го серпня.

І як довго?

Півроку, до лютого місяця, до кінця лютого.

Ці півроку що там було: якісь роботи виконували, і де конкретно тримали?

Ми були у Донецькому [обласному управлінні] СБУ.

В самому Донецьку?

Місто Донецьк, Донецьке СБУ. На роботу нас не ввели, 25 людей. Нас відокремили від початку, ми були люди, які «склонные к побегу и саботажу». А коли ще дізналися, що я націоналіст...

А як вони дізналися?

А через Інтернет, ще там щось. Ну, десь тиждень [чи] два, десь так, ще протягнув, не знали, а потім почали, от. І взагалі нас п'ятеро людей залишалося там, яких взагалі (потім як казали нам) категорично відмовились віддавати.

Тримали в якійсь камері?

Одразу було це бомбосховище, підвал. Потім вже, коли частину людей відправили у Іловайськ, якби сказати, на відновлення міста, на роботи, тоді нас 25 людей там залишили і ми вже тоді перебралися, там був архів. Тобто вже трохи вищий рівень.¹³⁶

¹³⁶ Більш детально щодо умов утримання українських військовополонених йдеться у інтерв'ю нацгвардійця Віталія (Усна історія російсько-української війни (2014-2015 роки) / ред. В. Мороко. Вип. 1. К.: К.І.С., 2015. С. 111-137) та артилериста Віталія (Усна історія російсько-української війни (2014-2016 роки) / ред. Г. Васильчука та В. Мороко. Випуск 2. Київ: К.І.С., 2016. С. 246-271).

Тобто ви не працювали, вас залишили?

Ми не працювали.

Залишили у спокої, чи якісь контакти з Вами були там? Якись були, скажемо так, спроби бесід?

Постійні, постійні бесіди: «Їдь, скидуй Порошенка, туди-сюди. Ти ж його не любиш». Я кажу: «Да, я можу не любити владу, але чомусь ми любимо Україну!».

А що, вливайся в «ополчення», чи як «іди скидуй»?

«Ополчення». Ну яке «ополчення»? Одразу були [подібні пропозиції] — ми відмовилися категорично. Були спроби зробити пропагандистську картинку цікаву: візьми зброю і «сфотайтесь». Типу ви захищаете аеропорт, або ще щось. Або: «Йдіть копайте окопи». Ми відмовились — це військовий злочин. Йди сюди, дайте інтерв'ю проти влади, отак так-сяк — ми відмовилися від цього категорично. Там було що тільки не робили, і яму там копали — на розстріл, і все таке було... Вони казали: «Які ви дурачки, вас тут держава кинула, ви такі-сякі, влада погана, олігархи. Якщо навіть не тут, то повертайтесь, йдіть тоді боріться з цією владою».

Коли почалися розмови про те, що все-таки вас будуть обмінювати?

Та вони постійно були, і обміни постійно були, постійно.

Вас уже звільнили після Дебальцевого, чи до?

Після Дебальцевого, коли [потрапили] у велику партію, мені пощастило: я і ще двоє побратимів, нам пощастило, що ми вийшли.

Вас включили у цю групу для обміну, а там ще хтось залишився?

Ні, з наших вже всі вийшли, там залишалися ще чотири людини з моєї п'ятірки, оцих «невидаваємих», як то кажуть.

Так віддали як?

Останній рівно рік просидів.

І все таки...

Всі вийшли.

Вас звільнили, а що далі: якийсь перепочинок, коли догому повернувся?

Що далі. Зустріли нас, приїхали у Харків, там якась фільтрація була. Але знайшли нас, навіть допомогли, наші люди. Наша, як то кажуть, доблесна міліція мене знайшла. Той же самий Андрій Долинний, він мене знайшов, передав, ну перший заступ-

Повернення з полону. Фото видання «Вся власть»

ник [начальника ГУНП]. Зустріли непогано, там нас завезли в Національну гвардію, у академію. Там вже було 5 офіцерів Нацгвардії. Я теж офіцер Нацгвардії, ще 6-й, ще двоє людей, нас 8 людей було з Нацгвардії. Зустріли капітани. Нас харківська міліція (верхівка), по-швидкому передала у Нацгвардію. Ніяких СБУшників, завезли, як уже сказав, в академію Нацгвардії, перевдягли, помили, поголили, дали їжу, шмотки, все. Генерал вийшов: «Хлопці, дякую за службу!». Потиснув нам руки, все. Ми зібралися і поїхали туди вже, поїхали до Києва, а потім вже пороз'їжджалися.

Ви приїхали в Запоріжжя...

Да, я звільнився.

Ви звільненням вважаєтесь?

Я одразу у Києві у Петрівці поїхав, туди ж, у частину. Був вибір: або там залишатися у комісії, лікуватися, або повертатися додому. Я кажу: «Хлопці, я поїхав додому». Написав там заяву був, ще повертався декілька разів. Я ж кажу, там вже особисте. Там деякі люди були, яких я не хотів бачити після всіх цих подій, так вийшло. Уже мене звільнили з цього батальйону. Повернувся, потім вже тут погуляв десь місяць, у лікарню ліг, там кардіологія таке слабке місце. Полежав там, потім потинявся, ще мої хлопці-партійці дали мені путівку на тиждень. З дружиною з'їздив, у Бердянську були.

Уже восени [20]15-го [року] місцеві вибори, жовтень.

Жовтень.

Ви тоді балотувалися на пост міського голови, так?

Так.

Тільки цим займалися? Чи десь були приписані до когось, до чогось?

Я Вам пояснюю, з 27 квітня був мобілізований, пішов у нашу частину цю, тому що мені хлопці кажуть: «Йди сюди».

Коли з полону прийшли, Ви до 27 квітня були «вільним птахом»?

Ну, десь так.

27 квітня що відбулось?

Ну, я пішов, знов опинився.

Це четверта хвиля?

Ну да, я був у формі, я вже пішов, тому що наші місцеві їздили на ротації, їздили реально на передову. Це частина 3033. Попросився туди, мене взяли, і 27 [квітня] я вже все.

І що після 27-го?

Після 27-го я їздив, служив, на ротації був.

Куди?

Під Маріуполем, отам де Комінтернове, навпроти Комінтернового, Талаковка, Лебединське, там було. Пішов [на посаду] командира взводу.

Якого, піхотного, чи?..

Піхотного, звичайний взвод.

А ротації, до речі, якої тривалості?

Два місяці.

Два місяці, додому потім?

Да, потім.

Додому коли повертаєтесь, Ви не на казармовому становищі?

Так не, Ви ж не забувайте, я ж офіцер. У мене свої привілеї, тобто твоя справа організувати, бути при першій потребі, щоб у тебе була дисципліна, був порядок, це таке.

А ось коли не офіцер, на ротацію він теж годому, не потрапляє в казарми?

Більшість в казармі проводиш часу. Ні, нам дали, після ротації повинна бути [відпустка]. Ми отримали там відпустку на два тижні, чи на тиждень, щось таке, не пам'ятаю. Після ротації нас розпустили, тобто там є ще нові підрозділи, були відпустки, потім все. Прийшов з відпустки — служиш собі далі. Несли [службу] по місту Запоріжжю, блокпости там якісь, охорона. Це я протримався десь майже до кінця літа, потім поїхав. Були збори у нас, річниця Іловайська. Поїхав туди, побачив там своїх хлопців — я зрозумів, що треба повертатися. Пішов до комбата, той, що там був тоді після цього. Кажу: «Забери мене». Каже: «Із задоволенням». Мені дали там...

Куди повертатися, на Донбас?

Да. Так я повернувся у батальйон «Донбас».

Десь на рубежі літа — осені? Десь так?

Якраз як вибори почалися, я був поки тут, по місту, брав [участь]... Потім поїхав туди, уже в мене був перевід у частину на руках, в частину ту, в маріупольську. Приїхав, написав заяву, як по закону повинно бути, на вибори... Там 10 днів мені дали якраз на все. Поїхав тут, пограв, як то кажуть, в політику. Все закінчилося — зібрав манатки, подивився на результати, зібрався і поїхав служити далі.

Зараз Ви хто?

Я командир взводу батальйону спецпризначення «Донбас» при в/ч 3057¹³⁷.

Там, під Маріуполем? Тобто, власне кажучи, я на Вас випадково натрапив?

Так.

Знаєте, я вважав, що Ви уже повністю демобілізований і займаєтесь цивільними справами. А Ви продовжили служити...

Зараз... Зараз у мене планова відпустка.

Поки йдуть оці ось служба — ротація — служба — ротація?

Ну, у нас там да, у нас там така служба: від Широкиного до Гранітного, блокпости там, займаємося. Така, поліцейська служба, і ще там своє, короче, навчання.

Вам 53. Яким бачите своє майбутнє? Закріпитися у Нацгвардії чи до цивільних справ повернутися?

Ні, додому.

І вже може в той бізнес яюсь?..

Та ну який там бізнес, подивимось, що ми будемо робити. Будувати треба державу.

А як Ваші стосунки із «Свободою» запорізькою?

Ну, там така структура, що якщо ти взявся бути головою, то...

Ви відсутні були тривалий час.

Нічого, хлопці працюють.

Перебували в полоні півроку...

Ну да, і що?

¹³⁷ Йдеться про військову частину А3057, де базується 17-й окремий батальйон Національної гвардії України.

А коли повернулися, відновилися у статусі керівника?

Я потім здав [повноваження] взагалі. Я зараз позапартійний, я це казав. Тобто я пішов на службу, я позапартійний, а що тут такого?

У зв'язку із службою?

Ну, конешно, я ж не можу. Призупинив.

Не ображайтесь, таке може трохи делікатне питання: у Вас немає ніякого розчарування у діяльності «Свободи» за ці роки?

Будемо так казати, для мене «Свобода» — це втілення ідеї, яка несеться, тої ідеї націоналізму, яку я бачив.

З конкретними особами не дуже пов'язуєте?

Я пов'язую це більше з ідеологією «Свободи».

Тобто нема так, що от там Тягнибок, чи хтось не сподобався ще?

Не-не-не.

Скажімо, як для мене, я симпатизував «Свободі», особливо після перемоги [Майдану]. Але відносно успіху на виборах. Уже тоді одна річ насторожила: була можливість, як на мене, вийти за рамки, по суті, «секти». Було багато бажуючих, я знаю, які хотіли чимсь допомогти, посприяти. Можна було розширити базу. Не знаю, хто винен, але організація залишилася «сектою». Принаймні у Запоріжжі. Свіжі сили відштовхували, мені так здалося.

Ви десь самі відповідаєте на це питання. Розумієте, чомусь у мене, як у націоналіста, у мене нема питань ні з Владом [Мороко], який зараз представник «Блоку [Петра] Порошенка», ну відверто.

Да.

Він службовець пропрезидентської сили. В мене чомусь нема питань навіть з тими ж, кажу ж, з міліцією з тією колишньою, в мене нема питань взагалі. Я не знаю, від чого це залежить. Чому для мене ширший націоналізм, ніж просто партійність? Чому в мене друзі там, і там, і там? Ну так, вороги є, і люті вороги є. Але навіть коли мене віддали донецькому «Беркуту», вони мене не вбили. Колишньому «Беркуту». Це з ними просто розмовляли...

Коли? Вже в полоні?

В полоні.

Мабуть, як сказати... Серед тих «беркутівців» теж вже не багато українофобів принципових.

Да, там дуже складне питання. Не в тому справа. Просто є якісь [людські моральні] якості...

Вони визнають за собою право бути іншими? Приблизно так?

Є якісь межі, у яких ти повинен працювати як солдат, як «мент», як політик, як або ще хтось. Тобто повинно бути щось таке, ну я не знаю, це мабуть ще від особистих якостей [залежить]. Я не кажу, що я там такий, просто багато таких людей. Я дуже багато знав «свободівців» тих же самих нормальних, класних, правильних людей, які вмерти здатні за свою державу, які зараз просто через те, що там десь йдеться. Ви ж подивіться, теж важливо, ви ж політологи, ви ж дуже розумні люди, це ж було навмисно — ми тримали обличчя, ми тримали скільки могли, якщо спільну справу мати. Те, що там якісь особистості, ви ж розумієте, це не показ-

ник. Ми намагалися працювати командою свого часу, і це було. Потім нас красиво там підставили. Але те, що вже давно навчилися розуміти, що державність, тобто є інтереси, які не варті особистих, і коли це люди почнуть розуміти деякі — Ви подивіться, цього ж нема ніде!

Давайте повернемося трохи до служби. Є якийсь відчуття, можливо, невдоволення, що щось не так робиться? В організації оборони, скажімо, Маріупольського укріпрайону, до якого маєте стосунок?

Та ну як тут бачити? Ми зараз пов'язані трошки вже.

Та зрозуміло.

Розумієте, до добра воно не доведе.

Добре. Ну от в районі, Ви знаєте район Маріуполя, там серйозні сили зосереджені Збройних сил на випадок чого...

Ну, якщо на випадок їхньої атаки — там взагалі хлопці налаштовані непогано, вміємо і знаємо, що можемо дати відсіч.

А ось таке ще, поширеною [є думка], нібито у останньої хвили мобілізації, після того, як фронт заспокоївся, стабілізувався, [з'явились] проблеми незайнятості, відсутності (так говорять) системи навчань, і на цьому тлі — проблема п'янства. Вона є?

П'янство — це велика проблема. Є така велика проблема — це випадкові люди. Алкоголізм — це...

Тобто і у Вашому оточенні таке бачили?

І у нас буває. Ну там у нас, бачите, у нас більш жорстка структура, все ж таки там ще залишки добровольчого ще є, там більш свідомі. Те, що я

бачив у ЗСУ — теж там намагаються [командири боротись], жорстко треба з цим працювати взагалі-то...

Отут під Маріуполем, Ви кажете, блокпости на дорозі, в степу, біля населених пунктів, не в населених пунктах?

У степу, а так є і у населених пунктах.

Змінилося щось у ставлені?

Місцевих?

Так.

Змінилося.

Дещо змінилося... Я чого [запитую]. Знову ж таки користуюся Інтернетом. Буквально сьогодні прочитав, що в Маріуполі десь там в магазині відмовилися продавати хліб україномовним, мовляв «бандерівцям не продаємо!».

Да, все може бути, мене насторожує те, що вони сидять типу «і нашим, і вашим», такі, що...

Ну, вони принаймні нейтральні, аполітичні якись, мабуть, десь так, да?

Та ні, там дуже великий прошарок люто ненавидить [Україну]. Я ж кажу, там буде багато, зрозумійте, нема ніякої української ідеології, нема нічого.

Ну так що, зовсім нема українських патріотів?

Ні-ні, змінюються, змінюються, але це все авторитет саме України, це здобувається кров'ю, силою. Коли вони бачать, що ми сильні, ми стоїмо і ми будемо щось робити, тоді тільки так.

Донбас [відчуває] повагу тільки до сильних.

Ні, ну Маріуполь, він трошки інший. Маріуполь, будемо казати, він більш схожий до Запоріжжя.

Може, щось я не спитав, а Ви хотіли б сказати?

Що я хочу сказати. Повага повинна бути до тих людей, які загинули — нема цього. У мене от зараз є мій побратим, який загинув в Іловайську, мій підлеглий хлопець. У нього, після того як він загинув, за півроку народилась дитина, він маріупольський саме. І от його діти досі не мають, нема ніякого статусу, він вважається десь там безвісти дівшимся. Його діти не мають нічого, і це багато такого. Тому це відношення, це взагалі... Ми живі, дай Бог вижили, і будемо жити далі. Медалі там, все це хлам. Але оцих хлопців, які рятували, оце найважливіше. Це дуже важке питання. Зараз не знаємо, що робити з цим. Я приходжу до нього додому, беру його дитину на руки, і не знаю, як цій дитині [зарадити]. Ну, що? Ну дам їй гроші? Ну, й далі? Ну? Тому потрібно дати статус, потрібно захищати, щоб держава захищала. Потрібна соціальна захищеність цих людей, які реально втримали тоді державу, це ж розуміти потрібно. Якби тоді такі люди не пішли — да фіг би там що було!

Так, добровольці, волонтери, ці категорії вистояли...

Згоден! Ті ж самі, я ж не кажу. Волонтери — це такі ж самі добровольці, тільки іншого напрямку... Тут купа людей підтримувала, і я їм надзвичайно вдячний. Тут нема навіть питань, я вдячний. Якби не ці люди — мабуть там я би десь і згинув, по їхнім оцим крисятникам...

Ваш погляд на Донбас, з моменту, коли Ви туди пішли й по сьогоднішній день. [Погляд] на його долю, і на те, що з ним робити, змінився?

Мабуть, так десь.

Оте, що Ви говорили, їх відрізати, і все?

Не-не, не відрізати зовсім. Всьому є свій свій час, як то кажуть, і завжди можна прийняти меншу біду, щоб не потрапити в більшу. Тобто може навіть бути це війна, тобто втратити десь щось поки менше, для того, щоб виграти час і не втратити більше.

А влітку [20]14-го року у Вас, мабуть, була ж така думка, що не дай Бог, ні за яку ціну ми Донбас не віддамо?

Так.

А зараз Ви трохи інакше дивитесь.

А зараз, зараз...Тому що два роки пройшло, тож розумієте, якби це було... Це ж процес війни, сам процес. Тобто є війна, є політична реальність. Зараз настільки ми ув'язані у світову політику, що воно змінюється постійно. Сірко ще казав: «Нужда закон змінює». Зараз в таку ми ситуацію вийшли, коли це було можна зробити. Я навіть казав це деяким людям з того ж «ДНРу», з таких нормальних, розумних людей, адекватних, з якими можна було розмовляти. Я їм казав: «А який сенс тепер? От про що ми зараз з тобою будемо розмовляти? Ви витягли такі сили, що ти вже тут вдома не господар. Ти навіть хотів би щось зробити — ти вже нічого не можеш робити. Про що я з тобою можу розмовляти?». Світогляд настільки змінюється, кожна хвилина нас віддаляє. Йде ідеологічна війна, обробка настільки серйозна, що ми втрачаємо [розуміння одне одного] кожную секунду. [Між нами] прірва.

Це надовго, мабуть...

Якщо ми тоді не витягли Україну, не зробили цього, то що казати зараз. Думаємо, там щось поміняємо. Але стає важче, воно ж адекватно там гіршає. І у нас не дуже краще стає.

Добре, дякую.

«Самые тяжелые — это примерно от 20-х чисел июля и до самого Иловайского «котла», то есть до конца августа, считай. Это были сплошные бомбежки, со всех сторон, 3 человека с ума сошли».

Ім'я: **Датвіа**
Рік народження: **1993**
Статус: **боєць батальйону «Айдар»**
Інтерв'ю записане М. Чумаченком не пізніше грудня 2015 р.
Поточний архів проекту. Ф.29. Оп.1. Спр.35.

Расскажи немного о себе: когда, где родился, какое образование?

Образование высшее. Родился в начале девяностых, как раз на развал СССР. Зовут меня Датвиа, сокращенно — Дато. Позывной «Кайзер». Родом из грузино-украинской семьи, образование — «экономист-международник». Знаю 3 языка, помимо русского. Ты просто пойми, я в России [нахожусь] в федеральном розыске, не очень хочу особо точно отвечать на конкретные вопросы о местах и именах.

Хорошо.

Детство. Интеллигентная семья. Отец — моряк, мать — техпереводчик. Рос, как и все. Без вредных привычек — не курил, не пил, играл на скрипке. В школе учился в физмате. Закончил [с оценками] выше среднего [уровня]. Семья большая: 4 брата и сестра, я — старший.

Чем увлекаешься?

Увлекаюсь страйкболом, расовой антропологией, психологией.

Где в России работал, где сейчас работаешь?

Сейчас я «гребаный гастарбайтер». По факту я — нелегал, так как Украина отказала мне в каком-либо статусе. Как, в прочем, и всем иностранцам. Выдано было за полтора года всего 2 паспорта, и оба — бывшим ФСБ-шникам.

Ну и как Вы к этому относишься? Я так понимаю, что Вы, с высшим образованием, надеялись на что-то лучшее? В России Вы кем работали?

В России я работал в банке, чешский банк. Был менеджером по развитию бизнеса. От меня требовалось следить за кредитными [показателями] и работать с юридическими лицами, которые хотели оформить «партнерку». Работа непыльная, в подчинении у меня было 5 девочек.

В последнее время я к власти отношусь нейтрально. У меня просто появилось желание поскорее свалить из этой страны. Но это, грубо говоря, третья стадия моего отношения. Первым было воодушевление, еще после Майдана. Когда казалось, что можно свернуть горы, что страна станет «украинской мечтой». Я тоже «заразился» этой «лихорадкой». Она прошла ближе к февралю. Когда во всех документах мне отказали и сказали почти прямым текстом: «Не буйань, иначе мы оформим тебя как наемника и вышлем обратно в Россию». После этого наступила стадия злобы. Но после уже не осталось сил злиться, и включилось то, что сейчас: «Просто меня не трогайте, мне не нужны ваши дела».

А что с переездом сюда? Какие у тебя были побуждения, может что-то личное, родственники,

грузья здесь? Как быстро решился, были ли проблемы с переездом?

О, там целая история... После Майдана я решил приехать домой, чтоб повидаться с родными. Чтоб ты понимал, на Майдане я беспредела не творил, то есть придираяться ко мне не вариант было. Это был май 2014 [года]. Ну и после пары недель дома, началось... Меня нашли «злые дяди» из ФСБ. Я не знал еще тогда, кто меня «слил», но потом мне рассказали. Как раз тогда случилась аннексия Крыма и начали очень жестко и жестоко «ставить на место» крымских татар: в Крыму этим занимались их «братья по вере» — чеченцы, а на Кубани — ФСБ. Ну а у меня был друг, Арслан. И за месяц до того, как я приехал, у него вдруг «случайно» нашли гранату. Ну и предлагали либо сесть, либо сотрудничать. С тех пор для ФСБ он «Саша», это его явочное имя для ФСБ. Ну, он меня и «слил». Ну а потом началась белиберда. Меня как «майдауна» избивали за 50 метров от дома, пока я шел с работы, порезали ножом руку. А еще через две недели пришли два «дяди» из ФСБ прямо на работу и сказали, что «случайности не случайны». Через три дня я уже был в Днепропетровске. Вещей было минимум, документов тоже. Ну и я через знакомых в «Варте Руху»¹³⁸ поехал в июне в «Айдар».

Давай пока вернемся к Майдану. Я так понимаю, ты с самого начала там был?

¹³⁸ Варта Руху — громадська організація, створена з метою сприянню розбудови української державності. Існувала в 1990-х рр., відновила свою діяльність під час Революції Гідності 2013-2014 рр.

Нет, не с самого. Я приехал через несколько дней, после того, как начали собираться люди, протестовать против решения Янука¹³⁹ об отказе от интеграции в ЕС, после разгона студентов.

А туда что подтолкнуло пойти? Как рогня отнеслась, говорил им вообще?

Туда подтолкнула совесть. Просто я прожил всю жизнь в России и моя семья на собственной шкуре ощутила, что такое коррупция и беспредел. На Кубани, в бытность Ткачева еще губернатором¹⁴⁰, там было так же жестоко с «отжимками» и бандитизмом, как и в Украине под Януковичем. У моего отца «отжали» большой бизнес — тепличное хозяйство. У наших знакомых «отжали» две свинофермы. Мою мать уволили с должности в горадминистрации, так как она отказалась списывать «леваки». В моей школе ЕГЭ писали за 80 тысяч рублей на «отлично». В универы поступали только за взятки. И везде были взятки-взятки-взятки... И меня это достало. Я подумал, что было бы неплохо приехать в страну моего деда и моих предков, которая захотела измениться, и поучаствовать в этих сменах, чтоб потом мои дети жили лучше, чем я. Чтоб они поступили в ВУЗ своей головой, а не моим карманом. В общем, что-то такое. А родные не знали, куда я пропал, я просто потерялся. Я ни с кем не поддерживаю связь на той стороне. Вот у меня 4 числа умер дядя в России, я об этом узнал из Грузии. Вот как-то так и поддерживаем связь, не напрямую. Я

¹³⁹ Колишній президент України Віктор Янукович.

¹⁴⁰ Ткачов О.М. був губернатором Краснодарського краю РФ з 2000 по 2012 рр.

18-а сотня Самооборони Майдану після входження до батальйону (травень 2014 року). Фото з офіційної сторінки батальйону «Айдар»

оборвал все нити, ибо из-за меня могут быть проблемы у моих родных. У матери и брата они были недолго, как мне сказали, но из-за моей стратегии они не пострадали. Я общался только со своим лучшим другом, с Серегой, но он на тот момент был уже в Дании.

Можешь сказати, когди ты служишь начал и где сейчас служишь? Как долго в АТО находилсь? Где, опять же?

Начали мы со Старобельского района, с Новоайдара. Там были просто «секреты»¹⁴¹. Оружия не было: были ружья охотничьи, «пестики» и по

¹⁴¹ Прикордонний наряд.

мелочи, обеспечивали охрану. Но это первую неделю Так начались конкретные бои, выдали автоматы и нормальные люди пошли воевать. А всякий «мусор» близко к фронту не подходил. Взять хотя бы поселок Половинкино, колбасную фабрику. Эти «бойцы с ежиками» уже получили УБД, находясь в 60 км от фронта. В общем, я там пробыл до конца августа [2014 года].

Потом под Лутугино получил ранение, контузию, РПГ попало по стене, за которой я был. В итоге откинуло, и я плохо помню, как меня выносили. В сознание пришел в полное только через 2 дня. Я сидел правой стороной к стене и как раз у меня правый глаз и ухо повредились, вместе с мозгом. Это было между Лутугино и Георгиевкой, примерно 23-24 августа. Я точно уже не помню. И все, дальше я не годный, отслоение сетчатки глаза после контузии глазного яблока, повреждение барабанной перепонки. Ну и черепно-мозговая [травма]. Восстанавливался до ноября. В феврале получил первую награду — «За любовь и жертвенность» от патриарха Филарета. Потом я уехал опять в Днепр, тренировать бойцов «Правого сектора», ибо опыта у меня набралось достаточно.

Потом чуть не попал в Дебальцево, но наших оттуда вывели как раз, когда я туда ехал.

[Показує фотографії].

Это наша машина. Тогда я понял, как секунды могут решить: жить тебе или нет.

А что случилось?

Колонну забросали «Градами». Это я в первый раз так близко был к разрывам. Это было в феврале, после награды, когда я поехал к 93-й бригаде. Там меня обучали управлению БПЛА и корректировать «арту»¹⁴². Ну а потом, в июне, я поехал в Киев, ибо уже и в бригаде я оставаться без документов не мог.

В каких числах ты уехал в АТО первый раз?

В первый раз, это точно было 5 июня [2014 года], я это хорошо запомнил.

Как тебя наши встретили?

Все были заняты своими делами. Времени не было, припасов тоже, все бегали по волонтерам и хатам и искали на чем спать, чем есть, что носить. Я оружие получил только 10-го числа, а форму ближе к 20-му. Воевал в том, в чем был на Майдане. А вообще, там почти все были с Майдана, так что публика была знатная.

Ты, я так понимаю, не служил, никаких «учебок» не проходил?

Нет, но я увлекался околослужебными темами, страйкболом и прочим. Ну и за несколько дней общения с ветеранами Афгана я тоже набрался опыта. А так все было по накатаной, учился «на коленке». В первый бой я попал утром 14 числа, рано утром, было 5 утра.

А что по снаряжению, еде? Я понял, что поначалу было плохо. Что потом?

Волонтеры, очень много волонтеров, очень много хорошего везли. Но это чуть позже. Поначалу мы

¹⁴² Артилерію.

питались помидорками и огурцами из банок, салом. Все, что в подвалах находили. Еще было мясо. Много мяса. Так как люди побросали коров, коз и прочую живность. Но тут получалось так, что была полнейшая анархия и большая часть мяса тухла, так как зверье забивали просто по своему хотенью. Захотел ты шашлыка — убил быка 200 кг, вырезки килограмма 3 съел, а остальное бросил, причем не особо далеко от лежанки. А была жара. Представь себе запах через пару дней какой стоял.

А со снаряжением что? С чем воевали, против чего? Вообще как считаешь, с чем главные проблемы были?

Были проблемы с командованием и логистикой. Вот представь, был реальный случай. Патронов у нас нет. Я, комбат и еще несколько человек поехали в Половинку¹⁴³ за БК. По дороге стоит «Тойота»-пикап, крытая. Все 4 колеса «в ноль». И она полная БК: патроны и прочее. Говорим комбату, мол, так и так — перегрузим если, то можно не ехать до Половинки. Или в два захода. Ну а комбат, видимо, струсил. Он посылает нас и уезжает за БК. Мы на ободах довели БК до Счастья, а комбат приехал спустя 5 часов и этому идиоту выдали холостые. Наш комбат был ПВО-шником и ни черта в боях не смыслил, в итоге все планировали афганцы бывшие. И от таких «косяков» полегло много народу. А про министерство я вообще молчу, я про Минобороны. Там вообще сидели откровенные «сепары», как и в СБУ, которые «сливали» нас за просто так.

¹⁴³ с. Половинкине Старобільського району Луганської обл.

В каком плане?

В плане информации. Вот планируем мы операцию, сообщаем в Генштаб, чтоб осуществить взаимодействие с «восьмидесяткой»¹⁴⁴, а на следующий день «сепары» уже знают все, вплоть до численности вооружения и личного состава. А танки вдруг не могут ехать, у них за ночь сели «аккумы»¹⁴⁵.

*База батальйону «Айдар» у с. Половинкине
Старобільського району Луганської області
(липень 2014 року). Фото «Української правди»*

Кстати, насчет сепаратистов, встречал лично кого-то? Может, пленных брали?

Да, брали. Русские были в большинстве. Осетины были, с Южной Осетии. Был сам министр

¹⁴⁴ Йдеться про 80-у бригаду Збройних сил України.

¹⁴⁵ Акумулятори.

обороны Южной Осетии, вот тут все было строго: никакого насилия к пленным, никакого давления. А сочинили истории, про страшных «айдаровцев», которые пытаются и насилуют. Такого вообще не было ни разу за все время. По крайней мере, у нас в в/ч В0624.

Ты разговаривал с кем-то? Какие у них побуждения?

Обманутые пропагандой. Было два парня младше меня, совсем мелкие, по 18 лет. Насмотрелись телевизора — и в бой. А на той стороне таких активно и без проблем вербуют.

Как со взаимодействием? Вы, как добровольцы, с другими батальонами связь наладили, с ВСУ? Или сами по себе воевали?

Мы налаживали связь напрямую. Приезжали в части, знакомились, брали частоты. Сами по себе у нас одни хлопцы решили повоевать. Как результат — куча трупов и Савченко в плену. Сама Савченко тоже отдельная тема, ее считают героиней, я ее считаю тварью, погубила пацанов. Я ее видел всего пару раз, она мужланка, решила она отбить у «сепаров» Металлист. Одна. Самовольно. Собрала народ, никого не предупредила и поперлась. Попала в засаду, выжило трое, включая ее.

Скажешь когда самые серьезные бои у вас были? Как справлялись?

Самые тяжелые — это примерно от 20-х чисел июля и до самого Иловайского «котла», то есть до конца августа, считай. Это были сплошные бомбежки, со всех сторон, 3 человека с ума сошли. А я

был на блокпосту, выезжал на «передок» всего 12 раз, на 2-5 дней, но это было страшно. На моих глазах парню прямым попаданием из танка снесло голову. Я лежал на животе, его осколки костей потом доставали из моего воротника. Еще был ночной обстрел из ДШК. Это было 24 июля. Рядом со мной нашему связисту рикошетом пуля от ДШК снесла нижнюю челюсть, но он, благо, живой остался. Трупы никто не вывозил: ВСУ «забили», мы не могли, так как все машины сгорели. Запах, смрад, тошнота, голод, и вечно хочется спать. Отсыпались во время рокировки на блокпосту под Счастьем. Трудно вспоминать. Запах горелого мяса. Такое чувство, что его ничем не вымыть из носа.

Скажи, то, что сейчас у нас происходит, тебя устраивает?

Нет, однозначно нет. Майдан еще не закончился.

Что лучше, чем в России, что хуже?

Все лучше, кроме людей. Люди слишком привыкли, особенно Восток и Центр. Они как волки, не думают о будущем, пытаются вырвать кусок из умирающей страны. Нет нормальных политиков. Все еще в перспективе. Или нет. Это уже не мое дело. Свое отношение ко мне продемонстрировали и люди, и госаппарат. А ждать я не хочу, быть бомжом в 22 года — не лучшая перспектива.

Что планируешь дальше делать?

Уехать из Украины. В Норвегию или Данию. И попросить политубежище.

А что по перемирию?

Ну, оно технически соблюдается, «арта» не бьет. Поначалу били минометы, но сейчас и они не стреляют. А так, если хочешь перемирия, звони сам «сепарам» и договаривайся. Или они сами позвонят. Вот как-то так.

И долго к этому приходили? Не первое перемирие ведь уже.

Да первого и не было, оно не считается. Было только на бумаге, обстреляли в первую же ночь. Так что у нас считают, что это первое, и оно за пару недель привело к тому, что отвели «арту» и танки. Все были в шоке, наши очень боялись отводить. Думали, что обманывают. Скандалы были, чуть не перестрелялись, но все устаканилось. Первые три дня никто даже со стрелкового [оружия] не стрельнул ни разу.

Какая у тебя была специализация?

Никакой. Анархия. Я довольно хорошо приучился стрелять с «Мосинки» и в последние пару недель, считай, был снайпером. А так просто, считай, солдат. Я и комбата охранял, и на блокпосту стоял, и рыл траншеи, и особая моя гордость, я выбил один БТР-80. Кстати, ты спрашивал про «снарягу»¹⁴⁶. У них с самого начала уже были АК-74М, там уже, как я понял, еще во время митингов сделали «секреты» с российским оружием. У них было много и хорошо. Ну и были русские: была 100% «Гюрза» на БТР-82А. Один такой наши выбили, с тех пор «Гюрзы» там не было. У нас были ППШ и «Мосинки», был немецкий MG-42. Там были шахты,

¹⁴⁶ Спорядження.

консервированные еще с Великой Отечественной, оттуда достали много всего, у меня до сих пор каска осталась и планшет вот оттуда, но потом ВСУ все забрали и поехали, уничтожили: «Не по уставу».

А как [местное] население к вам относится?

Все причитают, как плохо было под «сепарами», но сами — латентные «сепары». Ждут Россию, даже сейчас не поменялись. Поначалу «сливали» наши позиции. Случай был: девочка, лет 12, на велике едет около нашей минометной батареи. Ну ее остановили, а она арбуз везет бабушке. По арбузу постучали — полый. А он открывается — внутри мобильники. Эта девочка ехала на велике и разбрасывала на наши позиции эти телефоны, чтоб «сепары» наводились. Спрашивают: «Кто сказал такое делать?» «Папа», — говорит. Пошли с тем папой пообщаться, а там такой чистый казак, с «оселедцем», морда красная, орет, что патриот, что на Майдане был. Снимают с него штаны, а у него следы от берец. Пошли обыскивать, а у него РПК за шкафом и телефон с российскими номерами. Сдали его в СБУ, через два дня он уже был на той стороне, у «сепаров». Это чтоб ты понимал, как работала СБУ в начале АТО. Это был филиал ФСБ.

Как думаешь, можно было бы сейчас выиграть, если что-то поменять?

Мы начали побеждать. Как по мне, так Дебальцево — победа. «Сепаров» там легло в 10-15 раз больше, чем наших, потом прорыв на юге, почти до Новоазовска, и тут резко «Минск-2». Мы еще

зимой могли бы победить сепаров: начать на секторе «М» и по-тихому вклиниться. Средства и техника у нас есть, но ЕС и США решили, что не надо, что лучше заморозить конфликт, как и Россия.

«Прийшов у військкомат, сказав, що я артилерист. Я полковник, але якщо буде посада навідника, командира гармати, я піду на любую посаду, бо я знаю, що я потрібен своїй державі».

Ім'я: **Руслан**
Рік народження: **1971**
Статус: **офіцер**
23-го батальону
територіальної оборони
«Хортиця»
Інтерв'ю записане
С. Білівненком
17 травня 2016 р.
Поточний архів
проекту. Ф.29. Оп.1.
Спр.39.

Представьтесь, пожалуйста.

Я — командир 23-го отдельного мотопехотного батальона 93-ей отдельной механизированной бригады, полковник Руслан Михайлович. После службы в Вооруженных силах ушел на демобилизацию, уволился и в дальнейшем работал в военном лицее, на должности замначальника лицея по учебной работе (лицея «Защитник»)¹⁴⁷ и занимался, скажем, подготовкой молодого поколения будущих офицеров для Вооруженных сил Украины.

Считаю, что не только офицеров готовил, а готовил патриотов Украины, граждан Украины. Отряд был сформирован 23 апреля 2014 года, абсолютно на ровном месте. Немного раньше призвалось «орядро», в которое входили командир батальона первый — полковник Борис Анатольевич. Уникаль-

¹⁴⁷ Лицей «Захисник» — комунальний заклад з посиленою військово-фізичною підготовкою у підпорядкуванні Запорізької обласної ради.

ний человек, только, видать, ему было под силу создать эту «махину», чтобы она заработала, и создать такой отряд, который способен выполнять любые задачи, которые поставит высшее командование. Благодаря командиру батальона Борису Анатольевичу и начальнику штаба — полковнику Юрию Евгеньевичу, прежде всего, и был создан этот батальон. Сначала он назывался 23-й батальон территориальной обороны Запорожской области, комплектовался исключительно солдатами, сержантами, офицерами — жителями Запорожской области. Впоследствии, были изменения. Пришли другие военнослужащие, с других регионов. Все регионы сейчас в нашем батальоне: это и Донецкий, и Крымский, и Западная Украина, и Тернополь... і Львів, і Вінниця, Полтава. До речі, багато з Полтави. Я перейду українською...

Як Вам зручніше, краще.

Після того, як загін був сформований, доукомплектований 1 травня і з 1 травня 2014 року загін був виведений на навчання в центр «Близнюки» під Запоріжжям, де вдало пройшли злагодження, навчання солдати і сержанти. Протягом двох тижнів, ми щодня (жодного вихідного в нас не було): заняття, заняття, стрільби. Навчалися хлопці.

І 14 травня ми отримали перший бойовий наказ — вийти на кордони Запорізької області. Протягом майже двох тижнів ми зайняли оборону Запорізької області. Далі отримали бойовий наказ і вийшли вже на маріупольський напрямок. Збудували перші блокпости, які знаходяться зараз під

Маріуполем і на його околицях, облаштували їх, організували чергування і протягом 4 місяців беззмінно хлопці при важких умовах [чергували].

Військовослужбовці 23-го батальйону територіальної оборони на позиціях. Фото з офіційної сторінки батальйону

На той в час ми були дуже бідні, ми були слабкі, в нас багато чого не вистачало. Але завдяки жителям Запорізької області, перш за все; волонтерам із Маріуполя, які перші до нас приїхали [допомогати], ситуація змінилася на краще. Це чудові люди Донбасу, вони знають, що таке війна, і вони перші надавали нам всіляку допомогу, всебічну допомогу: і продукти харчування, і одяг, і відновлення тех-

ніки, і вода. Це ж спекотна була пора, це літо було. Коли я розповідаю про наш український народ, про волонтерів, завжди мені психологічно дуже важко, без них ми б нічого не зробили. У ті часи було дуже складне становище в Збройних силах України. Не вистачало нічого: ні техніки, ні зброї. Ми озброєння отримували все, але не в тій кількості, якій нам хотілося би мати, для надійного і більш вдалого застосування батальйону. Допомогу нам надавали всі, майже всі. Це, перш за все, Енергодар, Мелітополь, Вільнянськ, «Акімовка». Мер «Акімовки» — Михайло Євгенійович — це один з найкращих друзів батальйону, який сам особисто багато-багато разів приїжджав, нас підтримував. Хлопців з «Акімовського» району найбільше, ніж з інших районів, прийшло до нашого батальйону. І він безпосередньо піклувався про кожного з них. Він кожного знає по імені, по батькові він знає кожного. Бердянськ допомагав. Найбільша допомога, я вважаю, це допомога школярів Запорізької області. Ті листи, ті малюночки, ті подаруночки, які вони готують, плетуть маскувальні сітки своїми руками, в ті часи, коли могли би просто гратися... Це надходить до нас і піднімає бойовий дух особового складу, кожного з нас. Ці листи розбираються найпершими із того, що нам привозять. Коли бабусі в'яжуть ці шкарпеточки бавовняні, то в шкарпеточках... в кожную шкарпетку вкладають... [довго мовчить] ...вкладають цукерочки, шоколадки.

Ми знаєм, який важкий економічний стан країни і ми знаєм, що, я думаю, найбільшій шар насе-

лення нашого — це пенсіонери. І вони віддають кошти, да, бо вони самі працюють своїми руками, в'яжуть та ще купляють ці «конфети» і вкладають в ці «носочки», і пишуть слова подяки, слова підтримки для українських воїнів.

Батальйон з 1 червня 2014 року перший зі всіх таких складених в Україні батальйонів територіальної оборони приступив до виконання бойових завдань. Це славетна сторіночка в історії батальйону, ми цим пишаємось. Наприкінці серпня — початку вересня 2014 року, під час наступу російських терористичних військ на Маріупольському напрямку, батальйон особисто з танкістами 17-ої окремої танкової бригади, артилеристами 55-ої окремої артилерійської бригади, теж запорізької, отримав наказ нанести зустрічний удар. Батальйон пішов в атаку, зупинив ворога і закріпився на встановлених рубежах...

Там, на жаль, ми втратили хлопців. Вічна їм пам'ять, ми будемо пам'ятати кожного з них. Це був В'ячеслав Комар, це був Вова Попов, це був Юра Демидов¹⁴⁸. Гинули люди, які перші зустріли ворога і ціною свого життя зупинили цю агресію, цю навалу, цей наступ ворожий на Маріуполь.

Далі в нас було ротація протягом місяця. Кінець вересня — частина жовтня [ми] відновлювали боєздатність. Хлопцям були надані відпустки, поранені, хворі завершили своє лікування. І далі бойовий наказ. Теж знайомий, вже добре знайомий нам

¹⁴⁸ Список загиблих бійців 23-го батальйону територіальної оборони «Хортиця» доступний за адресою <http://memorybook.org.ua/units/hortica.htm>

Маріупольський напрямок. Отримали завдання і зайняли оборону на визначеному рубежі, підготували позиції. На нашому рубежі противник не пройшов і в нього навіть немає шансів наступати тут, де знаходиться 23-й батальйон. Ще 2-3 дні тому [був] запеклий бій і хлопці зранку вже підлягали звільненню, але жоден з них не відмовився. Зайняли свої воєнні рубежі, нанесли ураження противнику, який поніс значні втрати в живій силі та техніці.

Втрат в особовому складі батальйону за всі місяці, майже за повний рік, 8 хлопців. Це дуже важко. Я пам'ятаю кожного з них. Коли військовослужбовці... (зараз іде етап демобілізації, зміни поколінь), хлопці, які відслужили, звільняються, але спочатку їдуть до родин загиблих, на їх могили, до їх матерів і запевняють в тому, що ми дійсно пам'ятаємо кожного. Ми не забудемо своїх героїв, я думаю, що це не тільки героїв батальйону, це героїв свого села, свого міста, Запорізької області, це героїв України! Героям Слава!

Як Ви потрапили сюди?

Прийшов у військкомат, сказав, що я артилерист. Я полковник, але якщо буде посада навідника, командира гармати, я піду на любую посаду, бо я знаю, що я потрібен своїй державі. Коли мені запропонували стати заступником командира батальйону, у мене роздумів вже не було, рішення було прийняте. 22 квітня зателефонував мені військовий комісар і перший командир батальйону, полковник Борис Анатолійович. Не вагаючись, зібрав свої речі, я військовий, тому підготовлений.

Тобто, Ви стояли з самих початків, джерел створення батальйону, входили в ядро?

Ні. До складу ядра я не входив. Входив командир батальйону — полковник Борис Анатолійович, начальник штабу — полковник Юрій Євгенович, заступник командира батальйону — капітан Григорій Володимирович і старший лейтенант Роман Петрович. Ось тут він отримав звання капітана і став командиром роти. Важко було знайти керівну ланку, знайти офіцерів досвідчених, освічених, які будуть спроможні виконати всі поставлені завдання. Але цей досвід говорить про те, що є чоловіки справжні, є захисники, є воїни, з якими можна виконувати любі завдання, найважчі. Ставити завдання, допомагати, навчати. Вони все виконають, одна умова — взаємоповага. І це «залог» успіху. Військова вибагливість та взаємоповага. На цьому кожен солдат, кожен сержант, кожен офіцер виконає свої завдання. Що вони і доказали.

Зараз етап демобілізації, звільняються військові, які відслужили. Приходять хлопці, які закінчили навчальний центр Збройних сил України. Безпосередньо на позиціях їм передається минулий досвід старших хлопців. І я пишаюсь тими хлопцями, з якими я служив, я пишаюся тими, хто зараз прийшов. Це надійна зміна і Україна може бути спокійною за те, що 23-й окремий мотопіхотний батальйон свої завдання завжди вирішить, вдало вирішить.

Скажіть, як формувався батальйон? Це з добровольців чи з мобілізації? І яка зараз ситуація?

Зустріч бійців 23-го батальйону територіальної оборони у м. Запоріжжя. Фото з офіційної сторінки батальйону

Дуже важко сказати, добровольці, мобілізація, не мобілізація... Той колапс, який існував на той час, коли чоловік отримує повістку з військкомату і просто не приходить у військкомат — і таке було. Але ті люди, які отримавши повістку, прийшли в військкомат — це всі добровольці. Примусової системи, як такої, та навіть і досі не створено в державі. Я думаю, що це не найгірша ситуація в країні тому, що, дійсно, добровольці прийшли служити в Збройні сили. Мобілізовані чи немобілізовані хлопці прийшли в військкомат, отримавши повістки, взявши «віщовий» мішок, прийшли, стали в стрій. Було важко, не вистачало, всього не вистачало.

«Я считаю, что я из-за чего сюда пришел — это моя страна, она должна оставаться целостной. Как она начала свой рост, так она и должна продолжать, мы должны оставаться одним единым народом. Запад, Юг, Восток, Север — это все одна страна».

Ім'я: **Олександр**
Рік народження: **1990**
Статус: **боєць**
23-го батальйону
територіальної оборони
«Хортиця»
Інтерв'ю записане
І. Барковим
17 травня 2016 р.
Поточний архів проекту.
Ф.29. Оп.1. Спр.40.

Можете представиться, то есть: как зовут, откуда родом?

Автобиография?

Это не столько автобиография, сколько рассказ, как попал на войну.

Ну, зовут меня Александр, [19]90-го года рождения.

Какой волной шел?

Первой, получается. Единственное, что в апреле меня призвали, в основном мартовских первая волна. 25 апреля призвали, попали на «Близнецы»... Точнее не на «Близнецы», а на «Уральские казармы», там познакомились с личным составом, со своими подчиненными, собрались все вместе и поехали уже на «Близнецы» проходить боевое слаживание. Там конечно еще ближе сроднились с друг другом, сплотился коллектив, прошли боевое слаживание. Занятия у нас разные были, тактическая подготовка, специальная подготовка. После

этого 10 мая мы вышли уже в Донецкую область. Первое место дислокации была Стародубовка. И там уже начали нас раскидывать, экипажами, по разным блокпостам. Ну, так как-то разбежались, ну все равно, потом когда уже встретились, вышли на ротацию, уже чувствовалась все равно сплоченность коллектива.

Какие впечатления? Это ж начало войны. Потом сами боевые действия. Я так понял, что Вы не покидали часть уже год?

Да, получается. Не знаю, мне нравится. Во-первых, из-за того, что с ребятами, ну это вторая семья, может, это и слишком громко сказано, но факт остается фактом. Впечатления... Первое — это обстрел, страшно было, хотя страшно это громко сказано, первый раз ничего не понимаешь, тем более у нас еще ночь, нас в полпервого начали обстреливать.

Это где, в Стародубовке?

Нет, это в Приовражном, здесь около Мариуполя. Поначалу страшно, а потом видишь, я ж тебе говорю, осколки летят горящие, довольно-таки красиво, тоже впечатления яркие, на всю жизнь останутся. Потом ночевали в посадке. В ту ночь постоянно истерики были, паники. Ну, в конце концов, все нормально обошлось, они опять-таки после ротации вернулись сюда. Потом второй обстрел был там же, на том же месте, под Приовражным. Единственное, что время поменялось. Тогда в полпервого ночи, а теперь около двенадцати дня нас обстреляли. Получается, мы переехали и нас сразу же обстреляли.

Мы близко стояли, они видели все наши передвижения, и стреляли довольно-таки четко. Но, слава Богу, никого не убило, были раненные, но все остались живы.

Единственное, что техники много потеряли и все. Ну, в принципе, я считаю ничего такого важного, главное, что все живы остались. Когда проводили наступление на Коминтерново¹⁴⁹, 5 сентября, потеряли одного нашего бойца, самого молодого, вот, был ему 21 год, Владимир Попов. Тоже ехали они на танке, он ехал на переднем танке, и, получается, его подбили. Все внутренние органы, скорее всего, поразывались, потому что, все, кто его видел, говорят, что как живой, но не дышит, а так целый, ни ран, ничего. Долго не могли его забрать, не отдавали его нам. Получилось забрать в декабре, перед Новым годом, похоронили его. Мы тоже, к сожалению, здесь были, но не удалось попасть на похороны. Ну, ничего, сейчас все поувольняемся, съездим, соберемся все вместе, съездим на могилу, почти парня.

Приехав сюда, второй раз, ты изначально знал, на что ты шел и, все ребята, как бы, осознанно сделали свой выбор. Те, кому было страшно, они отказались. Их, в принципе, никто не осуждает. Все понимают: не смогли перебороть свой страх, остались дома.

Помните первые заходы в Донецкую область, встречу с первым местным населением, как они реагировали? Как вы друг друга воспринимали?

¹⁴⁹ Зараз с. Пікузи Волноваського району Донецької обл.

С первым местным населением у нас как бы контакта такого особого не было. Были в 3 километрах от села. Недели две побыли, и люди уже начали намного лучше к нам относиться, они поняли, что как бы это, я даже не знаю, смысленные такие ребята. И они знали, куда шли, и с благими намерениями, грубо говоря. Помогали, чем могли: тушенка, консервы и потом уже наладили отношения с ними. Потом они, конечно, приходили, приносили яички, курочек, начали уже поддерживать, вот.

Приехал в Мариуполь, в Мариуполе, конечно, тоже было изначально не по себе, потому что мирное население, работники аэропорта, в котором

Бойові позиції. Фото військовослужбовців 23-го окремого мотопіхотного батальйону

мы стояли, просто-напросто были запуганы. Подходишь и человек — по нему видно, что трясется. Были у нас там проблемы с электричеством, пропал в нашем помещении свет и мы звали электриков, чтоб они помогли нам восстановить это все.

А приехав сюда, здесь как бы население изначально побаивалось, но опять-таки не сильно, они привыкшие к этому были. Сейчас, на данный момент, с населением вообще очень хорошие отношения. Они нам помогают, мы им помогаем. Телевизор, тот же, что на кухне стоит, от местного населения, дали, машины дают пользоваться. Ну и опять-таки же мы им помогаем. Зима была, бабушкам, дедушкам дрова нарубить, в принципе, для нас это не особо там затруднительно, а для них это довольно-таки важная помощь. Если они ходят по маленьким веточкам тягают, пилят, а тут приехали накололи, напилили, благодарили. И тоже помогают, кто чем может, кто сметанкой, кто вот. Местное население, некоторые даже приглашают домой, покупаться, постираться, вещи стирают, хорошо мы сдружились, скажем так. И уже проблем, скажем нет: «Ребят, спасибо вам», — вот такого плана. Поддерживают нас.

Нескромный вопрос можно? Про отношения с женским полом в селе?

Не знаю. Я для себя принял решение, что, как бы, я сюда не за этим приехал. Как бы общаемся, да. Чисто дружеские отношения. В таком вот плане. Поэтому вот так. Есть ребята, такие, что поближе подпускают к себе. Я, в принципе к ним не отно-

шусь, скажем так. Вот. Были конечно и проблемы, но все это постепенно решалось. На данный момент, все довольны, в принципе.

А как у вас складываются отношения с другими батальонами добровольческими?

Ну, вот допустим, 79-ая бригада. Нет такого, что: «Мы такие [крутые], мы добровольцы». В конце концов, изначально, вот когда первые приходят, как бы они еще акцентируют на этом внимание, но после этого конечно, проходит время и начинаем общаться на равных. А 79-ая, вот, изначально, сразу: «Ребята, привет, как вы тут, что у вас?». То есть, поддерживаем, помогаем чем можем, слажены в работе. Потому что, в принципе, без артиллерии здесь, по большому счету делать нечего. А так они нас поддерживают, мы им помогаем, вот они, когда приезжали, мы им позиции делали, так же само и 6-му батальону, который дальше. Мы как только узнали, что они к нам едут, мы сразу подготовили позиции, блиндажи, копали окопы, копали [укрытия] под машины. В принципе, они благодарны нам, так же само и они сейчас нам помогают. Приходит пополнение, допустим, средств не хватает, это все решается вместе. У них есть какие-то тылы, остается лишнее, привозят нам. Делимся, так же мы по имуществу связаны. Они пришли, а у них на всю их роту 3 или 4 радиостанции, не считая того, что у них позиций где-то около 8. Ну так же само: «Ребят, нам надо». Все, без проблем, пошли, отвезли, познакомились, встретились, обговорили. Слаженная работа, нет такого, что мы там оттуда,

как говорят, что «бендеровцы» там и все остальное. Много хороших ребят знаю, вот со Львова познакомились. Довольно-таки все нормальные, адекватные ребята, есть конечно индивидуумы, но как говорится, «в семье не без этого», опять же таки их там свои на место и ставят. Я считаю, это правильно.

А чем для Вас был сам Майдан, его начало и потом аннексия Крыма?

Майдан, как бы особо, в принципе, изначально, как он сам начинался, за душу, честно скажу, не задевал. Но потом уже, конечно, когда начали людей убивать, все равно душевно что-то играло. Аннексия Крыма это уже задело до глубины души и было действительно неприятно, что так все получилось. Потом, когда началась вот эта катавасия с «ДНР», «ЛНР», начался призыв. Дома, конечно, сильно отговаривали: «Не иди, это не твоя война». Я даже не знаю, сильно не задумывался над этим, идти [или] не идти, сразу сказал: «Если повестка придет, я пойду, если нет — нет». Если пришла, я уже там, такого плана. Сильно особо не задумывался.

С «сепарами» имели контакт, связь, общение?

Я не знаю как, вот именно с теми, с которыми воюем, такого не было. Были, конечно, видео в интернете, передавали нам привет, говорили: «Уходи отсюда, по добру по-хорошему, иначе, там, "двухсотым" домой поедешь!». Ну, до сих пор все живы.

Есть разные мнения: оставить Донбасс, оставить все как есть; бороться до последнего, то есть, на Ваш взгляд, какой путь правильный?

Я считаю, что я из-за чего сюда пришел — это моя страна, она должна оставаться целостной. Как она начала свой рост, так она и должна продолжать, мы должны оставаться одним единым народом. Запад, Юг, Восток, Север — это все одна страна. Я не считаю, что это отделение, оно приведет к чему-то лучшему, как говорится: «Везде хорошо, где нас нет, где мы появляемся — там все плохо». Я не думаю, что они что-то выиграют в этой войне, даже если получится так, что они отсоединятся. Но я за то, чтоб Украина оставалась целостной.

Вы ездили на «гражданку» домой?

Да.

И какие у Вас восприятия после этой жизни возвращаться в город, да, где живут мирной жизнью?

Проблематично. Первые дня 3 приходишь в чувство, как бы понимаешь, что ты на «гражданке». А первые дни, вот так, идешь куда-то в магазин или еще куда-нибудь гулять, не хватает автомата, не хватает какой-то тяжести, идешь и переживаешь, сразу за плечо хватаешься, а потом все-таки, в конце концов, осознаешь, что ты уже дома. Так же само бывают проблемы такого плана, что на каждый шорох, громкий звук, бах, уже оборачиваешься, реакция уже выработана. Даже здесь на это не так обращаешь внимание, как там, потому что так вроде бы как спокойно и ничего пугать не должно, но бывает такое, что пугает.

Как я понял, у вас же всякие «ДНР-овские» телевидения вещают, вы же его смотрите? Какие ощущения вызывает: злость, радость?

Смех, больше всего.

А почему именно смех?

Мы, в принципе, видим, что здесь происходит. Они говорят, что мы обстреливаем мирные села, города. Но я-то здесь нахожусь, я понимаю, я слышу, как наши работают, и допустим, если кто-то передает координаты и на этих координатах находится село, нам просто-напросто не разрешают работать. Это уже не говоря о мариупольском начальстве, наше начальство говорит: «Все, ребят, там село, туда нельзя».

А как Вы к этому относитесь, что нельзя дать ответ?

В принципе, иногда бывает такое... По-разному. Когда они уже просто внаглую село обстреливать начали, тогда уже ответить хочется, конечно. Но опять же таки понимаем, что там мирные жители, дедушки, бабушки, которые не смогли уехать, это не их вина, что они там остались, что за ними прячутся. Сидим терпим, приходится терпеть, это война. Я не думаю, что такое страшное что-то происходит именно в этом, что нельзя ответить.

На «гражданке» у каждого человека есть масса вещей, что он считает, что не может без них прожить. А что вот из вещей для Вас есть важным, без чего Вы не могли бы прожить?

Телефон и интернет. Да, без этого тяжело. Связь с домом поддерживать, да и сейчас некоторые моменты просто-напросто необходимы, поговорить с кем-то, отвлечься просто-напросто от всего. Без остального, не знаю. Больше, в принципе, ничего

такого нет. Вот это единственное, просто связь с домом. Дома, конечно, свои проблемы. Естественно переживают, если не выхожу на связь, сразу начинается разрыв телефона, куча пропущенных звонков, крики, истерики: «Ты обнаглел, чего трубку не берешь?!». Ну, тоже, родители уже смирились с этим. Маму, в принципе, изначально, истерики били постоянно. Не знаю, может, недели две, брат рассказывал, рыдала по вечерам, а сейчас уже нормально, приезжаю домой — просто слёзы счастья вижу, радуется, что я приехал.

Мариуполь — более военизированный, чем Запорожье?

Да.

Какие ощущения от Мариуполя? Большой город тут рядом, пытается жить какой-то мирной жизнью, несмотря на то, что кругом военные?

Заезжаешь в город, и просто-напросто первые такие мысли, это душевный крик: «Это цивилизация! Ура! Люди!». Тут же привыкаешь, все в военной форме, радуешься за них. Мои волонтеры из Киева приезжают и, естественно, чувство благодарности и слова. Есть открытки, которые нам присылают на День Святого Валентина, «валентиночки» нам дарили. Чувство благодарности на душе, становится приятно. Все, что мы делаем, не зря и кто-то это ценит.

В Мариуполе, если есть свободное время, куда хочется пойти? В парк или в кино?

Хочется иногда обеда, чисто простого такого фастфуда. По мелочам. Нет такого особого желания

пойти погулять где-то, с кем-то, как дома, вечером пойти куда-то прогуляться — такого плана. Просто вот начинаешь ценить мелочи, такие, которые в обыкновенной жизни, вне армии, я не замечал. Иногда даже где-то ходишь и радуешься, где-то небо красивое, закат, восход, и уже просто-напросто улыбка на лице появляется и начинаешь ценить.

Вы до того, как пришли сюда, в политике были какие-нибудь предпочтения: левые, правые?

Честно, загнали меня на выборы 2 раза. И оба раза были в армии. Первый раз по срочной службе, второй — здесь. Особого предпочтения как бы, я никому не отдавал, потому что, ну, а смысл? Потому что все эти политики, в первую очередь, думают только о себе. И о своих карманах. Это мое личное мнение. О стране думают только в последнюю очередь.

Сейчас, Вы же смотрите телевизор, там «зрада» кричат, по политике сливают, там, солдат, есть ли такое ощущение у вас самих?

Под Приовражным было такое ощущение, ну опять же таки, оглядываясь назад, с теми знаниями, которые я уже получил, мне просто-напросто кажется, что не в этом дело. Просто слишком близко подошли, а так, что нас сдавали, я не сказал бы. Потому что командование наше, оно всегда было за личный состав, всегда поддерживало всячески, помогало, если срочно надо было домой. Все решается без проблем, просто подошел и сказал: «Так и так» — объяснил ситуацию, все — на следующий день уже свободно можешь ехать домой.

Под Приовражным, что там такого происходило?

Мы, получается, стояли на аэропорту. Нас просто-напросто, всех собрали, сказали: «Уезжайте с аэропорта, освобождайте место, занимайте другие позиции». Мы выехали. Первая часть колонны ехала, часа 3 дня было, мы остановились и ждали вторую часть колонны, все было вроде бы нормально, тихо, спокойно. Ну как тихо, спокойно. Мы, получается, стояли в балочке и чуть выше нас стояла 55-ая [бригада], их обстреливали. Понимали, что по технике попадают, и начальник это воспринимает, как «хиханьки-хаханьки», а ночью тоже машины приехали, боеприпасы разгрузили, пока места все понаходили, пока легли спать, и слышим первый разрыв, некоторые ребята начали кричать: «Нас обстреливают!». Основная часть, конечно, не обратила на это должного внимания, как бы, потому что далеко был разрыв, а когда потом начали ложиться ближе и ближе, тогда уже, можно сказать и паника поднялась. Паникой я это не назову, опять-таки, благодаря командованию, которые месяцы нашей тихой-мирной жизни армейской, всегда нам повелевало, что если где-то слышно «бах» и слышно свист, шелест от снарядов, то сразу надо ложиться где-то, в какую-то ложбинку, где-то, за какое-то дерево прятаться. И все довольно-таки четко исполняли эти напутствия, так сказать, поэтому, я считаю, все выжили, хотя довольно-таки тяжело было, но выжили все. И слава Богу!

А Минские соглашения, которые принимались в феврале [2015 года]? Там масса таких моментов,

что вплоть до легализации всех этих [сепаратистских] формирований, взамен на мир, который сейчас. Как вот это воспринималось тогда и как это сейчас воспринимается?

Честно, тут как бы, моего мнения я даже не скажу. Честно, сам не определился. Части населения с мирными жителями [в зоне боевых действий], конечно, хочется, чтоб все как можно быстрее закончилось. В этом плане я поддерживаю их, и сам склоняюсь, к этому впечатлению. Главное, чтоб быстрее все это закончилось. Потом надеемся, конечно, что Украина станет целостной, но главное, чтоб... Детей жалко! Так смотришь, по улице бегают ребята, маленькие, и они, блин, уже прекрасно понимают, что это такое — где автомат стреляет, где пулемет и все остальное. Жалко детей! Не так взрослых, не так себя даже, как детей жалко. Потому что это не их вина, и не они должны отвечать за ошибки своих родителей и людей, заинтересованных в этом.

Дитячий малюнок на стіні бліндажу. Фото військовослужбовців 23-го окремого мотопіхотного батальйону

А когда мир наступит, Вы уже представляли, чем бы хотели заниматься, в мирное время? Кем бы Вы видели себя уже?

Не знаю, хотел бы, наверное... Честно, даже не задумывался. Потому что с этим курсом доллара и ситуацией в стране, завод, на котором

я работал, на данный момент уже остановился. И неизвестно, начнет он свою работу заново или нет, поэтому мысли такие пролетают, чтоб вернуться сюда на контракт.

А на каком Вы заводе работали?

«Биол». Производство алюминиевой посуды.

Это в Мелитополе?

Да. Ну тоже. Они работали с Россией, в основном заказы шли с России, а сейчас в связи с этой ситуацией, подорожал алюминий.

А как воспринимаете, вот говорят: «Мелитополь — много "ватных" людей, пророссийских». Как Вы воспринимаете такие заявления?

Я не знаю таких людей. Со всех моих знакомых все поддерживают позицию Украины. Она едина. Были, конечно, да, но это в самом начале. [Знакомая] узнала, что я в армии, а сама в Москве работает, довольно-таки много говорила неприятных слов. На этом наше общение закончилось. А так до сих пор есть люди, которые недавно, благодаря фотографиям в соцсетях они узнают, что я здесь. Очень много слов благодарности услышал в свой адрес. Это приятно. Все воспринимают все по-серьезному.

А в России родственники есть?

Нет. В Крыму есть.

И как с ними сейчас вот отношения складываются?

Стараемся на эту тему просто не разговаривать. Изначально возникали такие словесные перепалки. Сейчас, на данный момент, просто переживают,

звонят, спрашивають, как я, «возвращайся быстрее», такого плана. Все равно переживают, как ни как, я не считаю, что этот политический результат. Свою голову человеку ты на плечи никак не посадишь, в принципе, это моя позиция, ну они все равно начинают расспрашивать это все, и понимают, что не все так, как показывают по телевизору и начинают осознать, приятно.

Спасибо.

Та не за что.

«Я все розумію, що в кожного своє життя. Але не треба жити як стаго. Не треба гумати, що все завжди буде добре. Нічого не буде добре до тих самих пір, поки Ви не підніметься з дивану і не зробите щось. За Вас ніхто нічого не зробить. Це не правило, це аксіома. Те, що не треба доказувати».

Ім'я: **АНТОН**
Рік народження: **1991**
Статус: **боєць батальйону «Донбас»**
Інтерв'ю записане
М. Павленком
26 січня 2017 р.
Поточний архів проекту.
Ф.29. Оп.1. Спр.43.

Расскажите о себе, о военной жизни.

Может, начнем с самого рождения? Родился я в [19]91-м году, 25-го февраля, вот. Перенес клиническую смерть.

Это в детстве была клиническая смерть, да?

Да. В детстве у меня была клиническая смерть потому что я полез на «смитнык», который в каждой деревне есть в углу. Наелся там розовых таблеток, как сейчас помню, они были сладкими. Потому что я ребенок и мне хотелось сладкого. И, короче, это были таблетки от понижения давления и у меня остановилось сердце. У меня было сердце остановлено на 5 минут. То есть, записано все, что у меня клиническая смерть, и потом началась вся остальная моя жизнь.

Это правда, что там есть какой-то свет в конце туннеля?

Не помню.

Вы родились в Запорожье?

Нет, я родился в Сумской области, город Белополье.

Как вообще проходило Ваше детство?

Детство проходило интересно. Мотоциклы, велосипеды, я все время любил крутить гайки. Бензин, масло — все это меня привлекало. И люди, которые тоже тем же занимались, привлекали меня, но они не любили учиться и мы прогуливали школу жестко.

А где прогуливали, чем занимались в свободное время?

Прогуливали мы обычно на рыбалке. Ездили на рыбалку, ловили рыбу. Когда у нас рыба не ловилась, мы ремонтировали велосипеды, обманывали родителей, обратно ремонтировали велосипеды и ехали на рыбалку. То есть, все прогулы связаны с рыбалкой: рыбалки, походы, такое. Ничего серьезного что мы можем сделать.

Были какие-то ситуации в детстве, которые изменили Ваше мировоззрение, которые повлияли на Вас как на личность?

Да. Сначала я жил в городе Сумы. До 7-го класса я жил в городе Сумы, там был свой мир, я жил в квартире, учился в гимназии. А потом, так получилось, что мы переехали в Харьков, я попал в частный сектор, в обыкновенную школу под номером 69 и там все поменялось. Я стал другим человеком. Очень сильно изменил меня этот город — Харьков. Я стал другим человеком. Я начал прогуливать школу, забивать на людей, перестал всех слушать,

всех перестал слушать вообще, даже родителей. Харьков из меня воспитал плохого человека, могу сказать так.

А есть какая-нибудь разница между Сумами и Харьковом?

Есть.

В чем она заключается?

Сумы — это культурный город, который придерживается стандартов украинского воспитания, украинского менталитета. В Сумах заботятся о людях, о подрастающем поколении. А в Харькове, в принципе, свобода, делай что хочешь, только не попадись в руки закона, и все, точка.

Бывали какие-то проблемы с законом?

Нет, не бывало. Они как бы были, но несущественные, и это те проблемы, которые сейчас обговаривать в принципе нет смысла, они такие легкие, никому ничё.

Дальше после школы...

Дальше после школы я пошел в ПТУ, сейчас принято говорить «лицей». Пошел в лицей. Пошел в лицей я первый раз на моториста, я хотел быть мотористом, мне нравились моторы, как они звучат и все. У меня не получилось отучиться, потому что я встретил человека, который предложил мне более привлекательные возможности в жизни и я ими воспользовался и пользуюсь до сих пор. На данный момент я отучился потом уже после этого лица на ювелира-монтировщика, потом я отучился на ювелира-реставратора и оценщика предметов старины и антиквариата.

А этому Вы где учились?

В Киеве.

Как проходило обучение, там уже не прогуливали?

Уже нет, не прогуливали.

Вы говорили был человек, который изменил.

Он умер.

Можете рассказать о нем?

Могу. О нем я расскажу. Был такой человек — Сергей Сергеевич. Он такой разгульный, как и мы, в принципе. Если бы была война, он бы воевал. Так получилось, что он задолжал кому-то там, я не в курсе, где-то в Мелитополе и его скинули с моста за это. И этот человек нас нашел молодых чисто — чистый лист, абсолютно ничем не занятые люди, которые могут проявить себя в творческой сфере. Я творческий человек. И он нас научил ювелирному делу. Очень хорошо научил, очень хороший мастер был, очень хорошо учил, заботился о своих людях. Потом просто он задолжал некоторым людям и его сбросили с моста, и он умер. У него есть еще жена, я хочу найти ее, но не могу.

Высшее образование Вы когда получили, в каком году?

Высшее образование? У меня нет высшего образования.

А ювелир, оценщик?

Для ювелира необязательно иметь высшее образование. Все решается на уровне лицеев, ПТУ.

Дальнейшая жизнь Ваша как сложилась после окончания?

Дальнейшая жизнь моя сложилась так, что нас было 4 друга. Вот всех друзей я провожал в армию и ждал сам 1 последний. 4 друга у нас сообщество. Они все ушли в армию. Один ушел в милицию. Второй сел в тюрьму, третий ушел в Крыму в ПВО, а я поехал последний. Мне делать больше нечего, все пацаны в армии, а я что буду делать? И я пошел в военкомат: «Заберите меня в армию». Они говорят: «Призыв закончился». Я говорю: «Нет, по любому заберите. Заберите меня в армию, мне надо по любому». Это был 9-й год, 2009-й. Забрали меня в «Десну»¹⁵⁰. Мы там сдавали тесты. На тестах показало так, что мне надо в артиллерию, считать умею, писать умею, там еще много чего умею — в артиллерию надо. Просто в артиллеристы не берут дураков, вообще просто не берут. Я пошел, меня определили в учебный полк.

Это Киев, пгт. Девички. Когда мы попали в пгт. Девички, там был другой тест, который определил меня на «постоянку», то есть я даже карьеру не продолжил, я в обслуживании артиллерии был. Я прослужил там 10 месяцев и уволился. Попал домой.

А насколько подготовка была качественная/некачественная?

Подготовка была абсолютно некачественная, абсолютно некачественная. Просто это не подготовка. Копать снег. Понятно, что копать снег кому-то надо, и я, в принципе, и не против покопать, но что

¹⁵⁰ 169-й навчальний центр Сухопутних військ Збройних сил України (навчальний центр «Десна»). Розташований у смт. Десна Чернігівської обл.

касається [военной подготовки]... По сравнению с войной срочная служба — разные вещи.

Вам пригодилась срочная служба?

Нет.

То есть, можно говорить о том, что во время срочной службы Вы ничего не приобрели?

Единственное, в чем мне приходилась срочная служба, — это в том, что я на расстоянии был от своей семьи, и все. Все остальное: навыки, еще что-то, они ни к чему вообще, это разные вещи. Одно дело война — одно дело срочная служба.

Кроме чистки снега чем еще занимались?

Кроме чистки снега, мы занимались подготовкой 2А36¹⁵¹, МТ-12, Д-30, «Васильки», «стодвадцатки»¹⁵². Чистка всего этого.

А кроме чистки, задачи были?

Были, но мы, я служил в подразделении, «БЗНП» называется. «Батарея забезпечення навчального процесу». Мы подготавлювали солдатикам пушку, щоб с ним ничего не случилось. Чоб он не взорвался вдруг нечаянно и мама не пришла и не сказала: «Почему мой сын взорвался в 18 лет?». То есть, мы этим занимались. Мы занимались подготовкой «БЗНП».

После срочной службы...

После срочной службы я устроился обратно на «ювелирку». Проработал, построил карьеру легенькую. Потом началась война. Я принял решение

¹⁵¹ 2А36 — 152-мм нарізна гармата «Гіацинт-Б».

¹⁵² Полковий міномет калібру 120 мм. Детальніше див. у словнику військових термінів.

пойти в армию и пошел. Я пошел в военкомат. У меня в военкомате знакомый есть, военный комиссар, полковник. Я пошел к нему говорю: «Хочу в армию». Он говорит: «Вот сейчас набирается 92-ая бригада, харьковская вся, пойдешь?». Я говорю: «Пойду». Он: «Хорошо, пиши бумажку». Я говорю: «Доброволец» — мне дают бумажку, которая пишет, что я как будто по призыву. Как будто бы мне дали бумажку по призыву. Не, я понимаю это все, но мне было на тот момент все равно, я подписываю ее. Отпускают меня домой собрать вещи и на следующий день нас уже ждет «бусик». Мы в этот «бусик» грузимся и едем. Едем мы в этом «бусике» в Чугуев в 92-ую бригаду легендарную.

Это Вы с какого периода по какой служили в ней?

10 августа 2014-го года призыв. 11-го я был уже в бригаде.

Это подготовка уже была?

Была подготовка. 24-го числа я уже был в Иловайске. 10-го я был призван, 24-го я уже был в Иловайске. Абсолютно разбитым. У нас было 60 машин, 300 человек, все были разбитые, все. Все машины были разбитые, потому что нас «накрывали» со всех сторон. 100 человек погибло, на тот момент. Я, к счастью, выжил, ни одного ранения у меня нету, ни царапины вообще, кроме контузии. Контузия, конечно же, есть, но, но слава Богу, слава человеку, который нас спас. Это наш комбриг, командир бригады. Ему министерство говорило: «Не выводите», а он взял и вывел своих людей обратно. Сказал: «Это мои люди, я за них отвечаю». И он нас

*Знищена техніка 92-ої окремої механізованої бригади
під м. Іловайськ Донецької області (серпень 2014 року).*

Фото П. Нетьсова

вывел, он дал добро, то есть мы не сами вышли оттуда, он нам сам сказал.

Командир был с вами?

Нет. Не было с нами, он в телефонном режиме сказал нам выходить. «Любыми способами: отжи-майте машины, что хотите, то и делайте, выходите». Все. Первая попытка не прошла, значит нужно выйти. Логично, не надо в плен попадаться иной раз или еще что-то. Надо выйти, переформироваться и обратно войти. В принципе, логично. Комбриг, он молодец. Виктор Николук, командир 92-ой бригады — он молодчага. Он именно мировой мужик, нас вывел.

Расскажите, вы когда выезжали в Иловайск, Вам вообще объясняли задачи, цели?

Во-первых, не было ни задач, ни цели. Не было связи, до начала войны связи не было. И вот, когда мы попали в передрагу, «алло-алло» — никто не слышит. Как ты сможешь скомбинировать войско, если у него нет связи? Это стадо. Стадо, ночь, темно, поле, посадка, постоянно «бам-бам-бам». По тебе лупят 152, 122 калибр, 82 — все, абсолютно. Там даже гранаты достаточно, чтоб стадо разбежалось.

Лупили местные «шахтеры-трактористы» или все-таки кагровые военные?

Честно говоря, ты знаешь, что такое «танкист»?

Наверное нет, я так отвечу.

Скорее всего ты не знаешь, это недоучившийся артиллерист. Стало быть, если по тебе бьют минами, то это люди с высшим образованием бьют. Из этого мы приходим к чему? Что шахтер, который поднялся из шахты, не может управлять артиллерийским огнем. Стало быть, это танкист «кацапов». Будем исходить из логики. Все, вот тебе и ответ, ты сам себе ответил на вопрос.

Как происходил выезд? Какое у вас было вооружение?

У нас было хорошее вооружение. У нас было батарея минометов, у нас было 2 «саушки» 21, на тягачах. 2 «саушки» 21, 122 калибр. У нас был целый батальон штурмовой роты, целый батальон штурмовиков. У нас была РТГ, тактическая группа. У нее есть все: танки, минометы, артиллерия, пехота —

все. Мы можем, короче, «штурмануть» Запорожье. Той группой можно было «штурмануть» Запорожье, если бы оно не было подготовлено к «ответке»?

Я понял.

То есть, там серьезная группа была, очень серьезная. Да, по дороге мы конечно раскидывали направо и налево, кто был против. Но когда нас настигли... Они как кроют — в шахматном порядке. Тут ты не выйдешь вообще, ну это надо быть фартовым. Или когда они веером начинают разворачивать «артуху» свою. Вперед-назад, вперед-назад. И ты просто валенок. И ты такой 15 минут бежишь, а потом тебе такой «вжух-туууфффхшш», перед лицом начинает сыпаться и потом назад оттягивают, потом вперед — это очень страшно. Вот чего я боюсь, так это «артухи». Вот больше всего я боюсь артиллерии.

Какие потери были вот именно от артиллерии?

Потери были колоссальные, могу тебе сказать. Старобешеве, Васильевка, если точнее, можешь пробить. Васильевка — там разбили 92-ую бригаду, разбили жестко.

Как выходили, на чем?

Выходили как могли. Пешком, «азовцы» кого-то подхватили, «донбассовцы» кого-то подхватили. Кто-то сам выходил до самого дома, кто-то еще там что-то. Танковые бригады выходили как могли, в принципе. Просто шли, встречали своих и выходили.

Насколько это было организовано/неорганизовано?

Это было неорганизовано, абсолютно, абсолютный ноль. Никто никому ничего не должен, там стрелкотня сбоку, там стрелкотня сбоку, ты идешь такой прямо и думаешь: «Сейчас будет и тут стрелкотня». Мы два часа лежали стреляли, у нас боеприпасы закончились и тут по рации говорят: «Ладно, проходите». Понимаешь? У них тоже у самих сдача закончилась, они сами нам говорят: «Ладно, проходите». А мы такие: «Фух, слава Богу». И мы проходим через дырку, и мы в Украине уже, все.

Была какая-то точка куда вы шли?

Была точка. Была точка, мы звонили, мы брали телефон и звонили в штаб сектора «М». Говорили: «Такая ситуация, мы такая-то бригада, нас столько-то людей, нам надо куда-то что-то делать». Они дают нам азимут. А что такое азимут? Это направление. А если у тебя нет карты и компаса? Что значит этот азимут? Ничего!

То есть, конкретно вам не говорили, что идти вам туда-то?

Слушай, вот у вас нет ни компаса, ни карты, и тебе говорят азимут, и ты такой стоишь: «Угу-уууу, азимут, хорошо, да, спасибо ребята, помогли». Азимут — это ж решение всех вопросов! Ни компаса, ни карты! Говорит: «Ребята, вы на кольце, вот вам азимут, выбирайтесь». А у нас ни компаса, ни карты, вообще ничего, все сгорело там... Слава Богу, мы знаем как определить север-юг-запад-восток. Мы определили азимут и пошли в сторону короче Тельманово, потом с Тельманово на Новоазовск, с Новоазовска на Широкино, а с Широкино

в Мариуполь, все. Таким образом мы выбрались из Иловайска.

Комбригу за это ничего не было?

Было. Его пытались посудить, потягать, но бойцы стали, короче, горой за него. Он нас защитил, мы его обязаны защитить. Этот один человек решил наши проблемы. Да, конечно, он не хотел отправлять нас на смерть. Это ситуация стороной так повернулась, но тем не менее, он протянул руку помощи.

Его до сих пор «мурыжат». Мы им покажем еще, мы так просто не сдадимся. 92-я бригада — это Харьковская бригада, это легендарная танковая бригада была раньше. Это потом превратилась сначала в Нацгвардию, потом в пехоту. Это была на самом-то деле танковая бригада сначала. Она еще со времен войны была [19]41-го — [19]45-го года. Танковая бригада была, там легендарные личности служили, которые во Второй мировой войне делали подвиги.

После Иловайска Вам дали передышку?

Да, дали.

Сколько?

Мне дали около двух недель отпуска. Я две недели отдыхал дома после Иловайска. Потом я вернулся в «лавы армии».

Не говорили: «Не рассказывать ничего»?

Нет, не говорили.

Таких указаний не было?

Нет. Говорили наоборот: «Говорите правду». И мы говорили правду. Во-первых, Минские дого-

ворённости тогда были. Во-вторых, это боевое крещение было. Люди ни разу не воевали на тот момент. В-третьих, нас «кроют». Нас «накрыли» жестко. Очень много погибших было, очень много погибших машин. Поэтому мы ни о чем не могли думать даже. Только вытащить бы свои Я молился сутки, чтобы мы вытащили себя с Иловайска.

Какие настроения были в тот момент?

В тот момент? В войсках? У меня лично было настроение куда-нибудь выгнаться, где цветы, женщины, где все тихо и хорошо. Больше я ничего не думал. Чтобы ты больше не ощущал прилетов в десяти метрах со «стодвадцатки». «Тыдыщ» — и тебя откидывает просто. Слава Богу, дерево было, оно осколки ловило. Никаких вообще не было. Просто выйти оттуда и все.

Спустя две недели...

Спустя две недели меня не попустило. Друзья ко мне приходили в две-три смены, чтобы я дома случайно один не находился. Родители были на работе. Они тоже [следили], но ко мне приходили друзья, чтоб я один дома не находился, чтоб я себя не накручивал. Мозг — такая тема, что накручиваешь себя. Приходили друзья, мы веселились. Это конечно плохо, но это лучший вариант из тех, что были.

Отношение к мирному населению не изменилось? Вы приезжаете к себе домой, а здесь идет как бы мирная жизнь.

Я злюсь, потому что мирному населению, в принципе, все равно. Я не заставляю никого поддержи-

вать меня или еще что-то там. Но мирное население не должно себя так вести. Меня выкидывали из маршрутки.

Это где?

В Харькове. Но я человек, у которого есть сила, доказал обратное. Залез в эту маршрутку. Я показал удостоверение, а он мне: «У меня тут бабушка». «Бабушка — она и в Африке бабушка. Она должна ездить бесплатно. А я на данный момент тебе показываю документ». Они против, конечно. Борются за копеечку свою. Никого не осуждаю, но так нельзя. Многие люди забывают вообще цену, которой нам это все далось.

Получается, через две недели Вы вернулись в бригаду. Была переукомплектация, правильно?

Да.

Долго это происходило?

Нет. Две недели.

И потом был следующий выезд?

Да.

Куда?

ТЭЦ. Луганская ТЭЦ.

Какие функции Вы должны были исполнять?

Пулеметчика.

Были ближние бои?

Были, конечно. 100 метров. Наша пехота, «артуха», поддержка — полный контакт. Ерофеева¹⁵³ я принимал и еще некоторых личностей с ними. Тех, которых на Савченко поменяли. Они прошли

¹⁵³ Евгений Ерофеев та Олександр Олександров — російські військовослужбовці, затримані поблизу м. Щастя Луганської обл. 16 травня 2015 р.

Командир 92-ої бригади Віктор Ніколюк демонструє вилучену у російських військових гвинтівку «Винторез» (м. Київ, травень 2015 року). Фото ЕРА/UPG

аванпост. Расстреляли его. И подумали, что можно ворваться вообще легко на позиции «укропов». Но не все так гладко. Они напоролись на 92-ую бригаду.

Вы общались с ними?

Мы их мотали, чтобы они не сдохли. Там не до общения было. Чтобы не истекли кровью.

А потом не приходилось общаться?

Приходилось. Говорят: «Нас заставили копать окопы, мы не боевики, нам жить не за что». Песня, что мы тут просто копаем и все. «А почему у тебя был автомат?». Никто не знает.

«Сепары» — это местные или россияне?

Я, в основном, имел дело с местными.

Откуда они?

Из сектора А, Б, Ц, М — я по всем секторам имел с ними дело.

Чем они занимались до войны?

Неизвестно. Никому не было интересно.

Как прошел этот второй выезд? Сколько он длился?

Полгода. Без ротаций. Отличные бытовые условия. Теплые посадочные места. Когда-никогда что-нибудь прилетит в стенку, но это терпимо.

Где жили?

На ТЭЦе. Готовили повара, специальные повара. Мы не заботились о еде. Был повар, который знал, что ему надо проснуться рано утром и приготовить еды, потому что целая бригада хочет есть. По поводу нашей бригады было все четко. Единственное, что была пара офицеров, которые пытались организовать, чтобы нам не давали участника боевых действий. Но, слава Богу, у нас был командир бригады, который мог кулаком по столу ударить и все побегут делать свои дела.

Благодаря ему все эти вопросы решались?

Да. Ему именно большое спасибо. Он именно боевик.

Спустя полгода Вас вывели на ротацию...

На увольнение уже. С ротации сразу на увольнение пошли. Уволился я. Посидел дома. Потом мне надоело дома сидеть, я поехал в «Донбасс». Батальон «Донбасс». БСП — «батальон спеціального призначення Національної гвардії». В город Мариуполь. Там прослужил около года.

Когда Вы служили в «Донбассе»?

2015-2016-ый [года].

Если сравнивать с предыдущей службой, есть какое-то отличие?

Конечно же есть. Во-первых и основных, туда приходили ребята, которые уже пережили ЗСУ. Туда приходили люди целенаправленно воевать. С опытом приходили. Были неопытные [в военном деле], но они были опытные в других вопросах. Туда приходили уже обученные специализированные люди, которые могут что-то из себя представить.

Почему именно «Донбасс», а не какой-то другой батальон?

Мне нравится слово «Донбасс». Из-за этого туда и пошел.

Серьезно?

[Командир]¹⁵⁴. Он пошел в «Донбасс», потому что после демобилизации он не знал, куда себя деть. Він довго шукав себе, як я пам'ятаю. Он очень долго решал, куда ему податься. Искал свое место и нашел его среди нас. Сначала он попал в штурмовики, а потом его перевели в артиллеристы. Я обратил на него внимание, а я был тогда командиром артиллерийской разведки в батальоне «Донбасс». Я к себе «Лимона» взял.

[Антон]. Отакая от история.

Населенные пункты какие были в Вашу бытность в «Донбассе»?

¹⁵⁴ Тут і далі до розмови приєднується командир артилерійського підрозділу батальйону «Донбас», у якому служить опитуваний.

Коминтерново, Лебединское, Широкино, Заиченко, Гранитное.

[Командир]. Мы отвечали на обстрелы. Иногда в меньшей степени, иногда в большей. В «околыцах» Гнутово была позиция, мы могли 82-ым минометом достать до врага. Сейчас там стоит вражеская пехота, опорный пункт очень жирный. Мы пытались их оттуда выбить, но так и не выбили. Не потому, что «сепары» — красавчики, а потому что мы в поле не умеем воевать. В городе полегче. Там у них очень сильная природная позиция. Они и на высоте находятся и за укрытием. Земляная насыпь. Мы ее три раза атаковали и все три безуспешно.

Кто находится по ту сторону Вам известно?

[Командир]. Да, конечно. Подразделения находятся там толковые. Люди, которые умеют стрелять, умеют координаты передавать, которые умеют засекать. Есть противник опытный, есть неопытный. На том месте, о котором я сейчас говорю, на том месте противник опытный. К сожалению. Чисто географически эта позиция для нас нелегка. Буквально год назад с этого места мы стреляли благополучно, а сейчас там враг. Он там живет, он там окопался, он там хорошо себя чувствует. И нам это очень не нравится. Поэтому мы его уже третий раз штурмуем. Погибших, слава Богу нет, но раненных куча.

У многих: отвоевал — и война закончилась. Мне показалось, что Ваша война не закончилась.

[Командир]. У нас много ребят родом с оккупированного Донецка, Крыма. Как может закончиться война для людей, которые воюют за свою

Родину, за свою землю? Мы не можем отдать эту землю, потому что основной костяк нашего подразделения — это донецкие, луганские, крымские ребята. В моем подразделении большинство людей из Донецка, Луганска, из Крыма. Я сам, допустим, из Донецка. Мы брошенные люди. Это тоже повлияло на наш теперешний выбор, потому что мы уже третий год воюем и никак не попадем ни в гвардию, ни в армию. Нам это все не подходит.

Наш дом никто не собирается освобождать. Народ Украины интересуется, конечно, побыстрее это все закончить. Нет войне — это звучит прикольно, но если человек, который такое пишет или говорит хотя бы один раз побыл на этой войне, он бы никогда в жизни такого не сказал. Только победа. И все. Люди, которые говорят, что надо мирно все решать... Это невозможно.

Я хочу домой, хочу в свой дом, который раньше был. Но не могу это сделать. Я украинец. Не лучше и не хуже других украинцев, но какого-то не могу вернуться в свой дом. Надо показывать зубы. Тем более, если есть возможность их показывать.

Наразі ми люди, які мало дивляться телевізор і мало взагалі щось слухають. Які по своїй суті є люди безвідповідальні та вільні.

[Неідентифікований голос]. Ми слухаємо свого командира і своє серце.

[Командир]. Їх ніхто не збирав, щоб ти розумів. Вони самі зібралися. Я їх не шукав. Вони самі прийшли. До цього життя, до цього способу життя. Їх ніхто ніколи не агітував навіть. І вони наразі само-

стійно вже дуже довго цю задачу виконують. Я відчуваю за них деяку відповідальність і дуже радий, що поруч зі мною є такі люди. Це є саме той шар суспільства українського, що дійсно є вільним. Всі там можуть орать в своєму Фейсбуці, що вони там вільні люди, хоча такого немає насправді. Поряд зі мною сидять вільні люди. У них нічого немає, їм нічого не потрібно. Зараз ми свою свободу намагаємось в якесь корисне діло направити. Поки що в нас получається воювати.

Може, буде звернення до людей, які дивитимуться чи читатимуть?

[Командир]. Я все розумію, що в кожного своє життя. Але не треба жити як стадо. Не треба думати, що все завжди буде добре. Нічого не буде добре до тих самих пір, поки Ви не підніметесь з дивану і не зробите щось. За Вас ніхто нічого не зробить. Це не правило, це аксіома. Те, що не треба доказувати. Когда Вы на собственной шкуре почувствуете все то, что происходит с другими, то, что кажется Вам далеким и Вас не касается, когда оно придет к Вам домой, Вы поймете насколько Вы были неправы. Все это почувствуете на собственной шкуре. Мне бы не хотелось, чтобы Вы почувствовали то, что почувствовал я, «Лимон», «Завгар».

[Неідентифікований голос]. Не дай Бог!

[Командир]. Это бремя сильных людей, я не спорю, но все-таки надо понимать, что это движение не бесконечно. И тогда Вы так же, как и я, останетесь без дома, без города, без имени даже. Вообще без ничего. Это печально, это трудно. С

таким только сильный человек может справиться. Я не говорю о смерти или еще каких-то страшных вещах. Я говорю о минимуме. Нужно понимать, что когда мы объединимся, мы есть сила. Когда мы по разному, как сейчас (хотя у нас кричат по телеку, что «Ми є об'єднані!» — все это брехня). Воюют вот я, он, еще добровольцы. «Лишь бы не я. Меня это не коснется» — это от нас не зависит.

Ви можете робити вигляд, що все добре. А можете стати і щось робити. Хоча б щось. Хоча б якийсь мінімум.

ГЕОГРАФІЧНИЙ ПОКАЖЧИК

- Авдіївка (м. Донецької обл.) — 240, 246
Артемівськ — див. Бахмут
Афганістан — 21, 38, 324
Африка — 128, 368
Бахмут (м. Донецької обл.) — 42, 52, 65, 259-262, 290, 292-294
Бердянськ (м. Запорізької обл.) — 209, 249-251, 254-256, 307, 335
Бердянське (с. Волноваського р-ну Донецької обл.) — 166, 193
Біленьке (с. Запорізького р-ну Запорізької обл.) — 31
Білопілля (м. Сумської обл.) — 356
Бойківське (смт. Бойківського р-ну Донецької обл.) — 365
Брюссель (м., столиця Бельгії, де факто столиця ЄС) — 69
Василівка (с. Старобешівського р-ну Донецької обл.) — 364
Вашингтон (м., столиця США) — 69
Верхньоторецьке (смт. Ясинуватського р-ну Донецької обл.) — 241
Верхньошироківське (с. Новоазовського р-ну Донецької обл.) — 276
Вільнянськ (м. Запорізької обл.) — 335

- Вінниця (м., обласний центр) — 333
- Волноваха (м. Донецької обл.) — 217, 218
- Водяне (с. Ясинуватського р-ну Донецької обл.) — 241
- Генералка (балка на о. Хортиця, Запорізька обл.) — 167
- Георгіївка (сmt. Лутугинського р-ну Луганської обл.) — 323
- Гнутове (с. Кальміуського р-ну м. Маріуполя Донецької обл.) — 274, 275, 372
- Грабське (с. Амвросіївського р-ну Донецької обл.) — 54, 62
- Гранітне (с. Волноваського р-ну Донецької обл.) — 107, 217, 310, 372
- Грузія — 24, 215, 257, 321
- Данія — 322, 328
- Дебальцеве (м. Донецької обл.) — 160, 161, 305, 323, 330
- Десна (сmt. Козелецького р-ну Чернігівської обл.) — 359
- Дівички (с. Переяслав-Хмельницького р-ну Київської обл.) — 359
- Дніпро (м., обласний центр) — 18, 62, 82, 107, 121, 144, 203, 211, 320, 323
- Дніпропетровськ — див. Дніпро
- Дніпропетровська область — 18, 31
- Донбас — 29, 65, 66, 79, 133, 140, 145, 147, 192, 196, 202, 277, 280, 282, 294, 309, 334, 346
- Донецьк (м., обласний центр) — 69, 133, 159, 180, 195, 207, 209-214, 216, 245, 304, 372, 373
- Донецька область — 11, 22, 143, 144, 211, 252, 256,

- 294, 295, 333, 341, 342
- Донецький аеропорт — 105, 156, 218, 219, 223, 225, 226, 228, 236, 305
- Дружківка (м. Донецької обл.) — 22
- Енергодар (м. Запорізької обл.) — 335
- Зайцеве (смт. Бахмутського р-ну Донецької обл.) — 259
- Заїченко (с. Волноваського р-ну Донецької обл.) — 158, 274, 276, 372
- Запоріжжя (м., обласний центр) — 17, 20, 21, 29, 31, 50, 67-72, 76, 82, 83, 106, 107, 113, 114, 122, 139, 144, 149, 152, 153, 186, 192, 199, 209, 211, 212, 230, 239, 247, 248, 251, 269, 270, 272, 277, 278, 284, 286, 307, 309, 311, 314, 332, 333, 339, 349, 356, 364
- Запорізька область — 18, 20, 199, 333, 335, 337
- Запорізький район Запорізької обл. — 31
- Західна Україна — 143, 333
- Ізраїль — 169
- Ізюм (м. Харківської обл.) — 258
- Ловайськ (м. Донецької обл.) — 15, 37, 38, 39, 41, 45, 51, 54, 84, 85, 156, 160, 187, 202, 204, 212, 244, 268-271, 275, 295, 298-300, 304, 309, 315, 318, 327, 361-363, 366
- Індія — 167
- Кальміус (р. у Донецькій обл.) — 217
- Київ (м., столиця України) — 20, 29, 37, 69, 70, 80, 85, 86, 90, 91, 107, 126, 141, 144, 152, 153, 155, 200, 216, 251, 252, 254-256, 267, 273, 287, 290, 307, 324, 349, 358, 369
- Київська область — 18, 19, 32
- Кіровоград — див. Кропивницький

- Клугино-Башкирівка (с. Чугуївської міської ради Харківської обл.) — 22
- Кобзарі (с. Амвросіївського р-ну Донецької обл.) — 56
- Комінтернове — див. Пікузи
- Красноармійськ — див. Покровськ
- Крим (півострів) — 10, 11, 68, 69, 77-80, 144, 147, 155, 192, 216, 252, 320, 333, 346, 353, 359, 372, 373
- Кривий Ріг (м. Дніпропетровської обл.) — 19
- Кропивницький (м., обласний центр) — 21, 297
- Кубань (історичний регіон на Північному Кавказі) — 83, 320, 321
- Курахове (м. Донецької обл.) — 52, 53, 54, 268, 294, 295
- Кушугум (сmt. Запорізького р-ну Запорізької обл.) — 135
- Латишеве (с. Шахтарського р-ну Донецької обл.) — 84
- Лебединське (с. Волноваського р-ну Донецької обл.) — 96, 102, 105, 308, 372
- Лисичанськ (м. Луганської обл.) — 41, 42, 43, 50, 52, 54, 64, 65, 267, 268, 293, 294
- Луганськ (м., обласний центр) — 106, 107, 133, 180, 373
- Луганська область — 11, 22, 252, 256
- Лутугине (м. Луганської обл.) — 323
- Луцьк (м., обласний центр) — 91
- Львів (м., обласний центр) — 68, 69, 160, 333, 346
- Маріуполь (м. Донецької обл.) — 15, 17, 22, 92, 94, 98, 101, 103, 107, 110, 113, 115, 119-121, 158, 161, 162, 180, 190, 191, 193, 194, 199, 207, 211, 272, 274, 308, 310, 313, 314, 334, 336, 343, 349, 366, 370

- Мар'їнка (м. Донецької обл.) — 157, 210, 243, 293, 295
- Мелітополь (м. Запорізької обл.) — 154, 335, 353, 358
- Металіст (смт. Слов'яносербського р-ну Луганської обл.) — 327
- Миколаїв (м., обласний центр) — 12, 22
- Москва (м., столиця Російської Федерації) — 69, 353
- Многопілля (с. Амвросіївського р-ну Донецької обл.) — 299
- Нові Петрівці (с. Вишгородського р-ну Київської обл.) — 256, 257, 290, 292, 307
- Новоазовськ (м. Донецької обл.) — 101-104, 276, 330, 365
- Новоайдар (смт. Новоайдарського р-ну Донецької обл.) — 322
- Новобахмутівка (с. Ясинуватського р-ну Донецької обл.) — 157
- Нововолинськ (м. Волинської обл.) — 91
- Норвегія — 328
- Октябрь — див. Верхньошироківське
- Опитне (с. Ясинуватського р-ну Донецької обл.) — 241
- Оренбург (м., обласний центр РФ) — 195
- Осикове (с. Старобешівського р-ну Донецької обл.) — 52
- Павлопіль (с. Волноваського р-ну Донецької обл.) — 94, 95, 276
- Первомайськ (м. Луганської обл.) — 53, 261, 268
- Пищевик (с. Волноваського р-ну Донецької обл.) — 191, 276

- Південна Осетія — 326, 327
- Пікузи (с. Волноваського р-ну Донецької обл.) — 96, 102, 105, 274, 276, 308, 342, 372
- Піски (с. Ясинуватського р-ну Донецької обл.) — 157-159, 220
- Покровськ (м. Донецької обл.) — 293
- Половинкине (с. Старобільського р-ну Луганської обл.) — 323, 325, 326
- Полтава (м., обласний центр) — 333
- Полтавська область — 19, 32
- Польща — 160
- Попасна (м. Луганської обл.) — 42, 43, 54, 64, 65, 260, 262, 263, 265-267, 271, 293, 294
- Прага (м., столиця Чехії) — 180
- Придністров'я — 131
- Приовражне (с. Нікольського р-ну Донецької обл.) — 341, 350, 351
- Розумівка (с. Запорізького р-ну Запорізької обл.) — 248
- Сартана (смт. Кальміуського р-ну м. Маріуполя Донецької обл.) — 274
- Саханка (с. Новоазовського р-ну Донецької обл.) — 104, 105, 274, 276
- Севастополь (м., окрема адміністративна одиниця України) — 77-79
- Сєверодонецьк (м. Луганської обл.) — 47
- Сімферополь (м., столиця Автономної Республіки Крим) — 77, 80
- Слов'янськ (м. Донецької обл.) — 11, 258, 259, 266
- Сніжне (м. Донецької обл.) — 96, 97
- Сопине (с. Волноваського р-ну Донецької обл.) — 193

- Старе (с. Бориспільського р-ну Київської обл.) — 252
- Старобешеве (сmt. Старобешівського р-ну Донецької обл.) — 52, 187, 271, 295, 364
- Стародубівка (с. Мангушського р-ну Донецької обл.) — 341
- Суми (м., обласний центр) — 356, 357
- Східна Україна — 143, 283
- США — 18, 63, 125, 128
- Талаківка (сmt. Кальміуського р-ну м. Маріуполя Донецької обл.) — 274, 308
- Тельманове — див. Бойківське
- Тернопіль (м., обласний центр) — 333
- Токмак (м. Запорізької обл.) — 209
- Труханів острів (р. Дніпро поблизу м. Київ) — 87
- Трьохізбенка (с. Новоайдарського р-ну Луганської обл.) — 158
- Урзуф (с. Мангушського р-ну Донецької обл.) — 89, 90, 98, 110, 116, 274
- Фінляндія — 133
- Харків (м., обласний центр) — 107, 144, 257, 258, 306, 356, 357, 368
- Херсонська область — 19
- Хмельницька область — 44
- Хортиця (острів у Запорізькій обл.) — 137
- Центральна Україна — 143
- Червоносільське (с. Амвросіївського р-ну Донецької обл.) — 299, 300
- Черкаси (м., обласний центр) — 185
- Черкаське (сmt. Новомосковського р-ну Дніпропетровської обл.) — 22

- Чернігівська область — 20
 Чехія — 127, 180, 181
 Чорноморське (сmt. Лиманського р-ну Одеської обл.) — 21
 Чугуїв (м. Харківської обл.) — 361
 Широкине (с. Волноваського р-ну Донецької обл.) — 93, 96, 98-100, 102, 103, 105, 106, 108, 110, 113, 114, 157, 158, 161, 162, 164, 166, 185, 188-190, 193, 194, 197, 204, 210, 243, 274-276, 310, 365, 372
 Щастя (м. Луганської обл.) — 281, 328, 368
 Юр'ївка (с. Мангушського р-ну Донецької обл.) — 17, 110
 Яготин (м. Київської обл.) — 150
 Якимівка (сmt. Якимівського р-ну Запорізької обл.) — 335
 Ясинувата (м. Донецької обл.) — 158

Наукове видання

УСНА ІСТОРІЯ РОСІЙСЬКО-УКРАЇНСЬКОЇ ВІЙНИ (2014-2018 РОКИ)

Випуск 4

Відповідальний редактор: *Владислав Мороко*
Верстка та макетування: *Петро Клим*
Дизайн: *Ольга Сало*
Коректор: *Михайло Павленко*

Фото на обкладинці *Павла Боболовіча*

Український інститут національної пам'яті
01021, м. Київ, вул. Липська, 16.
www.memoiry.gov.ua
uinp@memoiry.gov.ua

Віддруковано з готового оригінал-макету
Підписано до друку 21.05.2018

Видавництво «К.І.С.»
04080 Київ-80, а/с 1, тел. (044) 462 5269
<http://kis.kiev.ua>

Свідоцтво про внесення до Державного реєстру суб'єктів
видавничої справи ДК №677 від 19.11.2001 р.

Друк
СПД ФО Кудла Галина Ярославівна
Код ЄДРПОУ: 2845708000